Проф. П. С. Кузнецов

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

УЧПЕДГИЗ · 1954

Проф. П. С. КУЗНЕЦОВ

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

УЧЕБНИК
ДЛЯ УЧИТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ

ИЗДАНИЕ 2-е

Утверждено
Министерством просвещения РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА — 1954

Проф. *П. С. Кузнецов.* Русская диалектология.

Редактор *Н. М. Шанский.* Редактор карты *И. И. Самойлов.*
Технический редактор *Н. П. Цирульницкий.* Корректор *И. И. Бурджелян.*

* * *

Сдано в набор 27/XI 1953 г. Подписано к печати 19/II 1954 г. 60×92[1]/16. Печ. л. 9,75+0,34 вкл. Уч.-изд. л. 10,14+0,23 вкл. Тираж 50 тыс. экз. А01663.

* * *

Учпедгиз. Москва, Чистые пруды, 6.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома Главиздата Министерства культуры СССР. Москва, Валовая, 28. Зак. 848.

Отпечатано с готовых матриц в типографии «Красный Печатник». Ленинград, проспект имени И. В. Сталина, 91. Зак. 486.

* * *

Цена без переплёта 2 р. 05 к. + цв. карта 35 к. Переплёт коленкоровый 1 р. 50 к

ВВЕДЕНИЕ

Предмет диалектологии

§ 1. Диалектологией (от греческого diálektos — „разговор", „говор") называется наука о диалектах, наречиях или говорах какого-либо языка. Задачей русской диалектологии является изучение наречий и говоров русского языка.

Под диалектами, наречиями и говорами понимают различные разновидности данного языка, характеризующиеся, помимо черт, свойственных общенародному языку, также некоторыми своими специфическими чертами.

Говором обычно называют самую мелкую, далее неделимую разновидность языка. Совокупность говоров, обладающих некоторыми общими признаками, представляющая в то же время лишь часть данного языка, называется *наречием*. Термин *диалект* употребляется как в значении говора, так и в значении наречия.

В последнее время некоторые лингвисты употребляют термин *диалект* в специальном, более узком значении: под диалектом понимают некоторую совокупность говоров, характеризующуюся общими для данных говоров чертами, но меньшую, чем наречие. В состав одного наречия может входить несколько диалектов (в таком понимании). Впрочем, такое употребление термина *диалект* не является общепринятым.

Изучение говоров различных территорий, занятых русским народом, дает очень важный материал для истории русского языка, так как в говорах во многих случаях сохранились явления, литературным языком давно утраченные. Так, например, в некоторых говорах на месте свойственного русскому литературному языку гласного *е* имеется два гласных, один из них такой же как наше *е*, другой — более закрытый, произносимый с более высоким подъемом языка (в транскрипции он изображается как *ê*). Так, например, в словах *отец* и *хлеб* в литературном языке под ударением произносится один и тот же гласный, а в соответствующих говорах *отец* произносится с обычным *е*, а *хлеб* — как *хлêб* (иногда даже с дифтонгом, т. е. с неоднородным гласным — *хл͡иеб*). Закрытое или дифтонгическое *ê* в этих говорах произносится там, где по старой, дореволюционной орфографии принято было писать *ѣ* (до революции писали *отецъ*, но *хлѣбъ*). Особый гласный, орфографически изображаемый как *ѣ*, существовал некогда и в говоре

столицы нашей родины Москвы, что отразилось в правописании московских памятников XIV — XVII вв. Однако в этом говоре *ѣ* давно уже исчез (ученые спорят, когда именно, но во всяком случае не позднее начала XVIII в.), в некоторых же говорах он сохранился и до сих пор.

Другой пример. Существительное *свекровь* в литературном языке имеет одинаковую форму в именительном и винительном падежах единственного числа, а в целом склоняется по 3-му склонению (т. е. так же, как *кость*). В говорах же некоторых местностей, расположенных к югу от Москвы, именительный падеж этого слова звучит *свекры* (фонетически обычно *свякры́*), а винительный — в части говоров также *свякры́*, в части же — *свекровь* (фонетически часто *свякро́ў*). Это слово представляет собой остаток особого склонения, вообще в русском языке исчезнувшего. К этому склонению относились в древности некоторые существительные женского рода — *свекровь, церковь, морковь, тыква, кровь* (им. пад. *кры* не засвидетельствован, но косвенные падежи этого слова, употребляющиеся в древнерусских памятниках, указывают на то, что данное слово шло по этому склонению) и др., перешедшие затем частью в наше 3-е, а частью в наше 1-е склонение. Даже в говорах слово *свекры́* является единичным обломком этого склонения (в некоторых говорах наряду с *свекры́* употребляется еще также идущее по этому склонению слово *ятры́* — „жена брата мужа“).

Уже эти примеры показывают, какое большое значение имеет диалектология для изучения истории русского языка. Данные, извлекаемые из письменных памятников, во многих случаях получают более полное и точное освещение, если они подкрепляются и дополняются данными современных русских говоров. Сопоставление данных памятников и говоров дает возможность получить более полную картину исторического развития русского языка.

Знание фактов диалектологии очень важно для полного понимания многих художественных произведений как старой классической, так и советской литературы. Писатели XIX — XX вв. широко пользуются диалектизмами, т. е. элементами языка, взятыми из говоров, когда передают речь действующих лиц, происходящих из различных мест, а порой и в собственной, авторской речи (особенно, когда дают описание местного быта, местного ландшафта). Тургенев хорошо знал говоры Центральной Черноземной полосы, орловские, а также курские, тульские. „В Орловской губернии последние леса и *площадя*,— пишет он в „Хоре и Калиныче“,— исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет...“ и делает примечание к слову *площадя*: „Площадями“ называются в Орло́вской губернии большие сплошные массы кустов. Орловское наречие отличается вообще множеством своебытных, иногда весьма метких, иногда довольно безобразных, слов и оборотов“. Здесь мы имеем дело с необычной формой множественного числа (от существительного женского рода на мягкий согласный образуется множественное число на *-а* после мягкого согласного — орфографически *-я*). Но такая форма множественного числа вообще характерна для наших

южных говоров (так же *крепостя́* — „крепости“, *податя́* — „подати“ и так далее, ср. также проникшее из говоров в литературный язык *зеленя́*, употребляющееся в особом значении множественное число от *зелень*). Кроме того, существенно обратить внимание и на иное сравнительно с литературным языком значение слова. Оно в таком значении употребляется и в единственном числе. Ср. в „Бежином луге“: *Быстрыми шагами прошел я длинную „площадь“ кустов...* (кавычки при слове *площадь* даны Тургеневым). В „Бежином луге“ Тургенев так передает речь Илюши: *Кругом всё такие буераки, овраги, в оврагах всё казюли водятся.* И делает примечание к слову *казюли:* „По орловскому: змеи“. Можно было бы привести еще много примеров, говорящих о хорошем знакомстве Тургенева с южными русскими диалектами.

Некрасов хорошо знал родной ему ярославский говор. Так, в „Размышлении у парадного подъезда“ мы читаем:

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой.
Этот стон у нас песней зовется —
*То **бурла́ки** идут бечевой...*

Ударение *бурла́ки* (вместо литературного *бурлаки́*) — это не просто поэтическая вольность, вызванная требованием стихотворного размера (хорошие поэты не уродуют слова в угоду размеру), но в ярославских, а также некоторых других приволжских говорах (костромских, горьковских) эта форма действительно так произносится. Существительные с суффиксом *-ак* во множественном числе сохраняют там ударение на *а: рыба́ки, моря́ки* и т. д.

Широко используют диалектизмы как при передаче речи действующих лиц, так и в собственной речи (для выражения особенностей местного быта, ландшафта и так далее) и писатели советской эпохи. В качестве примера можно указать Шолохова, который как в „Тихом Доне“, так и в „Поднятой целине“ охотно пользуется элементами диалектной речи донского казачества.

Из сказанного ясно, что для полного понимания художественного произведения и для объяснения всех его особенностей ученикам учитель-словесник должен владеть элементами диалектологии.

Изучение русской диалектологии представляет большой практический интерес и для преподавателя русского языка. Одной из основных задач этого преподавания является развитие у учащихся культуры устной и письменной речи. Но нельзя научить учеников правильно выражать свои мысли на литературном языке и орфографически правильно писать, если преподаватель не дает себе ясного отчета в том, какие местные особенности могут отразиться в речи учащихся.

Приведем пример. У некоторых учеников в школе дер. Новоселки Рыбновского района Рязанской области были отмечены ошибочные написания типа *Туръенев* вместо *Тургенев* (фамилия писателя). Если учитель не поймет причин этой ошибки, он не найдет пути к ее скорейшему исправлению и предотвращению в будущем. Ошибка же эта

объясняется тем, что *ъ* используется в нашей орфографии как „знак-отделитель“ между согласной и гласной буквой, он обозначает, что гласную букву нужно произнести как сочетание *й* с последующим гласным звуком. В большинстве говоров Рязанской области произносится не взрывное *г*, а фрикативное (в транскрипции оно изображается γ — см. ниже, § 45). Но в положении перед гласными переднего ряда (к которым, как известно, принадлежит и *е*) γ фрикативное, приобретая более переднюю артикуляцию, сближается с среднеязычным звонким фрикативным согласным *й* (или в транскрипции *j*). Отсюда произношение *Турйенев,* что ученики передали на письме как *Туръенев.*

Диалекты и национальные языки

§ 2. Почти каждый народный и национальный язык включает в себя много местных (или иначе — территориальных) диалектов или говоров, одно из свойств которых состоит в том, что они обслуживают народные массы.

Современный русский язык является языком национальным. Исторически он сложился на основе определенного диалекта. Но диалекты в целом в эпоху развития национального языка являются категорией отживающей. Однако, в силу большой устойчивости языка, в силу медленности его развития в целом, и теперь еще население различных территорий, занятых данной нацией, говорит немного по-разному, сохраняя в своей речи различные местные черты. Территориальные диалекты, как отмечает И. В. Сталин, „...имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд“ [1].

Это не значит, что у них наблюдается свой грамматический строй и основной словарный фонд, совершенно отличный от грамматического строя и основного словарного фонда других диалектов и общенародного языка. Если бы это обстояло так, мы имели бы дело не с разными диалектами одного языка, а с различными самостоятельными языками. Говорящие на разных диалектах в этом случае просто не могли бы понимать друг друга.

Указание И. В. Сталина означает, что диалекты одного языка могут отличаться друг от друга и некоторыми элементами грамматического строя и основного словарного фонда. Отличаются они друг от друга и в фонетическом отношении.

Отдельные говоры, входящие в состав данного языка, могут быть очень мелкими (одна деревня может обладать говором, отличающим ее в большей или меньшей степени от окружающих деревень).

В языкознании принято различать диалекты *территориальные (местные)* и *социальные.*

В диалектологии, особенно в период господства в языкознании воззрений Н. Я. Марра, ошибочность которых с предельной ясностью

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 43.

была вскрыта И. В. Сталиным, большое внимание уделяли социальным диалектам, имея в виду, что в одной и той же местности представители различных общественных классов или вообще социальных групп могут говорить по-разному. Некоторые лингвисты говорили даже о языке различных общественных классов. И. В. Сталин, отмечая существование диалектов или жаргонов отдельных социальных групп, классов, показал, насколько ошибочно считать эти жаргоны особыми языками. Да и как диалекты они не могут быть поставлены в один ряд с диалектами территориальными. В то время как территориальные диалекты имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд, у классовых, или социальных, диалектов „...нет своего грамматического строя и основного словарного фонда, — они заимствуют их из национального языка“ [1]. В этих диалектах имеются лишь отдельные особенности в лексике. Кроме того, в то время как местные диалекты обслуживают народ, народные массы, классовые диалекты, которые правильнее было бы назвать жаргонами, обслуживают не народные массы, а узкую социальную верхушку, „...имеют узкую сферу обращения среди членов верхушки того или иного класса и совершенно не годятся, как средство общения людей, для общества в целом“ [2].

Многие различия между говорами [3] русского языка (как и различия между говорами любого современного языка) восходят к глубокой древности, в некоторых случаях даже к эпохе дописьменной (т. е. ко времени, от которого до нас не дошло письменных памятников), к тем временам, когда еще не было Русского государства, а в западной части территории, ныне занятой русским языком, располагались различные славянские племена, еще не объединившиеся в более крупные и устойчивые единицы (восточная часть территории современного русского языка в древности была заселена неславянскими племенами — славяне тогда не заходили на восток далее верховьев Оки и Волги, а также, возможно, низовьев Дона и района около Азовского моря).

В настоящее время у нас имеется единый русский литературный язык, и в то же время наряду с ним еще существуют многочисленные различные говоры, отличающиеся кое в чем от литературного языка, хотя и подвергающиеся его влиянию.

Взаимоотношения диалектов и отношение их всех к общенародному, позднее общенациональному языку, а также к языку литературному для разных эпох были различны. Для того чтобы полностью понять современное положение диалектов, необходимо вкратце проследить историю их развития в связи с историей русского народа. „Язык,— говорит И. В. Сталин,— относится к числу общественных явлений, действующих за всё время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он уми-

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 14.

[2] Там же.

[3] Здесь, как и во всем дальнейшем изложении, речь идет лишь о местных (территориальных) диалектах.

рает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка"[1].

Если оставить в стороне изменения словарного состава, связь развития языка с развитием общества отражается прежде всего в изменениях не самих звуковых или грамматических черт, как ошибочно учили Н. Я. Марр и его „ученики", а в изменениях взаимоотношений различных диалектов и языков и территориального распространения тех или иных черт.

Современный русский язык принадлежит, как известно, к восточнославянской группе славянских языков. К восточнославянской группе, кроме русского языка, относятся близкие к нему и тесно связанные с ним по происхождению языки украинский и белорусский. Но возникновение всех этих языков (русского, белорусского и украинского) в их современном виде относится к сравнительно поздней эпохе. В эпоху, предшествующую появлению на Руси письменности и литературного языка, еще не было ни одного из этих трех языков, но на территории, где впоследствии складываются эти языки, были расположены многочисленные славянские племена, говорившие на очень близких друг к другу восточнославянских наречиях. Совокупность этих древних восточнославянских наречий называют **древнерусским языком**, поскольку расположены они были на той территории, где впоследствии сложилось Русское государство, термины же „Русское государство", „Русь" применялись в древности в равной мере как к собственно русским (в нашем смысле слова, т. е. „великорусским") землям, так и к землям впоследствии белорусским и украинским. Так, центром древнего Русского государства был, как известно, Киев, впоследствии столица Украины. Следовательно, нужно иметь в виду, что термин „русский" по отношению к древнерусскому языку мы применяем в ином смысле, чем по отношению к современному русскому языку, поскольку этот древний язык является источником не только современного русского, но и современных белорусского и украинского языков.

В отношении общественно-экономическом эти древние восточнославянские племена находились на ступени первобытно-общинного строя. В языковом отношении каждое из этих племен характеризовалось своим, присущим ему диалектом (наречием). Как уже было сказано выше, все эти наречия были очень близки друг к другу, а также к другим древним славянским наречиям (южнославянским, западнославянским). Эта близость представляет собой, как принято говорить в языкознании, *языковое родство*, т. е. является результатом развития всех указанных наречий из единого источника, а именно из некогда существовавшего единого общеславянского языка-основы.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 22.

И. В. Сталин, подвергая беспощадной критике учение акад. Н. Я. Марра, отвергавшего это родство, говорит: „А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка“ [1].

Славяне на определенном этапе своего развития (именно в эпоху разложения первобытно-общинного строя) образовывали племенные союзы. Византийские источники указывают нам на совместную деятельность племенных союзов восточных и южных славян, еще в VI в. н. э. боровшихся с Византийской империей. Совместная деятельность племен, входивших в племенной союз, несомненно, облегчалась тем, что в состав этих союзов входили племена, говорившие на близкородственных наречиях, представители которых все без труда могли понимать друг друга, тесные связи же, существовавшие между этими племенами, в свою очередь, способствовали поддержанию языковой близости.

В последние годы ученики и последователи акад. Н. Я. Марра, опираясь на его в корне неверное положение о скрещении языков как основной движущей силе языкового развития и о движении языков на всех этапах их истории от множества к единству, стремились доказать, что между древними славянскими и даже, в частности, между древними восточнославянскими наречиями существовали более глубокие различия, чем обычно думают. Марристы не допускали мысли, чтобы различия между языками или наречиями одной группы в прошлом были меньше, чем теперь. Порочность марровской теории скрещения языков была вскрыта И. В. Сталиным.

Попытки учеников Н. Я. Марра доказать, что между древними восточнославянскими наречиями существовали большие различия, были обречены на неудачу, и положения об этих различиях оставались декларациями, лишенными всякой почвы. Взаимная близость и общность происхождения древневосточнославянских наречий несомненна. Эта близость и вся их дальнейшая история послужили предпосылкой того факта, что современные русские говоры образуют весьма компактную и однородную массу, и они значительно ближе друг к другу и к литературному языку, чем говоры, например, любого современного западноевропейского языка — немецкого, французского, итальянского и т. д. (это следует заметить, так как некоторые из существующих в настоящее время диалектных различий русского языка восходят еще к эпохе племенных диалектов).

С переходом восточных славян к классовому обществу (в IX — X вв.) и с образованием Русского государства с центром в Киеве связано формирование древнерусской народности. Языковой единицей становится диалект области, тяготеющей в экономическом и политическом отношении к определенному городскому центру (такие центры разви-

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 33—34.

лись из торговых стоянок, существовавших еще в эпоху первобытно-общинного строя), впоследствии же, с развитием феодализма, диалект феодального княжества. Эти областные диалекты во многих случаях представляют собой дальнейшее развитие тех же племенных диалектов, которые существовали на территории, занятой восточными славянами еще в эпоху первобытно-общинного строя, так как города возникают на территории определенных племен (например, Новгород в земле словен, Киев в земле полян и так далее), а область, тяготеющая к данному городскому центру, в большинстве случаев являлась первоначально областью, заселенной определенным племенем. Но в то же время с переходом от племенных диалектов к областным диалектам феодальной эпохи была связана и некоторая языковая перегруппировка. В некоторых случаях на территории данного племени складывалась не одна, а несколько областей с различными городскими центрами. Так, например, Смоленск и Псков оба возникли на земле кривичей, а между тем древнее смоленское и древнее псковское наречия эпохи феодализма сильно отличались друг от друга. С другой стороны, в состав Суздальской земли, тяготевшей к древним центрам — Ростову и Суздалю,— вошли в основном потомки кривичей, но сюда же примкнула и северная часть потомков вятичей.

§ 3. Формирование национальных языков, каковыми являются современные русский, белорусский и украинский языки, связано с формированием наций. В какую эпоху и при каких условиях эти языки формируются?

Определение нации и общих условий формирования наций дано И. В. Сталиным в его работе „Марксизм и национальный вопрос". „Нация,— говорит И. В. Сталин,— есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры"[1]. Формирование наций связано с развитием капитализма: „Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации"[2]. И. В. Сталин указывает и на связь образования наций с образованием национальных государств. Но он подчеркивает при этом, что процесс образования современных государств шел разными путями в Западной и Восточной Европе. В Западной Европе процесс образования наций был в то же время процессом образования национальных государств. На востоке же Европы процесс образования крупных централизованных государств предшествовал образованию наций. Необходимость государственного объединения вызывалась здесь потребностями обороны от вражеских нашествий. Это объединение происходило до развития капитализма или в то время, когда капиталистические отношения только зарождались в недрах феодального общества, следова-

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 296.
[2] Там же, стр. 303.

тельно, и до оформления наций, в результате чего здесь складываются многонациональные государства, к которым принадлежит и Россия: „На востоке Европы, наоборот, процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шёл быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации, но уже объединённых в общее государство“ [1].

Говоря о России, И. В. Сталин имел в виду Русское государство с центром в Москве. Древнее Киевское государство было государством в целом слабо централизованным. Слаба была связь между различными областями и в последующий период феодальной раздробленности. В силу этих причин, усиленных еще татарским нашествием, древнерусская народность распадается, давая затем основу русской, белорусской и украинской народностям. Но с XIV в. на севере начинает складываться централизованное государство, центром которого становится Москва, объединяющее различные русские земли и включающее в свой состав также многочисленные территории с нерусским населением. Восточные славяне, жившие на территории этого государства, и оформляются сначала как русская (собственно великорусская) **народность**, а затем как **русская нация**.

Великорусская народность начинает формироваться приблизительно с XIV в. (поскольку процесс этот протекает медленно, постепенно, временные границы, определяющие его начало и завершение, могут быть указаны, конечно, лишь приблизительно) в северо-восточной части восточнославянской территории, где формируются новые центры объединения русских земель. Центром образования великорусской народности является Ростово-Суздальская земля. На ее территории возникла и Москва, в начальный период образования великорусской народности уже начинающая играть роль центра, вокруг которого группируются русские земли.

Оформление русской нации произошло позднее, примерно в XVII в., когда в связи с развитием товарного обращения складывается всероссийский рынок. На это указывает В. И. Ленин в своей работе „Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?“ В этой работе В. И. Ленин, полемизируя с Михайловским, рассматривает процесс образования русской нации и указывает в то же время на то, что связи национальные, объединяющие нацию, не являются продолжением родовых связей (а на них были основаны отношения внутри **племени**), причем эти родовые связи были нарушены еще в предшествующий, феодальный период (ср. то, что было сказано

[1] И. В. **Сталин**, Соч., т. 5, стр. 34.

выше относительно языковой перегруппировки, имевшей место при переходе от первобытно-общинного строя к классовому обществу). „Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси,— говорит Ленин,— то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных“ (Ленин, Соч., т. 1, стр. 137—138).

Когда мы говорим об образовании русской нации и русского национального языка, необходимо помнить, что начало данного процесса уходит в значительно большую древность, чем XVII в. И. В. Сталин говорит по этому поводу в своей работе „Национальный вопрос и ленинизм“: „Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период подымающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами“ (Соч., т. 11, стр. 336).

Итак, образование национальных языков связано с формированием наций, а последнее связано с развитием капитализма. Что же касается до собственно языковой стороны процесса, то в зависимости от различных конкретных условий национальные языки могут складываться различными путями. Основоположники марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс указывают на три возможных пути: „В любом современном развитом языке,— говорят они,— стихийно-возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, об-

условленной экономической и политической концентрацией“ (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 414).

Современные восточнославянские языки (и в том числе русский) сложились именно последним путем, т. е. путем концентрации диалектов. Восточнославянские (древнерусские) диалекты тех территорий, которые вошли в состав Русского государства с общим центром в Москве, с XIV—XV вв. начинают жить общей жизнью, постепенно сближаются, образуют единый язык великорусской народности, а затем вливаются в единый современный русский национальный язык. Эти диалекты, достаточно близкие друг к другу еще в эпоху первобытнообщинного строя, т. е. в эпоху существования племен, сохранили эту близость и на протяжении эпохи феодальной раздробленности, хотя в эту эпоху, принимая во внимание большую замкнутость и экономическую обособленность различных феодальных областей, диалекты их несколько обособлялись друг от друга. В эту же эпоху (XIV—XV вв.) на основе восточнославянских наречий тех территорий, которые остались за пределами Русского государства и лишь впоследствии были воссоединены с Россией, складываются два другие восточнославянские языка — белорусский и украинский.

Западную часть восточнославянских земель рано захватывают литовские князья. Белорусский язык оформляется на основе западной части восточнославянских наречий на территории многонационального Литовского княжества. Украинский язык формируется в юго-западной части восточнославянской территории. Украинские земли вошли в состав частью также Литовского княжества, а частью Польши, с которой в дальнейшем объединяется Литовское княжество. Украинские языковые черты раньше всего отражаются в галицко-волынских памятниках (XII—XIII вв.), но впоследствии, после разгрома Золотой Орды, ведущую роль в формировании украинского языка приобретает полтавско-киевский диалект.

Географические границы русского, белорусского и украинского языков в известной мере отражают условия их формирования. Интересно, что граница русского и белорусского языков не может быть достаточно точно определена. На территории, занятой русским языком, прилегающей к территории белорусского языка, имеется большое количество русских говоров, содержащих известные белорусские черты, образующих как бы постепенный переход от русского языка к белорусскому (об этих говорах см. ниже, § 108). Граница между русским и украинским языком на большей части своего протяжения может быть точно определена. Лишь кое-где имеются небольшие островки русских говоров, содержащих некоторые украинские черты, да и то эти черты представлены в меньшем количестве, чем белорусские черты в русских говорах, образующих переход к белорусскому языку.

Это объясняется тем, что территории к западу от Москвы (например, Смоленская земля) постоянно служили предметом борьбы между Русским государством и Литовским княжеством. Эти земли неоднократно переходили из рук в руки, они входили в состав то Литовского княжества, то русского государства. Поэтому на протяжении

веков здесь и вырабатываются говоры, образующие постепенный переход от русского языка к белорусскому.

Граница русского и украинского языков, проходящая по югу Курской, Воронежской, по западу Ростовской области лежит большей частью в районах нового заселения. В эпоху татарского нашествия вся эта полоса подверглась опустошению, вследствие чего имел место сильный отлив населения из этих районов, хотя, по данным исследований последнего времени, полностью эти места и не обезлюдели, как полагали историки прежде. Позднее, после разгрома татар, эта территория заселялась вновь с разных сторон русскими и украинскими выходцами в то время, когда русский и украинский языки уже вполне сложились как самостоятельные, особые языки.

§ 4. Образование современных восточнославянских языков, очевидно, было связано с некоторой перегруппировкой древневосточнославянских наречий, которая во всех деталях пока еще не изучена. Из представителей старого русского языкознания наиболее детально гипотезу образования восточнославянских языков и их наречий разработал акад. А. А. Шахматов. Согласно его воззрениям, древневосточнославянские наречия распадались первоначально на три группы племенных наречий — с е в е р н у ю, занимавшую побережье озер Ильменя, Чудского и Псковского, среднее и верхнее течение Западной Двины, верховья Днепра и верховья Волги; ю ж н у ю, занимавшую побережье Днепра (кроме самых верховьев) и пространства на запад от Днепра (теперешнюю Волынь и Галицию), доходя до Дуная; в о с т о ч н у ю, занимавшую верховья Оки (представители этой группы, по мнению Шахматова, переселились сюда с юго-востока, с низовьев Дона и с Северного Кавказа). Каждой из этих групп Шахматов приписывает одну языковую (собственно фонетическую) черту, отличающую ее от остальных групп. Эти черты, определяемые Шахматовым частью на основании отражения их в памятниках той эпохи, когда на Руси уже была письменность, частью на основании отражения этих черт в современных говорах, следующие: ц о к а н ь е (см. § 48) для северной группы, фрикативное *г* (см. § 45) для южной, а к а н ь е (см. § 23) для восточной группы. Современный украинский язык, по Шахматову, сложился на основе наречий большей части южной группы, современный белорусский язык — на основе северной части наречий южной группы, части восточной группы и некоторых наречий вообще не восточнославянского, а западнославянского происхождения (Шахматов считает, что некоторые из племен, которые обычно считаются восточнославянскими, в действительности имеют западнославянское происхождение), современный же русский язык — на основе наречий северной и большей части восточной группы. При этом наречия северной группы легли в основу современного северного русского или северновеликорусского наречия (см. § 104), наречия восточной группы, вошедшие в состав русского языка, легли в основу современного южного русского или ю ж н о в е л и к о р у с с к о г о н а р е ч и я (см. § 112). Эти два наречия являются двумя основными наречиями современного русского языка. Между ними узкой полосой тянутся средне-

русские или средневеликорусские переходные говоры (см. § 118), к которым, в частности, принадлежит и московский, образующие как бы промежуточную зону между этими двумя наречиями. Эти говоры, по Шахматову, не соответствуют никакому древнему делению и сложились в более позднее время на стыке между северновеликорусским и южновеликорусским наречием в результате влияния южновеликорусских говоров на северновеликорусские.

В гипотезе Шахматова есть некоторые здравые и вполне приемлемые для нас положения. К ним принадлежит мысль о более позднем образовании современных восточнославянских языков сравнительно с образованием основных наречий, входящих в состав русского языка. Действительно, все основные отличия русского языка от других восточнославянских (см. §§ 10—13) имеют довольно позднее происхождение и во всяком случае более позднее, чем некоторые особенности, которыми различаются северновеликорусское и южновеликорусское наречия. Так, например, характерные для белорусского и украинского языков долгие мягкие согласные в соответствии с русскими сочетаниями „согласный + *j*“ возникли не раньше XIV в.; характерная для русского языка и отсутствующая в белорусском и украинском форма именительного падежа множественного числа на *-а* у имен не среднего рода (*городá* и т. п.) возникла не раньше XV в. Между тем такие черты, как характерное для южновеликорусского наречия аканье (при оканье в северном наречии см. § 104), характерное для южновеликорусского наречия *г* фрикативное (при *г* взрывном на севере) и др., имеют, несомненно, более древнее происхождение.

Некоторые из черт, отличающих эти два основные наши наречия, могут восходить ко временам раннего феодализма, а некоторые даже к доисторической древности — к эпохе первобытно-общинного строя. Энгельс в своей работе, посвященной франкскому диалекту и содержащей ряд крайне важных в методологическом отношении положений для диалектологии любого языка (хотя в этой работе используются факты специально немецкого языка), блестяще доказал, что многие современные диалектные различия внутри одного языка корнями своими уходят в еще дофеодальную эпоху (см. Ф. Энгельс, Франкский диалект, Партиздат, 1935).

Верной является и мысль Шахматова о сравнительно позднем образовании средневеликорусских переходных говоров. Совершенно очевидно, что они могли сложиться лишь в эпоху после образования крупного централизованного государства, которое создало условия совместной жизни для населения с северновеликорусским и южновеликорусским наречиями.

Но гипотеза Шахматова в целом подвергается серьезной критике в советском языкознании. Прежде всего Шахматов не учитывает той перегруппировки, которая имела место после разложения первобытно-общинного строя в эпоху феодализма, о которой было сказано выше, а устанавливает непосредственную связь между старыми племенными диалектами и современными национальными восточносла-

вянскими языками. Да и самое образование этих последних он не связывает с образованием централизованных многонациональных государств, а относит их хронологически к более ранней эпохе. Далее, отвергается в настоящее время предположение Шахматова о наличии западнославянских (по Шахматову, точнее, польских) элементов в составе белорусской народности и языка. Наконец, самые языковые черты, на основе которых Шахматов выделяет основные группы древневосточнославянских наречий, не могут служить достаточным основанием для выделения соответствующих групп, так как в отношении этих черт, во-первых, у нас не всегда есть данные об их древности, во-вторых, ни для одной из отмеченных им черт у нас нет достаточной гарантии, что соответствующая черта характеризует в с е говоры данной группы и в то же время отличает их от всех говоров двух остальных групп. Так, цоканье является, несомненно, древней чертой, восходящей еще к дописьменным временам, но оно, повидимому, не характеризует всех наречий древней северной группы. Что же касается до аканья, которое Шахматов считает чертой древней восточной группы, то время его возникновения в настоящее время не может считаться окончательно установленным. И если одни ученые относят его к дописьменной эпохе, то другие считают, что оно возникло сравнительно поздно, примерно к XIII в., что вообще более вероятно.

Процесс образования языка народности и затем национального языка не представляет собой механического объединения различных диалектов, один из диалектов обычно играет при этом ведущую роль. В начальный период образования великорусской народности ведущую роль среди диалектов, вошедших в состав русского языка, играет диалект Ростовско-Суздальской земли. Говоры, представляющие дальнейшее развитие древних ростовско-суздальских, образуют так называемую в л а д и м и р с к о-п о в о л ж с к у ю г р у п п у (см. ниже, § 110).

На протяжении развития языка великорусской народности наряду с ведущим диалектом сохраняют определенное значение и другие диалекты и говоры русского языка, хотя и подвергаются в известной мере воздействию со стороны этого ведущего диалекта. С переходом к национальному языку картина меняется. При образовании национальных языков, как указал И. В. Сталин, некоторые местные диалекты ложатся в основу этих национальных языков, а другие диалекты теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них: „...Некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская „речь") русского языка, который лёг в основу русского национального языка... Что касается остальных диалектов таких языков, то они теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них" [1].

---

[1] И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 43—44.

При этом, как уже видно из только что приведенного высказывания И. В. Сталина, при переходе от языка великорусской народности к русскому национальному языку имела место смена диалектной основы нашего общенародного языка. Если первоначально ведущую роль играл диалект Ростов-Суздальской области, то теперь ведущую роль приобретает курско-орловский диалект, который ложится в основу нашего национального языка. Эта смена диалектной основы обусловлена определенными историческими причинами.

В эпоху формирования централизованного Русского государства большую роль в хозяйственной и политической жизни страны играл юг, т. е. территория теперешних Курской и Орловской областей. Здесь проходила линия обороны Русского государства против татарских орд. История русских говоров этой эпохи показывает, что языковые особенности, сложившиеся на юге, постепенно распространяются далеко на север (а не наоборот). Так было, например, с так называемым а к а н ь е м (о нем подробнее см. ниже, §§ 23—24). Оно заняло обширную территорию, распространившись далеко на север и на запад. Наиболее архаические типы его, указывающие на очаг первоначального возникновения, мы находим на территории современных курских и орловских говоров.

Распространяется постепенно с юга на север и ряд других явлений не только фонетических, но и морфологических, синтаксических, лексических. В настоящее время русский общенародный язык характеризуется многими такими явлениями, которые первоначально были специфически южновеликорусскими.

Диалекты и литературный язык

§ 5. Древнейшие восточнославянские (древнерусские) письменные памятники, дошедшие до нас, относятся к XI в. Но письменность на Руси существовала, повидимому, раньше. Самые древние памятники до нас не дошли.

В отношении литературного языка древней Руси старым русским языкознанием выдвинута была теория, наиболее подробно разработанная также акад. Шахматовым, согласно которой письменность у нас появилась лишь с принятием христианства (т. е. в конце X в.), в качестве же литературного, письменного языка был использован с т а р о с л а в я н с к и й, сложившийся на Балканском полуострове (см. курс старославянского языка). Этот язык господствовал у нас в качестве литературного языка до XVII в. включительно, лишь в некоторой степени подвергаясь влиянию живых восточнославянских наречий (и впоследствии русского языка), и составил основу русского литературного языка.

Уже в послереволюционное время акад. С. П. Обнорский выдвинул теорию самобытного происхождения древнерусского литературного языка (см. его статью «О языке „Русской Правды“», „Известия Академии наук СССР“, Отделение общественных наук, 1934, и удостоенную Сталинской премии книгу „Очерки по истории русского ли-

тературного языка старшего периода", изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1946). Согласно воззрениям акад. Обнорского, принятым в настоящее время в советской науке, древнерусский литературный язык сложился еще до принятия христианства на основе живых древневосточнославянских наречий. Этот язык ярче всего отражается в памятниках юридического характера — в „Русской Правде" (так называется древнейшее дошедшее до нас собрание законов древней Руси, сохранившееся в списках XIII в. и более поздних, но сложившееся, несомненно, в гораздо более ранние времена), в грамотах различного характера (дарственных, договорных, завещаниях и т. п.), в „Поучении Владимира Мономаха", в „Молении Даниила Заточника", в некоторых частях летописи, наконец, в таком крупном художественном памятнике, сложившемся в XII в., каким является „Слово о полку Игореве", представляющем собой, повидимому, лишь один из многочисленных и частью еще более древних, но не дошедших до нас памятников русской художественной литературы. Правда, с принятием христианства старославянский письменный язык, являвшийся в то же время культовым (богослужебным) языком православной церкви, начинает употребляться не только в церковной области, но захватывает и определенные литературные жанры (вследствие того, что церковь в эпоху феодализма играет, как известно, большую роль в общественной и политической жизни). Известному влиянию старославянского языка подвергаются под пером позднейших переписчиков и перечисленные выше памятники самобытного древнерусского литературного языка, так что первоначальный восточнославянский характер их может быть вскрыт из-под этих позднейших наслоений лишь в результате тщательного лингвистического анализа, какой и был проделан акад. Обнорским.

Старославянский язык с самого начала использования его в некоторых жанрах нашей литературы подвергается на протяжении всего своего существования известному влиянию живых древневосточнославянских (древнерусских) наречий. Эту русифицированную форму старославянского языка принято называть церковнославянским языком, поскольку в первую очередь это был язык церкви.

Ввиду слабой централизации в эпоху Киевского государства, а тем более в эпоху последующей феодальной раздробленности (т. е. в XII—XIII вв.) литературный язык на Руси, как старославянский в своей основе, так и сложившийся на основе живого языка, получал несколько различную местную окраску в памятниках, писанных в различных областях с различными экономическими, политическими и культурными центрами. Несколько различаются по языку памятники киевские, галицко-волынские, новгородские, ростовско-суздальские, смоленско-полоцкие и др. Их особенности отражают особенности соответствующих местных наречий.

Образование современного русского языка в результате концентрации части восточнославянских наречий в связи с образованием русской народности и затем нации неизбежно должно было привести к созданию единого русского литературного языка на живой нацио-

нальной основе. Вследствие того, что Москва становится экономическим, политическим и культурным центром нового Русского государства, литературный язык в его московской форме, отражающей особенности живого московского говора, на протяжении XVI — XVII вв. вытесняет постепенно из письменности все остальные местные разновидности литературного языка. Вместе с тем все больше повышается удельный вес таких памятников, которые отражают живой язык, все больше проникают в литературный язык самых различных жанров элементы живой речи. Но лишь с начала XVIII в., с эпохи Петра I, русский литературный язык начинает во всех жанрах строиться на основе живого национального языка, а церковнославянский язык остается исключительно в церковном употреблении (известное число славянизмов вследствие длительного использования церковнославянского языка в определенных литературных жанрах все же вошло в русский литературный язык).

Московский говор по происхождению имеет сложный состав. Москва находится на территории древних поселений вятичей, очень близко от границы их с поселениями кривичей. Но племенные границы были нарушены еще задолго до образования Московского государства. В эпоху феодальной раздробленности Москва входила в состав Суздальской земли. Мы вправе ожидать, чтобы говор Москвы отражал северные черты. И действительно, древнейшие московские памятники, наиболее близкие по своему характеру к живой речи, никаких южных черт не отражают. С возвышением Москвы сюда стекаются выходцы из самых разных земель — и с юга, и с севера. В языковом же отношении с этим связано не усиление и появление новых северных черт, а все дальше идущее проникновение южных черт и вытеснение северных. Это наблюдается и в фонетике (сюда проникает аканье) и в других сторонах языка (так, например, в московских памятниках XVI в. мы встречаем такую типично северную синтаксическую конструкцию, как именительный падеж единственного числа существительных на *-а* в качестве прямого дополнения при инфинитиве — см. об этой конструкции ниже, § 91, — в дальнейшем же такой оборот выходит из языка).

Фонетические, морфологические, частью синтаксические и лексические нормы нашего литературного языка — это в то же время нормы московского говора.

С начала XVIII в. политическим центром России становится Петербург, но, как новый, только что основанный город, он еще не выработал в то время своего особого говора, да и заселен он был первоначально в значительной мере выходцами из Москвы.

Диалекты и национальные языки при капитализме

§ 6. Эпоха феодализма способствует образованию и развитию многочисленных диалектов и препятствует их объединению, так как связи между различными областями в это время слабы, каждая область достаточно замкнута в экономическом отношении. И в даль-

нейшем, с ликвидацией феодализма и образованием национального языка, не сразу устраняются различия между диалектами, так как есть определенные причины, способствующие сохранению этих различий. Так, на территории наших старых южных губерний (т. е. губерний Центральной Черноземной полосы), где особенно было развито помещичье землевладение, мы находим еще в настоящее время большое количество мелких местных говоров, порой значительно отличающихся даже от соседних с ними. Здесь часто бывает, что два соседних села говорят несколько по-разному, если они в прошлом (при крепостном праве) образовывали владения различных помещиков. Бывает даже, что две части одного села пользуются различными говорами, если они принадлежали в прошлом различным владельцам (в особенности если одна часть принадлежала помещику, а другая — монастырю). Это объясняется отчасти слабой связью в прошлом, в эпоху крепостного права, между крестьянами различных поместий, каждое из которых представляло замкнутую хозяйственную единицу, а главным образом тем, что при помещичьем землевладении часто имели место переселения жителей из одной местности в другую: помещик, владевший поместьями в различных местностях и даже в различных губерниях, мог переселять своих крестьян из одного своего поместья в другое. Могли помещики заселять принадлежащие им владения также крестьянами, купленными на стороне. Напротив, на севере, где во многих местах совсем не было помещичьего землевладения, а там, где оно было, крестьяне меньше работали на барщине, а больше были на оброке, причем часто уходили на заработки в города и в другие районы, мы часто наблюдаем, что один говор охватывает обширную территорию. Отчасти же эта однородность говоров на протяжении обширной территории на севере объясняется тем, что здесь сравнительно поздно распространяется русское население и притом во многих случаях из единого источника колонизации. Так, вся древняя колонизация нашего севера и востока шла из Новгородской земли. Лишь позднее сюда направляется колонизационная волна из Суздальской земли и Москвы.

При капитализме диалекты неизбежно должны идти по пути утраты своих особенностей, по пути сближения, вследствие того, что между отдельными областями страны устанавливаются более тесные связи. В России этот процесс, хотя корни его уходят в значительно более древние времена, особенно ярко наблюдается со времени крестьянской реформы, т. е. с 60-х годов XIX в. Местные особенности языка вообще больше сохраняются в деревне, но при капитализме деревня тесно связана и с соседними районами и с крупными центрами страны, крестьяне постоянно уходят на отхожие промыслы в другие районы и в столицу (на севере, впрочем, они уходили, как уже сказано было выше, и раньше). Поэтому даже в говорах очень отдаленных от центра районов все сильнее сказывается нивелирующее влияние литературного языка. Оно охватывает не только ту часть населения, которая уходит на промыслы, но и слои населения, которые постоянно живут в деревне. Сравнивая диалектологические за-

писи, сделанные в разное время еще до революции, мы видим, что некоторые говоры в начале XX в. уже не имели кое-каких особенностей, которые были им свойственны еще в 70-х годах XIX в. (т. е. вскоре после крестьянской реформы).

§ 7. Помимо вопроса о диалектах, следует обратить внимание на особенности условий развития при капитализме национального языка в целом в его отношении к другим национальным языкам.

В условиях капитализма не все национальности и национальные языки развиваются в одинаковых условиях. В капиталистическом многонациональном государстве обычно первенствующее положение занимает язык одной господствующей нации. В дореволюционной России господствовали классы русских помещиков и буржуазии. Поэтому русская нация объявлялась господствующей, а остальные нации и национальности угнетались. Запрещались (а если разрешались, то с большими ограничениями, и то не для всех национальностей) школы на национальных языках, преследовалась национальная печать. За близкими к русскому языку двумя другими восточнославянскими языками — украинским и белорусским — не признавалось даже права быть особыми языками, несмотря на то, что в силу определенных исторических условий эти языки уже оформились как самостоятельные национальные языки и имели свою литературу. Официальная (правительственная) точка зрения на украинский и белорусский языки нашла свое отражение и в буржуазной лингвистической науке. В старой диалектологической литературе (а частью даже в литературе, появившейся в первые годы после революции) украинский и белорусский языки прямо рассматриваются как малорусское и белорусское наречия русского языка (термин „малорусский“, следует заметить, и в ту эпоху, как и теперь, никогда не употреблялся самими украинцами). Совокупность русских говоров в этой литературе рассматривается как великорусское наречие русского языка, а русский литературный язык указывается в качестве единого литературного языка, обслуживающего представителей всех этих трех „наречий“.

Диалекты и национальные языки в СССР

§ 8. После Великой Октябрьской социалистической революции в эпоху социализма, победоносно развивающегося в направлении к коммунизму, в эпоху уничтожения противоречий между городом и деревней и пробуждения к культуре самых отсталых слоев населения, усиливается влияние литературного языка на диалекты. Это влияние идет и через школу, и через печать, и через живое общение жителей самых отдаленных районов с людьми из центра (подробнее см. об этом §§ 125—128). Но в силу устойчивости языковой формы многие особенности в говорах сохранились и до настоящего времени, главным образом у представителей старшего поколения. И хотя в целом диалекты идут по пути к полному уничтожению, к полному слиянию их с литературным языком, в настоящее время

многие диалектные особенности еще сохраняются в достаточно ясном виде.

Но идя по пути к исчезновению, диалекты, в свою очередь, оказывают влияние на литературный язык, в который проникает немало элементов из местных говоров. Последние всегда оказывали известное влияние и на литературный язык, и, например, многие слова, которые в настоящее время мы осознаем как постоянную принадлежность литературного языка, некогда пришли из говоров (таковы, например, *зеленя́, ца́пля* и др.).

В то же время национальные языки народов Советского Союза получили у нас после Великой Октябрьской социалистической революции подлинное равноправие. Все народности СССР имеют письменность, национальную школу, национальную печать, работа государственного аппарата в союзных и в автономных республиках, в национальных районах осуществляется на соответствующих национальных языках. И это нисколько не умаляет значения великого русского языка, наиболее передового, развитого и богатого среди многочисленных национальных языков нашей страны, являющегося живым средством общения не только между русскими, но и между представителями различных национальностей, внимательно и охотно изучаемого представителями всех народов СССР.

Транскрипция

§ 9. В целях точной передачи звуковой стороны языка пользуются так называемой фонетической транскрипцией. Для этой транскрипции большей частью пользуются знаками какого-либо обычного письма, добавляя к ним знаки для таких звуков, для которых нехватает соответствующих им букв.

В русской диалектологии в прежнее время иногда пользовались транскрипцией на латинской основе. Но и до революции для записи русских говоров чаще пользовались более пригодной для них транскрипцией на русской основе. Такая транскрипция применяется и в настоящей книге.

Поскольку транскрипция на русской основе имеет также несколько различных форм, сообщаем ниже ту систему транскрипции, какой мы пользуемся в этом учебнике.

Одним из основных требований, предъявляемых к обозначению звуков в транскрипции (правда, фактически не все системы транскрипции этому требованию удовлетворяют), является обозначение каждого звука одной особой буквой (с возможными при этом дополнительными значками), но не сочетанием двух или нескольких букв.

В транскрипции, применяемой нами, используются все буквы русского алфавита, кроме *ю, я,* так как последние обозначают или сочетания двух звуков *(йу, йа)* или сочетание гласных *у, а* с предшествующими мягкими согласными, в транскрипции же мягкость согласных особо изображается (см. ниже).

Из двух букв *е* или *э* в транскрипции обычно употребляют какую-нибудь одну, так как они собственно изображают (подобно *а* и *я*, *у* и *ю*) один звук, но в различных сочетаниях. Некоторые авторы предпочитают пользоваться буквой *э*, которая всегда обозначает один гласный, а не сочетание звуков, тогда как *е* в обычном письме обозначает или сочетание *йэ* или гласный *э* после мягкого согласного. Мы предпочитаем пользоваться знаком *е*. Но нужно иметь в виду, что в транскрипции *е* обозначает один звук и, следовательно, имеет значение, соответствующее *э* обычного письма. Так, например, междометие „эх" в транскрипции будет передано *ех*. Такое обозначение принято в системе, используемой при собирании материалов для диалектологических атласов СССР.

Закрытые гласные, т. е. гласные, произносимые с более высоким положением языка и обычно с бо́льшим напряжением его мускулов, обозначаются крышечкой над соответствующей гласной буквой, например: *ê* — закрытое *е* (т. е. *е*, склонное к *и*).

Дифтонги обозначаются сочетанием двух букв со скобочкой над ними, например: $\overset{\frown}{\textit{ие}}$, $\overset{\frown}{\textit{уо}}$.

Гласные более переднего образования обозначаются двумя точками над гласной буквой, например: *ä*.

Редуцированные гласные обозначаются буквами *ъ* (гласный среднего ряда и среднего подъема) и *ь* (звук более переднего образования, чем *ъ*).

Мягкость согласных обозначается знаком ', например: *п'* = мягкое *п*, *р'* = мягкое *р* и так далее.

Долгота согласных обозначается горизонтальной чертой над буквой, например: *c̄* = долгое *с*.

Звук, промежуточный между двумя другими, обозначается посредством сочетания двух букв: одной крупного, другой, рядом сверху, более мелкого размера, например: *ц*^{ч} — звук промежуточный между *ц* и *ч*, шепелявое *ц*.

Звонкая переднеязычная аффриката обозначается написанием букв *д* и *з*, объединенных сверху скобочкой: $\overset{\frown}{\textit{дз}}$.

Неслоговое качество гласного звука обозначается дугой под буквой, обозначающей соответствующий гласный звук, или над этой буквой: *и̯* — неслоговое *и*, *ў* — неслоговое *у*.

Вводятся следующие дополнительные знаки, взятые из других алфавитов: *w* — для обозначения билабиального *в*, *j* — для обозначения звонкого фрикативного среднеязычного согласного, γ (греческая гамма) — для обозначения заднеязычного звонкого фрикативного согласного (фрикативное *г*), *h* — для обозначения гортанного (точнее фарингального) звонкого фрикативного согласного (гортанное *г*).

Ввиду того что различие между фрикативным согласным *j* (например, в слове *jáма* — „яма") и *и̯* неслоговым (например, в слове *та́и̯на* — „тайна") на слух очень трудно провести, вместо обоих этих звуков можно пользоваться буквой *й*.

В фонетической транскрипции должно отмечаться ударение.

ОТЛИЧИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ОТ ДРУГИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 10. При всей взаимной близости восточнославянских языков между ними существуют определенные различия. Эти различия касаются всех сторон языка — и фонетики, и морфологии, и синтаксиса, и лексики. При этом надо иметь в виду, что белорусский язык занимает как бы промежуточное положение, одними чертами объединяясь с русским языком и вместе с ним отличаясь от украинского, другими же чертами, наоборот, объединяясь с украинским языком и отличаясь от русского. Поэтому, говоря об отличиях русского языка от других восточнославянских, необходимо разграничивать черты, отличающие русский язык от обоих остальных восточнославянских языков, и черты, отличающие русский язык лишь от одного из них (в первую очередь от украинского). Говоря об этих отличиях, мы будем иметь в виду не только русский литературный язык, но и весь русский язык в целом, т. е. и всю совокупность его говоров.

В фонетическом отношении русский язык отличается от обоих других восточнославянских языков следующими чертами:

1) В русском языке наблюдаются сочетания плавных согласных с гласными *ро, ло, ре, ле* в положении между согласными в соответствии с украинскими и белорусскими сочетаниями *ры, лы, ри, ли* (следует при этом иметь в виду, что в большинстве белорусских говоров, а также в белорусском литературном языке *р* всегда твердое, а поэтому возможно лишь сочетание *ры*, но нет сочетания *ри*, в украинском же языке на месте гласных *и* и *ы* русского языка имеется лишь один гласный — в орфографии он изображается как *и*, а по образованию близок к русскому *ы*, но несколько более передний), например: русск. *кровавый*, белорусск. *крывавы*, укр. *кривавий*; русск. *блоха*, белорусск. *блыха*, укр. *блоха*; русск. *греметь*, белорусск. *грымець*; русск. *блестеть*, белорусск. *блiсцець* и т. д. Это соотношение наблюдается на месте древневосточнославянских сочетаний *ръ, рь, лъ, ль* в положении между согласных (в старославянском языке этим сочетаниям соответствуют такие же сочетания *ръ, лъ, рь, ль*).

Расхождение в этих сочетаниях между русским языком, с одной стороны, белорусским и украинским — с другой, обычно наблюдается лишь в открытых слогах и притом в безударном положении (таковы

и все приведенные выше примеры). В тех случаях, когда результаты развития древних сочетаний *ръ, лъ, рь, ль* в современном языке являются в закрытых слогах и под ударением, указанное расхождение не наблюдается. Ср. др.-русск. *кръвь*, русск. *кровь*, белорусск. *кроў*, укр. *кров*.

Объясняется это тем, что старые *ъ* и *ь* давали такие расхождения между разными восточнославянскими языками лишь в тех случаях, когда они были в слабом положении (об условиях сильного и слабого положения *ъ* и *ь* см. в курсе старославянского языка). В слабом положении *ъ* и *ь* на протяжении истории древневосточнославянских наречий исчезали, а плавные согласные, оказавшиеся между согласными, должны были стать слоговыми, т. е. такое слово, как, например, *кръвавый* изменялось в *кр̥вавый* (сонорный согласный, оказавшийся между двумя шумными,— а плавные согласные, как известно, принадлежат к сонорным — как более звучный, т. е. далее слышимый на расстоянии, неизбежно должен был или стать слогообразующим, или настолько ослабить свою артикуляцию, что совсем исчезнуть). В дальнейшем из этого слогового плавного в украинском и белорусском языках выделился новый редуцированный гласный, иного качества, чем старые *ъ* и *ь*, который и дал затем *ы, и* (с их последующими изменениями). О том, что восточнославянские наречия, легшие в основу украинского и белорусского языков, проходили стадию слогового *р, л* в этих сочетаниях, говорят некоторые современные украинские и белорусские говоры, где гласный может являться не после плавного, а перед ним, например, *кирвавый* — „кровавый". В некоторых же говорах наблюдается колебание между формой с гласным перед плавным и с гласным после плавного, например: *кирвавый* наряду с *крывавый*.

В современных восточнославянских языках наблюдаются отступления от указанных выше правил соотношения. Эти отступления объясняются аналогией, т. е. воздействием родственных по смыслу слов и форм. Так, например, в украинском языке мы находим не только *кришити* (русск. *крошить*, др.-русск. *кръшити*), но и *кришечка* (русск. *крóшечка*) — под ударением, как было сказано, в украинском языке должно было произойти такое же изменение *ъ*, как в русском.

На основании этого видно, что эти расхождения между русским языком, с одной стороны, белорусским и украинским — с другой, являвшиеся некогда фонетическими, с точки зрения современного языка таковыми уже не являются.

2) В русском языке наблюдаются гласные *о, е* в положении перед *j* в соответствии с *ы, и* в белорусском и украинском языках (нужно только иметь в виду то, что сказано было выше относительно изменения *ы, и* на почве белорусского и украинского языков). Ср. русск. *мóю* (1-е л. ед. ч. наст. вр. от глагола *мыть*), белорусск. *мыю*, укр. *мию*; русск. *слепой*, белорусск. *сляпы*, укр. *сліпий* (сочетание *ый* на белорусской почве стянулось здесь в один гласный); русск. *бей* (повел. наклон. от глагола *бить*), белорусск. *бий*, укр. *бий*; русск. *шея*, белорусск. *шыя*, укр. *шия*. Эти соотношения на-

блюдаются на месте древних редуцированных (или напряженных, как их иногда называют) *ы*, *и*, развившихся из *ъ*, *ь* в положении перед *j* (подробнее см. о них в курсе старославянского языка).

3) В русском языке имеется начальное безударное *и* в соответствии с отсутствием его в белорусском и украинском языках. Ср. русск. *игра́ть*, белорусск. *граць*, укр. *грати;* русск. *иго́лка*, белорусск. *голка*, укр. *голка*. Это соотношение наблюдается в тех случаях, когда в древности было очень краткое *и*, развившееся из *ь*, в положении после *j*.

4) В русском языке наблюдается заднеязычный (задненебный) звонкий согласный, в одних говорах взрывной *(г)*, в других фрикативный (γ) — см. ниже, § 45. Например: *го́ры* — *γо́ры*. В белорусском и украинском языках в соответствии с этим звуком наблюдается более глубокое, гортанное, точнее *фарингальное* (т. е. образующееся у задней стенки зева) *h*. Впрочем, нужно иметь в виду, что впечатления, получаемые от γ и *h*, поскольку оба они являются фрикативными согласными, довольно близки друг другу, и надо иметь достаточно натренированное ухо, чтобы их различить.

5) В русском языке возможны сочетания переднеязычных согласных с *j (й)*. В белорусском же и украинском языках в этих случаях наблюдаются долгие мягкие переднеязычные согласные (т. е. происходит полная ассимиляция *j* предшествующему согласному), например: русск. *пла́тье* (фонетически *пла́т'йе*), белорусск. *пла́цця*, укр. *плаття*; русск. *зе́лье*, белорусск. *зе́лля*, укр. *зiлля*; русск. *коре́нья*, белорусск. *карэння*, укр. *корiння*. В некоторых случаях в украинском языке долгий согласный сокращается, и на месте русского сочетания „переднеязычный согласный + *j*“ является просто мягкий переднеязычный согласный, например: русск. *свинья*, укр. *свиня*.

Нужно иметь в виду, что в некоторых русских говорах (правда, немногочисленных) возможны долгие переднеязычные согласные в соответствии с сочетаниями согласного с *j* большинства говоров и литературного языка.

§ 11. В грамматическом (главным образом в морфологическом) отношении русский язык отличается от белорусского и украинского следующими чертами.

1) В русском языке отсутствует особая звательная форма и обращение выражается обычно именительным падежом. По говорам, а иногда и в московском просторечье у существительных, оканчивающихся на гласный звук, наблюдается иногда в обращении отпадение этого гласного звука, например: „Вань, а Вань!“ (вместо „Ваня“), „Мам, а мам!“ (вместо „мама“). Но это отпадение, обусловленное особыми интонационными отношениями, наблюдается обычно не всегда, а лишь тогда, когда обращение образует особое вокативное предложение (т. е. предложение-воззвание), и не может рассматриваться как особая звательная форма. В белорусском же и украинском языках имеется особая звательная форма, имеющая особые окончания и унаследованная от древнего состояния языка, например: белорусск. *мужу* (им. п. *муж*), укр. *се́стро* (им. п.

сестра), *жінко* (им. п. *жінка*), *батьку* (им. п. *батько*), *чоловіче* (им. п. *чоловік*).

2) В русском языке возможны формы именительного падежа множественного числа существительных не среднего рода с окончанием *-а*. В литературном языке и многих говорах такие формы возможны лишь у существительных мужского рода, например: *дома́*, *города́*, *леса́*, *учителя́* и т. д. В говорах, именно южных, такие формы наблюдаются и у существительных женского рода (главным образом у оканчивающихся в им. пад. ед. числа на согласный звук), например: *костя́* (от *кость*), *крепостя́* (от *крепость*), *площадя́* (от *площадь*). Форма *зеленя́* (мн. ч. от *зелень*, но в особом значении, именно в значении „всходов") проникла и в литературный язык.

В белорусском и украинском языках подобных форм нет.

С точки зрения этих форм русский язык представляет более поздний этап развития сравнительно с белорусским и украинским. В древности формы на *-а* в именительном падеже множественного числа в восточнославянских наречиях, как и в других славянских языках, могли быть только у имен среднего рода. Русские формы на *-а* от существительных других родов являются новшеством, и не столь давним (для мужского рода начиная с XV в.).

3) Если основа существительного оканчивается на задненебный согласный *к*, *г*, *х*,— в русском языке этот согласный сохраняется на протяжении всего склонения, лишь фонетически смягчаясь в *к'*, *г'*, *х'*, если в окончании гласный переднего ряда, например: *рука́*, род. п. *руки́*, дат. п. *руке́* и т. д.; *нога́*, род. п. *ноги́*, дат. *ноге́* и т. д.; *старуха*, род. п. *старухи*, дат. п. *старухе* и т. д. В белорусском же и украинском языках в этих случаях наблюдаются чередования задненебного согласного с переднеязычным свистящим, например: белорусск. *лаўка, на лаўце, нага́* — „нога", *на назе́; саха́* — „соха", *на сасе́*; укр. *рука, на руці; дорога, на дорозі; луг, в лузі; кожух, в кожусі*.

Формы, характерные для русского языка, являются более поздними сравнительно с соответствующими белорусскими и украинскими. Чередование задненебных согласных с переднеязычными свистящими представляет собой результат имевшего место еще на почве общеславянского языка-основы фонетического явления — так называемой в т о р о й п а л а т а л и з а ц и и, т. е. смягчения задненебных согласных в положении перед *ѣ* и конечным *и*, развившимися из дифтонгов *oi̯*, *ai̯* (см. курс старославянского языка). Впоследствии результаты этого фонетического явления стали морфологическим чередованием. В белорусском и украинских языках это чередование сохранилось, в русском же языке на протяжении его истории (точнее даже ещё в тех древнерусских говорах, которые впоследствии вошли в состав современного русского языка) чередование было устранено в результате воздействия тех форм, которые сохраняли задненебный согласный.

4) В русском языке повелительное наклонение глаголов, имеющих в основе настоящего времени задненебный (заднеязычный) со-

гласный, имеет в конце основы этот же согласный (только фонетически в смягченной форме, так как после него идет гласный переднего ряда), например: *пеки́* (ср. наст. вр. *пеку́*), *беги́* (ср. наст. вр. *бегу́*). В белорусском же и украинском языках в этой форме является переднеязычный шипящий согласный (*ш, ж*), например: белорусск. *пячы́, бяжы́;* укр. *печи, біжи*, Впрочем, надо иметь в виду, что форма с *ч* и особенно с *ж* возможна в некоторых русских говорах.

5) Некоторые различия между русским языком, с одной стороны, белорусским и украинским — с другой, существуют в формах, выражающих категорию одушевленности. В русском языке названия животных, так же как и названия людей, имеют форму винительного падежа множественного числа одинаковую с родительным, а не с именительным падежом. В белорусском же и украинском языках форму винительного падежа множественного числа одинаковую с родительным падежом имеют лишь названия людей, а названия животных имеют в этом случае форму, одинаковую с именительным падежом, ср. русск. *запрягать лошадей; пасти коров, быков;* белорусск. *закладаць конi;* укр. *пасти воли* — „пасти волов". У Гоголя в „Сорочинской ярмарке" цыган говорит Грицку: „Что же, *отдавай волы* за двадцать". Этот оборот является, повидимому, украинизмом.

Категория одушевленности развивалась в русском языке постепенно. Названия животных сравнительно поздно получили формы, одинаковые с названиями людей. И особенно поздно форма, одинаковая с родительным падежом, распространилась для названий животных во множественном числе (в памятниках это явление более или менее широко распространяется лишь в XVII в.).

Украинский и белорусский языки в отношении этой черты представляют больший архаизм сравнительно с русским языком.

6) Собственно синтаксической чертой, отличающей русский язык и от белорусского, и от украинского, является следующая. В сочетании с числительными от „двух" до „четырех" включительно в русском языке употребляется форма родительного падежа единственного числа существительных, например: *два стола, три стола, четыре стола*. В белорусском же и украинском языках в этих сочетаниях употребляется форма именительного падежа множественного числа существительных, например: белорусск. *два сталы, тры сталы, чатыры сталы;* укр. *два столи, три столи, чотири столи*.

§ 12. Ряд черт отличают русский язык в целом только от одного из двух остальных восточнославянских языков, с другим же, напротив, объединяют его. При этом, ввиду того что белорусский язык в общем ближе к русскому, чем украинский, большая часть таких черт является общей для русского и белорусского и отличает оба эти языка от украинского. Но есть и черты, объединяющие русский язык с украинским и, напротив, отличающие оба эти языка от белорусского.

К чертам, отличающим русский язык только от одного из остальных восточнославянских языков, относятся следующие.

1) Наличие *о* после мягкого согласного перед твердым, например: *т'о́мный, зел'о́ный, ов'о́с, л'он*. В литературном языке и в а к а ю-

щ и х говорах это *о* может быть только под ударением, в **о к а ю щ и х** же говорах мы находим его и в безударном положении, например: *н'осу́* — „несу“, *бу́д'от* — „будет“. Лишь в некоторых (немногих) русских говорах в этих условиях является *е* даже под ударением, например: *ове́с, зеле́ный*. Наличие *о* после мягкого согласного отличает русский язык от украинского, где обычно на месте русского *о* в этих условиях наблюдается *е*, причем согласный перед *е* твердый, например: *овес, зелений*. В белорусском же языке, как и в русском, *о* после мягкого согласного (но,как в русском литературном языке и акающих говорах, только под ударением), например: *цёмны* — „тёмный“, *зялёны* — „зелёный“. Отличается белорусский язык от русского с точки зрения этой черты лишь тем, что в положении перед твердыми шипящими в русском языке также *о*, а в белорусском *е*. Ср. русск. *од'о́жа*, белорусск. *адзёжа*.

2) В русском языке имеются гласные *и* и *ы*, причем согласные перед *и* мягки, а перед *ы* тверды (ср. *б'ил* — *был*), перед гласным *е* согласные всегда мягки (кроме тех, которые не могут быть мягки, например *ш, ж*). Ср. *от'е́ц, шест'* (лишь в немногих русских говорах согласные, особенно переднеязычные, перед *е* не смягчаются). Эта черта отличает русский язык от украинского. Там на месте наших гласных *ы* и *и* имеется один гласный, промежуточный между ними по своей артикуляции, но более близкий к нашему *ы* (в украинской орфографии он обозначается как *и*). Различие между *ы* и *и* состоит, как известно, в том, что оба они гласные верхнего подъема, но *ы* принадлежит к среднему ряду, а *и* к переднему. Ср. укр. *бив* — „бил“, *бити* — „бить“, *пити* — „пить“. Согласные в положении перед *е* в украинском тверды, например: *овес* (*в* твердое). В украинском языке, правда, имеется и звук *и* (орфографически он изображается как *i*), согласные перед которым мягки. Но это *i* не соответствует нашему *и*, а наблюдается там, где в говорах *ê*, а в древнерусском языке было *ѣ*.

В белорусском языке, как и в русском, имеются гласные *и* и *ы*, причем согласные перед *и* мягки, а перед *ы* тверды, например: *пiў* — „пил“, *пыл* — „пыль“. Согласные перед *е* мягки (кроме тех, которые не могут быть мягкими).

3) В русском языке различаются *р* твердое и *р'* мягкое. Ср.: *рад* — *р'ад* („ряд“). Эта черта отличает русский язык в первую очередь от белорусского, где в литературном языке и в большей части говоров *р* всегда твердое. Ср. белорусск. *прама*, русск. *прямо*, белорусск. *бяроза*, русск. *берёза* и т. д.

В украинском языке в большей части говоров различаются *р* твердое и *р'* мягкое, но и в нем есть говоры, знающие только твердое *р* (северноукраинские, т. е. расположенные по границе с белорусским языком, а также говоры Западной Украины).

4) Отсутствие **д з е к а н ь я**. **Д з е к а н ь е м** называется произношение на месте мягких зубных взрывных согласных *т'* и *д'* соответствующих мягких аффрикат *ц'*, *дз'*. Эта черта отличает русский язык от белорусского. Ср. русск. *дети*, белорусск. *дзеци*, русск. *бить*,

белорусск. *біць*, русск. *одежа* белорусск. *адзежа*. В украинском языке дзеканья нет, как и в русском. Впрочем, нужно иметь в виду, что в некоторых русских говорах (правда, немногочисленных) дзеканье имеется, притом не только в пограничных с белорусскими, но и порой в весьма удаленных от Белоруссии (например, в некоторых казанских). Переход от мягкого переднеязычного согласного к соответствующей мягкой аффрикате легко объяснить фонетически. Мягкий согласный отличается от соответствующего твердого более широкой поверхностью примыкания языка к верхней десне и переднему нёбу. При более широкой поверхности легко может произойти некоторая задержка разрыва смыкающихся органов при взрыве, вследствие чего к взрыву присоединяется трение.

5) Отсутствие чередований гласных, зависящих от открытости и закрытости слога. Так, например, в русском языке именительный падеж *рог*, родительный падеж *рога*, именительный падеж *печь*, родительный падеж *печи*. В формах *рог*, *печь* корневой гласный находится в закрытом слоге, в формах же *рога*, *печи* — в открытом (закрытым слогом называется, как известно, слог, оканчивающийся на неслоговой, обычно согласный звук; открытым слогом — слог, оканчивающийся на слогорой, обычно гласный звук).

В украинском языке в соответствующих случаях наблюдается чередование — *і* в закрытом слоге, *о*, *е* в открытом слоге (в соответствии с русскими *о*, *е*), например: *ріг* — „рог", род. п. *рога*; *піч* — „печь", род. п. *печи*. Чередование это наблюдается лишь в тех случаях, когда современное *о*, *е* восходит к древним гласным *о*, *е*. Гласные же *о* и *е*, развившиеся из старых редуцированных *ъ* и *ь*, такому чередованию не подвергаются (ср. укр. *сон*, *день*). Часто не подвергаются этому чередованию также *о* и *е* в составе так называемых полногласных сочетаний, например: *ворон*, род. п. *ворона*.

Эта черта отличает русский язык только от украинского языка, но не от белорусского. В белорусском языке, как и в русском, чередований гласных, зависящих от открытости или закрытости слога, нет.

§ 13. Помимо указанных выше фонетических, морфологических и синтаксических черт, русский язык отличается от остальных восточнославянских языков и в лексическом отношении. В русском языке есть много слов, по самим корням своим отличных от слов соответствующего значения в белорусском и украинском языках, например: русск. *дом*, укр. *будинок*; русск. *грязь*, белорусск. *бруд*, укр. *бруд*; русск. *туча*, белорусск. *хмара*, укр. *хмара*; русск. *держать*, белорусск. *трымаць*, укр. *тримати*; русск. *видеть*, белорусск. *бачыць*, укр. *бачити*; русск. *искать*, белорусск. *шукаць*, укр. *шукати*; русск. *вредить*, белорусск. *шкодзіць*, укр. *шкодити*. Приведенные примеры указывают на общность многих корней в украинском и белорусском языках именно для таких слов, которыми русский язык отличается от этих языков.

РУССКИЕ ГОВОРЫ

§ 14. Одни и те же особенности часто наблюдаются в различных говорах. Поэтому, чтобы избежать повторений, мы будем вести рассмотрение не по отдельным наречиям и говорам, а по явлениям, т. е. будем говорить о том, какие возможны по говорам отступления от того, что мы наблюдаем в литературном языке в той или иной стороне языка, указывая, в тех случаях, когда это возможно, географическое распространение той или иной черты. Сначала остановимся на фонетике, затем — на морфологии, далее — на синтаксисе, и, наконец,— на лексике. После того как соответствующие отличия от литературного языка (а также черты, сходные в говорах с литературным языком) будут рассмотрены, мы дадим группировку говоров по основным наречиям и группам говоров на основании уже рассмотренных черт (в той мере, в какой это можно сделать при современном состоянии диалектологической науки).

Когда мы говорим о чертах, отличающих тот или иной говор от литературного языка, мы имеем прежде всего в виду архаический слой говора, т. е. говор, характеризующий в первую очередь представителей старшего поколения. Язык все время развивается, нивелирующее влияние литературного языка, начавшееся еще в дореволюционное время, быстрыми темпами распространяется теперь в условиях современной колхозной деревни. Ему способствуют всеобщая грамотность, радио, печать, живое общение с людьми из центров.

Молодежь, прошедшая школу, а в настоящее время и люди среднего возраста, в особенности колхозные активисты, мужчины, служившие в армии, утрачивают местные черты, сохраняя их лишь в небольшой мере.

И даже язык старого поколения, вплоть до самых дряхлых стариков и старух, не остается не затронутым этим влиянием. Но в говоре этого старшего поколения местные черты все же держатся лучше. Поэтому в данном разделе мы опираемся в первую очередь на особенности этого слоя говора (о развитии говоров в современных условиях см. §§ 125—128).

ФОНЕТИКА

Ударение

§ 15. Ударение в современном русском языке динамическое (силовое), т. е. основанное на интенсивности (ударный слог выделяется сравнительно с безударными слогами большей интенсивностью артикуляции органов речи при его произнесении) и разноместное (т. е. разные слова и формы характеризуются различным местом ударения, ср. *му́ка — мука́, голова́* — им. п. ед. ч., *го́лову* — вин. п. ед. ч.). Такой характер в целом имеет ударение и во всех русских говорах. Однако по говорам могут наблюдаться и различия. Они могут быть двоякого характера. Во-первых, место ударения может не совпадать с литературным языком. Ср., например, литературное *ко́сишь, ку́ришь* (2-е л. ед. ч.) и наблюдающееся по говорам *коси́шь, кури́шь* (ударение падает на конечный слог не только в 1-м лице ед. ч.— ср. *кошу́, курю́,* — но во всех формах настоящего времени). Во-вторых, может быть различным отношение по силе между ударным слогом и различными безударными. В литературном языке различие по силе между ударным слогом и безударным достаточно велико, причем из всех безударных слогов наибольшей силой обладает первый предударный слог. Так, например, в таком слове, как *приготовить* (произносится *пр'игато́в'ит'*), если мы обозначим цифрами относительную силу каждого слога (самый слабый цифрой 1, средний по силе — 2, самый сильный — 3), отношения будут следующие: *пр'и-*
1
гато́в'ит'. Такие же отношения наблюдаются и во многих говорах,
2 3 1
главным образом расположенных к югу от Москвы, но также и в некоторых северных (например, владимирских). С меньшей силой безударных слогов связана также бо́льшая краткость гласного звука в этих слогах. В некоторых южных говорах первый предударный слог по силе своей и длительности гласного даже приближается к ударному слогу.

В ряде говоров (например, архангельских, вологодских) различие по силе между ударным слогом и безударными невелико, причем больших различий между разными безударными гласными не наблюдается. В том же слове, которое мы привели выше, отношения по силе приблизительно следующие: *пр'игото́в'ит'*. В некоторых же говорах
2 2 3 2
большого различия между разными безударными слогами также не наблюдается, но все безударные слоги значительно слабее ударного. Отношения в том же слове там следующие: *пр'игото́в'ит'*. Это на-
1 1 3 1
блюдается в некоторых северных говорах (например, в русских говорах на территории Карело-Финской ССР).

С различным характером отношения по силе между ударным и безударными слогами связаны в известной мере различные изменения безударных гласных (см. ниже, §§ 22 и след.), но следует иметь в виду, что связь эта весьма сложная, к тому же различия ударения по говорам в достаточной мере еще не изучены.

ГЛАСНЫЕ

Ударяемые гласные

§ 16. В русском литературном языке под ударением имеются гласные *и, е, а, о, у, ы,* причем следует иметь в виду, что *ы* наблюдается только в начале слова и после мягких согласных, а *ы* только после твердых согласных. Ср.: *с'йла, играт', сын, сыграт'*.

Характерной чертой русского литературного языка является изменение ударяемых гласных в зависимости от мягкости соседних согласных. В соседстве с мягкими согласными артикуляция гласного смещается в более переднее и в то же время в несколько более верхнее положение. При этом предшествующий согласный оказывает влияние на гласный в большей степени, чем последующий. Так, например, в слове *мать* (фонетически *мат'*) гласный *а* по своей артикуляции лишь незначительно сдвинут вперед сравнительно с словом *мат* (например, в шахматах), в слове же *мят* (фонетически *м'ат*— страдательное причастие прошедшего времени от глагола *мять*) *а* значительно более сдвинуто вперед (этот гласный можно обозначить как *ä*). Еще более сдвигается артикуляция гласного вперед и в то же время вверх в случае мягких согласных с обеих сторон. Так, например, еще более переднее (и в то же время несколько более верхнее) *а* в форме *мять* (фонетически *м'äт'*) — это более переднее *а* обозначается посредством *ä*. Такое смещение артикуляции испытывают все гласные заднего ряда. Ср. *т'öт'а* — „тетя", *л'ÿд'и* — „люди". Изменение это понятно, если мы вспомним, чем отличаются мягкие согласные от твердых. Мягкие согласные, иначе п а л а т а л и з о в а н н ы е (от латинского palatum — „нёбо"), отличаются от твердых тем, что при их произношении средняя часть языка поднимается кверху и примыкает к переднему нёбу. Подъем же средней части языка по направлению к переднему нёбу наблюдается и при произношении гласных переднего ряда. Таким образом, здесь мы имеем дело с ассимиляцией гласного соседним согласным, поскольку положение языка при произношении гласного приближается к положению его при произношении этих согласных.

Такому влиянию со стороны соседних согласных подвергаются и гласные переднего ряда. Но на них значительное влияние оказывают п о с л е д у ю щ и е согласные (предшествующие согласные, по нормам русского литературного языка, большей частью мягкие). Под влиянием последующего мягкого согласного гласные переднего ряда становятся более напряженными, а артикуляция их немного смещается вверх, а также немного вперед, в результате чего являются так называемые „закрытые" гласные. Ср., например, *это* (фонетически *éтъ*) — *эти* (фонетически *ê̗т'и*); *нет* (фонетически *н'ет*) — *петь* (фонетически *п'êт'*).

Картина, характерная для литературного языка, наблюдается и во многих говорах, главным образом расположенных к югу от Москвы, а также примыкающих к Москве с севера (например, во владимир-

ских, ивановских). Но во многих говорах наблюдаются отступления от изложенных выше отношений.

Эти отступления могут быть двоякого рода.

Во-первых, какому-либо гласному литературного языка может соответствовать в говорах другой гласный в любом положении. Во-вторых, иным изменениям сравнительно с литературным языком могут подвергаться гласные в определенных условиях.

§ 17. На месте литературного *е* под ударением в некоторых говорах в ряде слов и форм наблюдается *и*, например: *лис* — „лес", *свит* — „свет", *хлиб* — „хлеб", *звир'* — „зверь", *м'йс'ац* — „месяц", *гд'и* — „где", *на стол'й* — „на столе". Следует заметить, что в этих говорах есть и *е* (в соответствии с литературным *е*), но главным образом перед мягким согласным, например: *в'ес'*, *с'ем'*. Перед твердым же почти сплошь *и*. Такое явление наблюдается в северо-западной части русских говоров (именно в новгородских). Следует заметить, что подобную картину мы находим и в украинском языке (в литературном и в основной массе говоров), хотя территория украинского языка и не связана с территорией этих говоров, ср. укр. *ліс, світ, хліб.*

Такие отношения (т. е. в литературном языке *е*, а в говорах *и*) обычно наблюдаются в тех случаях, когда в древнерусском языке было *ѣ*. Ср. древнерусские *лѣсъ*, *свѣтъ*, *хлѣбъ*, *звѣрь*, *мѣсяць*, *кѫдѣ*, *на столѣ.*

В некоторых говорах на месте новгородского *и* в соответствии с литературным *е* наблюдается особый звук, отличный как от *е*, так и от *и*, а именно особое закрытое *ê* (более напряженное и в то же время с более высоким подъемом языка) или дифтонг *и͡е* (т. е. неоднородный гласный, входящий в состав одного слога, начинающийся с гласного верхнего подъема и затем переходящий в средний), например: *хлêб* или *хли͡еб*, *лêс* или *ли͡ес*, *звêр'* или *зв'и͡ер'*, *на столê* или на *стол'и͡е* и т. д. Колебание между *ê* и *и͡е* в одних и тех же словах наблюдается часто в одном и том же говоре в зависимости от темпа речи.

Такое произношение наблюдается в самых разнообразных говорах как северных, так и южных, но повсюду оно представлено сравнительно небольшими островами. Впрочем, следует иметь в виду, что территория распространения этого явления в достаточной мере еще не изучена, и диалектологические экспедиции последних лет открывают все новые и новые районы, где наблюдается такое произношение. В качестве примера говоров с таким произношением можно указать на севере говор Тотемского района (к северо-востоку от Вологды), на юге — говоры Землянского и Задонского районов Воронежской области, некоторые говоры Рязанской области, например говор дер. Новоселки Рыбновского района, в средней полосе говор дер. Лека Коробовского района Московской области.

§ 18. В соответствии с ударяемым *о* литературного языка и большей части говоров в некоторых говорах наблюдается два типа *о*: одно *о* обычное, близкое к тому, которое произносится в литера-

турном языке, а другое более закрытое (т. е. произносящееся с большим напряжением органов речи и с несколько более высоким подъемом языка), т. е. *ô*, а иногда дифтонг *у͡о*. При этом в одних словах и формах наблюдается обычное *о*, а в других *ô*, *у͡о*, причем колебания между *ô* и *у͡о* наблюдаются часто в одних и тех же словах и формах в одном и том же говоре. Ср., например: *по́ле*, но *вôл'а*, *ву͡ол'а* — „воля", *слепо́й стари́к* (им. п. ед. ч. муж. р.), но у *сл'епốй стару́хи* или *со сл'епốй стару́хой* (род., дат., твор. п. ед. ч. жен. р.). Рассматривая отношения этих двух гласных в говорах, где такие различия есть, следует обратить внимание на следующие обстоятельства: 1) в начальном слоге слова *ô*, *у͡о* наблюдается обычно в тех случаях, когда в сочетании с предлогом ударение на него не переходит, ср. *по́ле* — *на́ поле*, но *во́ля* — *на во́лю* (в говорах *вốл'а*); 2) закрытое *ô* или дифтонг *у͡о* обычно не наблюдается в тех случаях, когда в древнем языке было ъ: например, слово *сон* в говорах всегда имеет такую форму, именительный падеж единственного числа мужского рода *слепо́й* имеет в окончании простое *о* на том основании, что здесь некогда был ъ; 3) не в начальном слоге на месте старого ударного *о* (не ъ) обычно наблюдается *ô* или *у͡о* (в начальном слоге, как видно из приведенных примеров, на месте старого *о* может быть как обычное *о*, так и *ô*, *у͡о*).

Территориальное распространение закрытого *ô* в известной мере параллельно распространению рассмотренного выше закрытого *ê*. Многие говоры, имеющие закрытое *ê*, содержат и закрытое *ô* (говоры Тотемского района Вологодской области, дер. Новоселки Рязанской области, говоры Землянского и Задонского районов Воронежской области, говор дер. Лека Московской области). Но в целом *ô* закрытое распространено у́же, чем *ê*: в некоторых говорах, имеющих *ê* (в говорах крайнего севера, в говорах около Онежского озера), *ô* нет.

Различие двух типов *о* исторически отражает некоторые особенности древнего славянского ударения, сложившиеся еще на почве общеславянского языка-основы, но русским языком на протяжении его истории утраченные. Древнее славянское ударение было музыкальным, т. е. характеризовалось не только местом, но и качеством, причем различалось ударение восходящее и ударение нисходящее в зависимости от того, повышался или понижался тон голоса на протяжении слога. Закрытое или дифтонгическое *о* развилось в тех случаях, когда на соответствующий слог, содержавший гласный *о*, падало восходящее ударение. Это восходящее ударение сохранилось и сейчас в словенском языке. Ср., например, русское диалектное *вốл'а* — „воля", словенское *vólja* (*'* — знак восходящего ударения на долгом гласном — в словенском языке различаются долгие и краткие гласные).

Восходящее ударение никогда не падало на ъ. Поэтому на месте старого ъ мы в говорах наблюдаем только обычное *о*, но не *ô*. Напротив, всякое ударное *о* не в начальном слоге характеризовалось некогда восходящим ударением. Ср. *корốва*, *селố* и т. д. В начальном слоге

старое *о* могло быть как под восходящим, так и под нисходящим ударением. Ср. *во́л'а, по́л'е.*

Территория распространения по говорам различия двух типов *о* некогда была шире, чем теперь. Вероятно, когда-то рассматриваемая особенность характеризовала весь русский язык в целом.

§ 19. Из наблюдающихся по говорам различий, связанных с положением ударяемых гласных, особое значение имеет различная в разных говорах степень влияния на них соседних мягких согласных. Выше изложены были нормы, характерные в этом отношении для литературного языка. Они свойственны также значительной части говоров (в основном южным, но также и некоторым северным). Но во многих говорах (и именно в большинстве северных) мягкие согласные оказывают более сильное воздействие на рассматриваемые гласные.

Звук *а* в положении между двумя мягкими согласными, в литературном языке изменяющийся в более переднее и высокое *ä*, в большей части северных говоров смещается по своей артикуляции еще дальше вперед и вверх, причем изменяется в *е*, например, *гр'ес'* — „грязь", *пр'е́ник* — „пряник", *д'е́д'а* — „дядя", *п'ет'* — „пять" и т. д.

Поскольку все стороны языка, как известно, теснейшим образом между собой связаны, при изучении распространения этого явления необходимо обращать внимание на слова, где оно наблюдается. Вообще свойственное северу, в отдельных словах это явление довольно далеко заходит на юг. В особенности часто *е* вместо *а* между мягкими согласными наблюдается в таком слове, как *опять* (на юге *ап'е́т'*).

В говорах, где рассмотренное выше изменение *а* в *е* имеет место, наблюдаются, как легко видеть, любопытные чередования гласных, зависящие от качества соседнего согласного: ср. *гр'а́зной* — *грес'*, *шл'а́па* — „шляпа", *ф шл'е́пи* — „в шляпе", т. е. перед твердым согласным — *а* (в положении после мягкого согласного), в положении же перед мягким — *е*.

§ 20. В ряде говоров, также на севере, наблюдается в соответствии с *ê* или *и͡е* (а иногда и с простым *е*) перед твердыми согласными *и* в положении перед мягкими согласными, например: *хл'ếб*, *хли͡еб*, но *хл'и́б'ец*, *бếлой* или *би͡е́лой*, но *б'и́л'енкой*, *свếт*, *сви͡ет*, но *св'и́т'ит* — „светит" и т. д. Эти отношения наблюдаются обычно на месте древнерусского *ѣ*. Но кое-где (например, в некоторых говорах Владимирской области) *и* в положении перед мягким согласным под ударением мы встречаем на месте старого простого *е*, а также на месте старого *ь* в сильном положении, например *арт'и́л'* — „артель", *д'ин'* — „день", *с'им'* — „семь" и т. д.

В тех же говорах, где наблюдаются изложенные здесь отношения, мы вообще обычно находим *и* в положении перед мягким согласным на месте древнего *ѣ* в соответствии с литературным *е* (т. е. *и* в тех словах, где нет формы со старым *ѣ* в положении перед твердым согласным), например: *зв'ир'* — „зверь", *м'и́с'ац* — „месяц".

Рассматриваемое явление (т. е. *и* в положении перед мягкими согласными при *е* или *ê* перед твердыми согласными и на конце

слова на месте древнерусского *ѣ* в соответствии с современным литературным *е*) распространено в основной массе северных говоров, за исключением крайнего севера, крайнего запада и крайнего юга, т. е. оно охватывает вологодские, кировские, молотовские говоры и ряд других.

На конце слова под ударением на месте древнего *ѣ* и в соответствии с литературным *е* в этих говорах чаще всего наблюдается обычное *е*, но может быть и *ê* или *͡ие*, например: *на стол'е, на стол'ê, на стол'͡ие.*

В некоторых говорах на конце слова под ударением на месте древнего *ѣ* в соответствии с *е* литературного языка наблюдается *и*, например: *на стол'и́* — „на столе", *гд'и* — „где". Это явление наблюдается как в некоторых говорах с *и* на месте *ѣ* в положении перед мягкими согласными (например, в говорах к востоку от Онежского озера), так и в некоторых говорах, имеющих *ê* и перед твердыми и перед мягкими согласными на месте древнего *ѣ*, в соответствии с *е* литературного языка (например, в говорах крайнего севера — в первую очередь в архангельских). Но *и* в этих условиях объясняется не фонетическим путем. Древнее *ѣ*, из которого развилось современное литературное *е*, на конце слова почти всегда представляло какие-нибудь морфологические окончания, чаще всего окончание местного падежа (современного предложного). Местный падеж в склонениях с основой на *-а* и на *-о* в древнерусском языке, как и в старославянском, оканчивался на *ѣ*. В мягкой разновидности соответствующих склонений местный падеж, как и в старославянском языке, оканчивался на *и*. В дальнейшем типы с твердым и мягким согласным в конце основы объединились, причем формы одного типа оказали влияние на формы другого типа. Но в то время как в литературном языке и в большей части говоров мягкая разновидность подверглась влиянию твердой (т. е. стали говорить *на коне́*, как *на столе́*), в некоторых говорах, напротив, твердая разновидность подверглась влиянию мягкой (т. е. стали говорить *на столи́*, как *на кони́*). Наречные формы типа *гди* — „где", *везди́* — „везде" и т. п. получили свой конечный звук под влиянием указанных выше форм склонения (ведь эти наречные формы выражают пространственные отношения, а поэтому по значению сближаются с местным падежом).

§ 21. В некоторых говорах наблюдается *е* в соответствии с *о* литературного языка и большинства говоров в положении после мягкого согласного. Здесь надо различать несколько случаев, имеющих различное распространение:

1) Более или менее последовательно проведенное *е* вместо *о* в корнях слов после мягких согласных и частью после шипящих перед твердыми согласными наблюдается островами в некоторых говорах к югу от Москвы, а именно в некоторых говорах Тульской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской областей. Там говорят, например, *берéза* (а не *берёза*), *зеле́най* — „зелёный", *деше́вай* — „дешёвый" и т. д.

2) Значительно шире распространено в различных говорах произношение *е* в соответствии с литературным *о* в определенных формах слов и словообразовательных категориях.

а) Так, в некоторых говорах как на юге, так и на севере произносится *е* в окончаниях настоящего (или простого будущего) времени глаголов I спряжения, например: *идéм*, *несéм* (а не *идём, несём*). Такое произношение может быть объяснено с точки зрения истории языка. В древности всюду на месте современного *о* после мягкого согласного или шипящего было *е*. В дальнейшем это *е* изменилось в *о* в положении перед твердыми согласными, т. е. вместо *идем*, *несем* стали говорить *ид'óм*, *нес'óм*. Во 2-м лице мн. ч. *е* было перед мягким согласным (*нес'ет'е*), но в большинстве говоров (в том числе и в московском, легшем в основу литературного языка) оно изменилось в *о* под влиянием других форм. В некоторых же говорах это *е* сохранилось (т. е. там произносят *нес'éт'е*) и, напротив, оказало влияние на такие формы, как *нес'ем*.

б) Довольно широко распространено по говорам произношение *е* после шипящего перед уменьшительным суффиксом *-чек* в соответствии с *о* литературного языка, т. е. говорят *мешéчек*, *кружéчек* (а не *мешóчек*, *кружóчек*). Согласный *ч* в русском языке мягкий (лишь в немногих говорах есть твердое *ч*, о чем см. § 48). Перед ним вообще *е* не должно было изменяться в *о*, но в части говоров оно изменилось под влиянием таких форм, как *мешóк*, *кружóк*, в части же говоров так и сохранилось *е*.

в) Широко по говорам распространено произношение *зел'éн'ен'кий* (вместо *зел'óн'ен'кий*). Здесь также *е* находится перед мягким согласным и не должно было изменяться в *о*, но в части говоров и в литературном языке изменилось под влиянием такой формы, как *зел'óный*.

Можно указать и еще несколько случаев отдельных слов и форм, где наблюдается по говорам *е* в соответствии с *о* литературного языка.

Указанные выше говоры, где *е* в соответствии с *о* литературного языка наблюдается в корнях слов, повидимому, вообще не знали изменения *е* в *о* как фонетического явления. Не следует, однако, думать, что мы там совершенно не находим *о* после мягкого согласного. Оно там встречается, но главным образом в конечном слоге, например: *ружйó, жыл'йó, медв'ед'óм* — „медведем“ (твор. п.). Это *о* объясняется тем, что конечный слог обычно представляет собой какое-то грамматическое окончание, и здесь сказалось влияние соответствующих форм других слов, где *о* в окончании было после твердых согласных. Ср. например: *селó*, *селóм*, *столóм* и т. д.

Если, с одной стороны, мы находим в говорах *е* в соответствии с *о* после мягких согласных литературного языка, то, с другой стороны, мы находим в говорах в этих условиях и *о* в соответствии с литературным *е*. Но такое соответствие ограничено лишь определенными грамматическими формами. Во многих говорах (и на севере, например, в кировских говорах, и на юге, например в Скопинском

районе Рязанской области) наблюдается *о* в окончаниях косвенных падежей женского рода единственного числа притяжательных местоимений. Там, например, говорят *мойой*, *твойой*, в соответствии с литературным *моей*, *твоей*. В древности здесь в русском языке было *е*. В положении перед *й* оно не должно было фонетически изменяться в *о*. В литературном языке и во многих говорах так и сохранилось *е*. Но в части говоров *е* в этих формах изменилось в *о* под влиянием таких форм, как *той* (род., дат., предл. п. ед. ч. жен. р. от местоимения *тот*, *та*, *то*). Следует заметить, что изменение *е* в *о* под влиянием родственных форм отразилось в некоторых случаях и в литературном языке. Ср. формы типа *землёй* (твор. п. ед. ч.), где *о* перед *й* явилось под влиянием форм твердого склонения (типа *водой*).

Безударные гласные

§ 22. На основании того, что было сказано в разделе, посвященном ударению, ясно, что среди безударных гласных следует прежде всего различать гласные первого предударного слога и гласные всех остальных безударных слогов. Кроме того, существенно различать, в соседстве с какими согласными находится гласный, с твердыми или мягкими, причем особенно существенно обращать внимание на предшествующий согласный, так как он в русском языке оказывает большее влияние на гласный, чем согласный последующий.

В безударном положении гласные в различных говорах подвергаются разным изменениям, основанным на редукции, т. е. ослаблении их. Редукция эта бывает двоякого характера — количественная, когда гласный лишь сокращается и произносится более слабым голосом, сохраняя в основном свою артикуляцию, и качественная, когда гласный вместе с тем изменяет свою артикуляцию. Нужно, впрочем, иметь в виду, что различные качественные изменения, каким подвергаются гласные в безударном положении, повидимому, лишь в эпоху своего возникновения представляли собой результат редукции, в современном же языке эти гласные, особенно в первом предударном слоге, а порой и в других слогах, достаточно полновесны и никоим образом не могут рассматриваться как редуцированные.

Рассмотрим сначала безударные гласные после твердых согласных, а затем после мягких согласных и шипящих. Среди гласных после твердых согласных мы рассмотрим сначала гласные первого предударного слога, затем гласные остальных слогов.

Гласные первого предударного слога после твердых согласных

§ 23. После твердых согласных в этих условиях в русских говорах вообще могут быть представлены только гласные *о*, *а*, *у*, *ы*. Различия двух типов *о*, характерные для некоторых говоров, наблюдаются только под ударением; в безударном положении возможно только *о*.

Гласные *у* и *ы* в этих условиях значительным изменениям не подвергаются, во всяком случае они сохраняют во всех говорах качество, отличное от всех остальных гласных. Существенно же остановиться на *о* и *а*. В одних русских говорах *о* и *а* в этих условиях отчетливо различаются, т. е. произносят, с одной стороны, *дала́*, *сама́*, а с другой стороны, *вода́*, *пошла́*, *пошёл* и т. д. В других говорах *а* и *о* в этих условиях не различаются, а вместо того и другого звука слышится один и тот же гласный, обычно *а* или, во всяком случае, гласный, близкий к *а*, т. е. говорят не только *дала́*, *сама́*, но и *вада́*, *пашла́*, *пашёл*.

Различение в безударном положении (хотя бы только в первом предударном слоге) *о* и *а* называется о́каньем, говоры, различающие в соответствующих условиях *о* и *а*,— окающими. Неразличение в безударном положении *о* и *а* называется а́каньем, говоры же, не различающие в этих условиях *о* и *а*,— акающими.

Оканье состоит в том, что без ударения возможно *о* наряду с *а*, а не в том, что там произносится *о* вместо *а*. Правда, в окающих говорах мы встречаем отдельные случаи *о* вместо *а* в безударном положении, но они объясняются особым фонетическим положением или же особыми смысловыми отношениями. Так, например, встречаются в окающих говорах такие формы, как *дола́*, *зобы́ла* — „забыла", *трова́*, где *о* вместо *а*, повидимому, явилось под влиянием в одном случае соседнего губного согласного, а в другом под влиянием соседнего твердого *л*, вообще имеющего в русском языке лабиализованный характер (см. § 53).

В некоторых окающих говорах наблюдается в первом предударном слоге *о* в соответствии с *а* других окающих же говоров в определенных словах, например: *забо́та*, *стока́н*, *творо́г* при *забота*, *стакан*, *тварог* в окающих же (а не только акающих) говорах. В данном случае мы имеем дело не с фонетическим изменением *а* в *о* в определенных условиях (или, напротив, фонетическим изменением *о* в *а* в части окающих говоров), а со старым этимологическим *о*. Слово *стакан* этимологически связано со словом *доска* (др.-русск. *дъска*). В древнерусском языке это слово звучало *дъстокан*, откуда в результате падения редуцированного и ассимиляции развилось *стокан*, которое в ряде окающих говоров и сохранилось. Форма *стакан* развилась в акающих говорах, откуда и проникла в некоторые окающие.

Слово *забота* этимологически не вполне ясно. Возможно, что оно связано по корню со старославянским и древнерусским глаголом *зобати* — „клевать". В таком случае *зобота* представляет собой сохранение старой формы. Форма *забота* развилась в окающих говорах нефонетически (возможно, начало слова было осознано как приставка *за-*). В формах *тварог, творог* в окающих говорах, возможно, отражается старое чередование *о*/*а*, характерное для всех славянских языков и развившееся еще в общеславянском языке-основе. Границы распространения по окающим говорам *о* и *а* в указанных словах для отдельных слов друг с другом не совпадают.

Окающие говоры охватывают весь север территории, занятой русским языком, граница их проходит очень близко к Москве (уже около Загорска начинаются окающие говоры). Акающие говоры, напротив, охватывают южную часть территории русского языка, начиная от Москвы. Московский говор, лежащий в основе нашего литературного языка, также является акающим.

Аканье, т. е. неразличение *о* и *а* в безударном положении, уходит на запад, за пределы русского языка. Акающим является также весь белорусский язык в целом. Аканье отразилось и в белорусской орфографии (в отличие от русской). Там, например, не только говорят, но и пишут *пашоў* — „пошёл".

В некоторых окающих говорах *о* в первом предударном слоге произносится как звук более закрытый, склонный к *у*, иногда же в этих условиях прямо произносится *у*; например, *вудá* — „вода". Такое произношение наблюдается, например, на западе северновеликорусского наречия, в районах, граничащих с акающими говорами (в некоторых псковских говорах). Говоры с *у* на месте *о* в первом предударном слоге относятся к окающим. Акающие говоры характеризуются тем, что в соответствии с различающимися под ударением гласными *о* и *а* в первом предударном слоге произносится один гласный *а*, здесь же в соответствии с ударяемыми гласными *о* и *а* в предударном слоге различаются два гласных — *у* и *а*.

§ 24. Акающие говоры подразделяются с точки зрения того, всегда ли в первом предударном слоге на месте *о* и *а* является звук, близкий к *а*, или же в известных условиях могут быть и другие звуки. В большинстве акающих русских говоров постоянно в этом положении наблюдается *а* или звук, близкий к *а*. В некоторых же говорах характер гласного первого предударного слога зависит от того, какой гласный находится под ударением. В этих говорах *а* в первом предударном слоге находится лишь в тех случаях, когда в ударном слоге любой другой гласный, кроме *а*, если же под ударением *а*, в первом предударном слоге — *ы* или редуцированный гласный среднего ряда среднего подъема, обозначаемый как *ъ*. В этих говорах произносят *въдá* или *выдá* — „вода", но *вады́* (род. п.), *вадóй* (твор. п.) и т. д.; *пашóл*, но *пъшлá* (жен. р.) и т. д. Наблюдается как бы своеобразная д и с с и м и л я ц и я, расподобление по качеству между ударным и предударным гласными: под ударением *а* — в предударном слоге не-*а*, под ударением не-*а* — в предударном слоге *а*.

Аканье, при котором наблюдаются только что изложенные отношения (т. е. *ъ* или *ы* на месте *о* и *а* в первом предударном слоге перед ударным *а*, *а* в первом предударном слоге перед остальными ударными гласными) называется д и с с и м и л я т и в н ы м а к а н ь е м. Аканье же, при котором в первом предударном слоге на месте *о* и *а* постоянно является *а* или гласный, близкий к нему, называется н е д и с с и м и л я т и в н ы м а к а н ь е м.

Большинству русских акающих говоров свойственно недиссимилятивное аканье. Диссимилятивное же аканье в основном наблюдается

за пределами русского языка, оно свойственно значительной части белорусских говоров, именно северо-восточной их части. В русских говорах оно наблюдается главным образом на границе с белорусским языком. Впрочем, исследования последнего времени показывают, что в южной части русских говоров, например, кое-где в орловских, оно заходит местами довольно далеко на восток.

§ 25. С исторической точки зрения аканье представляет собой явление более позднее, чем оканье. Возникло аканье сравнительно давно, во всяком случае не позднее XIII в., и первоначально было распространено на более узкой территории, чем теперь (первоначальным очагом его возникновения являются, повидимому, курские и орловские говоры). До возникновения аканья все русские говоры были по существу окающими. В дальнейшем аканье распространяется все шире и шире. В настоящее время в полосе пограничной между окающими и акающими говорами наблюдаются многочисленные говоры, обнаруживающие переход от оканья к аканью, причем переход исторически осуществляется именно в этом направлении, т. е. от оканья к аканью, а не наоборот (акающие формы представляют собой факты позднейшие, окающие образуют остатки старины). При этом в некоторых говорах наблюдаются беспорядочные колебания (например, один и тот же человек может сказать *вода́* и *вада́*), но в некоторых говорах наблюдается определенная система, позволяющая наметить определенные последовательные этапы перехода от аканья к оканью.

Обычно раньше всего *а* на месте *о* в первом предударном слоге появляется перед слогом с *а*, т. е. говорят *вада́*, *пашла́*, но *водо́й*, *пошо́л*, *в воде́*, *из воды́*, *пошли́*. Говоры с таким произношением образуют самый ранний этап перехода от оканья к аканью. Дольше всего сохраняется *о* в первом предударном слоге в положении перед слогом с *о*, т. е. говорят *водо́й*, *пошо́л*, но *вада́*, *пашла́*, *в ваде́*, *из вады́*, *пашли́*. Говоры с таким произношением образуют позднейший этап перехода от оканья к аканью.

Диалектологические исследования последних лет показали, что возможны и иные пути перехода от оканья к аканью. Так, в северо-западных говорах северновеликорусского наречия, расположенных на границе с акающими говорами (в Псковской обл.), помимо указанного выше типа с *а* в первом предударном слоге из *о* перед слогом с *а*, отмечены еще такие переходные типы: 1) *о* и *а* различаются перед слогом с гласными среднего подъема, перед гласными же верхнего и нижнего подъема наблюдается *а*, т. е. говорят *в воде́*, *водо́й*, но *вада́*, *пашла́*, *из вады́*, *пашли́* (напр., в дер. Подоспа Гдовского р-на Псковской обл.); 2) *о* и *а* различаются перед гласными среднего и нижнего подъема, перед гласными же верхнего подъема наблюдается *о*, т. е. говорят *в воде́*, *водо́й*, *вода́*, но *из вады́*, *пашли́* (например, в дер. Замежничье Полновского района Псковской обл.).

В рассматриваемых говорах, когда речь идет о различении в первом предударном слоге гласных *о* и *а*, часто на месте *о* наблюдается *у*, но существенно, что в соответствии с ударными гласными *о* и *а* в предударном слоге наблюдаются два, а не один гласный.

Гласные других безударных слогов после твердых согласных

§ 26. В других безударных слогах, помимо первого предударного, т. е. во втором, третьем и так далее предударных или в послеударных различная картина наблюдается прежде всего в окающих говорах. В большей части говоров в положении после твердых согласных различие *о* и *а* сохраняется и здесь, т. е. там говорят, с одной стороны, *наход'и́т'*, *о́ддал*, *вы́пал*, а с другой — *голова́*, *подошо́л*, *го́рот*. Следует заметить, между прочим, что такое произношение наблюдается и в некоторых таких северных говорах, где ударный слог значительно отличается от безударных по силе (например, в говорах к востоку от Онежского озера). В части же северных говоров, именно в южной их части, например во многих владимирских, ивановских говорах, в этих условиях и на месте *о* и на месте *а* произносится редуцированный гласный среднего ряда среднего подъема *ъ*, т. е. там говорят: *гълова́*, *нъход'и́т'*, *из го́ръда* и так далее (в первом предударном слоге, как уже было сказано, *о* там возможно).

Говоры, где *о* и *а* произносятся отлично друг от друга и в других безударных слогах, кроме первого предударного слога, принято называть говорами с полным оканьем, говоры же, где в этих слогах на месте *о* и *а* произносят редуцированный гласный — говорами с неполным оканьем.

В акающих говорах в рассматриваемых слогах также большей частью произносят редуцированные гласные, т. е. говорят, например, *пъдашо́л*, *о́ддъл* и др.

Эти же редуцированные гласные являются в соответствующих слогах и на месте *ы* и *у* в тех немногих акающих говорах, где они подвергаются редукции. В этих говорах произносят, например, *мъжики́* — „мужики“, *кьзн'ицы́* — „кузнецы“, *окън'* — „окунь“.

В прежнее время исследователи считали, что среди акающих говоров есть довольно много таких, где на месте *о* и *а* произносится *а* в любом безударном слоге. Такие говоры вообще есть, но, хотя вопрос окончательно еще не исследован, следует сказать, что вряд ли такие говоры особенно распространены.

Подобное произношение чаще всего встречается в таких говорах, которые в прошлом окали, а затем восприняли аканье. Таковы, например, некоторые говоры Сибири, а также некоторые южновеликорусские говоры на границе с украинским языком. Там могут сказать, например, *падашо́л*, *галава́* и т. д.

Следует обратить внимание на то, что как в акающих говорах, так и в говорах с неполным оканьем в безударных слогах (помимо первого предударного) возможны в весьма широких пределах колебания гласных. Эти колебания значительно больше, чем в литературном языке. С одной стороны, в этих условиях в говорах могут наблюдаться гласные довольно близкие к *а*, с другой же стороны, возможна очень сильная редукция гласных, даже вплоть до полного их исчезновения, особенно часто рядом с сонорными согласными,

но иногда и рядом с шумными. Там часто говорят *платно́* — „полотно“, *спажо́к* — „сапожок“, *сторш* — „сторож“ и т. д. (сонорный при этом иногда становится слоговым).

Гласные первого предударного слога после мягких согласных

§ 27. Значительно большим изменениям, чем те, которые были выше рассмотрены, подвергаются безударные гласные в положении после мягких согласных. В положении после мягких согласных в о к а ю щ и х говорах вообще возможны *и, е, а, о, у*. Гласный *у*, как уже было сказано выше, вообще устойчив и значительным изменениям не подвергается. Это же надо сказать и о гласном *и*, который в этом отношении подобен *ы* после твердых согласных. Поэтому, когда мы говорим о различных изменениях гласных первого предударного слога после мягких согласных, следует иметь в виду прежде всего *е, о, а*. Надо иметь в виду, что эти гласные подвергаются изменениям не только в зависимости от предыдущего, но и в зависимости от последующего согласного, а именно от твердости или мягкости его. Наиболее подвержены изменениям гласные первого предударного слога в тех случаях, когда мягкие согласные окружают их с обеих сторон. Очень редко встречаются такие говоры, в которых в этих условиях произносится *о*, т. е. где говорят *з'ол'о́ной*, — „зелёный“, *т'ос'о́мка* — „тесёмка“ и так далее (такие говоры можно встретить, например, в Нижнем Поволжье). В большинстве окающих говоров в этих условиях произносят *е*, т. е. говорят *з'ел'о́ной, т'ес'о́мка*.

В большом количестве окающих говоров возможно в этих условиях *а*, т. е. говорят *п'ат'и́* (род. п. от числительного „пять“), *в гр'аз'и́* — „в грязи“ и т. д. Такое произношение наблюдается, например, во многих владимирских, костромских и других говорах.

В большинстве же окающих говоров в этих условиях на месте трех указанных гласных произносят лишь *е*.

В положении после мягких перед т в е р д ы м и согласными в первом предударном слоге в некоторых окающих говорах различаются все три гласные — *е, о, а: б'еда́, п'ету́х, р'ека́; н'осу́, б'ору́; вз'ала́, п'ата́к*. Такое произношение наблюдается, например, в некоторых владимирских говорах. При этом различие *е* и *о* связано с тем, какой звук здесь был в древности — *о* наблюдается на месте старого *е* (о переходе в древнерусском языке *е* в *о* перед твердыми согласными см. выше), а *е* на месте старого *ѣ*, а также с тем, какой гласный наблюдается в соответствующем корне под ударением (ср. *б'е́дной* или *б'ếдной, н'ос* — „нес“). Впрочем, в очень многих говорах в этих условиях наблюдается *о* после мягкого согласного и на месте старого *ѣ*, т. е. говорят не только *б'ору́, н'осу́*, но также *б'ода́, р'ока́, п'оту́х*. Иногда (но реже) *о* возможно даже на месте *а*, например: *вз'ола́* — „взяла“. Произношение с *о* после мягкого согласного и на месте *ѣ*, а не только на месте *е* наблюдается, например, в большинстве владимирских, вологодских говоров и во многих других. Можно

сказать, что такое произношение охватывает, повидимому, большую часть наших окающих говоров. В этих же говорах обычно произносится *а* после мягких согласных, например *вз'ала́* (возможное *о* на месте *а* никогда не бывает проведено последовательно).

Что касается до звука на месте старого *ѣ* в положении перед мягким согласным, то в основной массе окающих говоров является *и*, т. е. в соответствующих говорах произносят, например, *р'ока́*, но *в р'ик'ė* (то, что сказано было выше применительно к этим говорам об *и* на месте *ѣ* в положении перед мягким согласным под ударением, см. § 20).

В некоторых же окающих говорах в первом предударном слоге в положении после мягкого согласного перед твердым наблюдается *е* не только на месте старого *ѣ*, но и на месте старого *е* и даже на месте *а*, т. е. там говорят: *б'еда́, п'ету́х, н'есу́, б'еру́, вз'ела́*— „взяла", *т'ену́* — „тяну", *п'ета́к* — „пятак" и т. д. Такое произношение характерно главным образом для крайней северной, северо-западной, западной полосы окающих говоров (оно наблюдается, например, в архангельских говорах, в русских говорах на территории Карело-Финской ССР).

Говоры с преобладающим *о* после мягкого согласного в первом предударном слоге принято называть ё к а ю щ и м и (в упрощенной транскрипции, в течение долгого времени принятой среди диалектологов, такие случаи, как *б'ода́, р'ока́, н'осу́*, принято было записывать *бёда́, рёка́, нёсу́*), говоры же с преобладающим *е* в этих условиях — е к а ю щ и м и.

Во многих екающих говорах *е* наблюдается на месте *е, о, а* лишь перед твёрдыми согласными, перед мягкими же произносится *и*, т. е. говорят, например, *взела, петак*, но *пити* (род. п. от *пять*).

Следует иметь в виду, что в окающих говорах произношение в указанных условиях подвержено сильным колебаниям, которые наблюдаются не только внутри одного и того же говора, но даже в речи одного и того же лица, т. е. одно и то же лицо может, например, сказать и *н'осу́*, и *н'есу́*. Поэтому мы разграничиваем ёкающие и екающие говоры не на основании исключительного использования, а лишь на основании п р е о б л а д а н и я того или иного звука.

Ё к а н ь е свойственно исключительно окающим говорам (поскольку *о* в безударном положении в акающих говорах невозможно), е к а н ь е же наблюдается как в окающих, так и акающих говорах (это нисколько не противоречит системе акающего произношения). Здесь оно наблюдается кое-где в средней полосе, т. е. в полосе говоров, образующих переход от северных к южным. Наблюдается оно, например, недалеко от Москвы — в Коломенском, в Егорьевском районах, кое-где в Горьковской области (в Ардатовском, Арзамасском районах).

Однако главным образом оно встречается в таких акающих говорах, которые в прошлом были окающими и в которых аканье развилось сравнительно недавно.

§ 28. В основном же акающим говорам свойственны иные виды изменения гласных первого предударного слога в положении после

мягких согласных. Для всех акающих говоров существенно, что гласные *е, о, а* (а также *ê*, если оно представлено в говоре), отчетливо различающиеся под ударением, в первом предударном слоге изменяются в один и тот же гласный (или в одни и те же гласные). Так, в екающих говорах на месте всех трех указанных гласных является *е*.

В некоторых акающих говорах на месте *е, о, а* после мягкого согласного в первом предударном слоге наблюдается *и* или звук, близкий к нему (промежуточный между *и* и *е*). Там, например, произносят *н'ису́, б'иру́, б'ир'óш, б'идá, п'иту́х, вз'илá, т'ину́* — „тяну" и т. д. Такое произношение принято называть и к а н ь е.

И часто наблюдается, как уже говорилось, и в екающих говорах, но лишь перед мягкими согласными, в икающих же оно не зависит от качества следующего согласного. Икающие говоры, подобно екающим, наблюдаются в переходной полосе. Иканье свойственно московскому говору, лежащему в основе литературного языка (только по нормам литературного произношения в указанных условиях наблюдается не собственно *и*, а звук, более открытый, несколько склонный к *е*). Мы находим его к западу от Москвы (точнее к северо-западу), например, в Демянском, Осташковском районах Калининской области, к востоку (точнее к юго-востоку) — в районе Ульяновска.

Икающие острова встречаются и на территории южновеликорусских говоров. Поскольку здесь издавна иканье свойственно главным образом населению городов и крупных торговых сел, имевших и в прошлом тесные связи с Москвой, можно думать, что на юг иканье проникает из Москвы.

§ 29. Но основной массе акающих говоров свойственно такое изменение соответствующих гласных, при котором в первом предударном слоге, постоянно или в определенных условиях является *а* после мягкого согласного, т. е. говорят, например, *н'асу́, б'ару́*. Такой характер вокализма первого предударного слога принято называть я к а н ь е (в упрощенной транскрипции, принятой ранее в диалектологии, в этих случаях писали *нясу́, бяру́*).

Яканье охватывает основную массу русских акающих говоров (за исключением тех, в целом весьма немногочисленных, где наблюдается еканье или иканье). Оно характерно и для всего белорусского языка.

Существенной особенностью якающего типа безударного вокализма является то, что далеко не во всех якающих говорах в первом предударном слоге на месте *е, о, а* после мягких согласных постоянно является *а*, но могут выступать и другие гласные, причем качество гласного первого предударного слога зависит от фонетического соседства.

С точки зрения того, какие гласные и в каких условиях являются в первом предударном слоге, все якающие говоры можно разбить на три основные типа, а именно говоры с с и л ь н ы м, у м е р е н н ы м и д и с с и м и л я т и в н ы м я к а н ь е м (о некоторых дополнительных типах будет сказано ниже).

§ 30. С и л ь н о е я к а н ь е характеризуется тем, что в первом предударном слоге в положении после мягкого согласного на месте

е, о, а постоянно является *а*, независимо от того, какие звуки находятся рядом. В соответствующих говорах • произносят, например: *б'ада́, н'асу́, п'ата́к, н'асли́, н'ас'и́, п'ат'и, з'амл'а́, л'ат'е́т', л'ат'е́л, н'ас'о́ш, в'ад'о́м, д'ар'о́вн'а* и т. д.

Сильное яканье распространено главным образом на территории восточной части русских акающих говоров — в Рязанской, Тамбовской, Воронежской областях. Впрочем, на этой территории встречаются и говоры других типов, какие будут рассмотрены ниже. Исследованиями последних лет установлено, что территория распространения сильного яканья значительно у́же, чем думали раньше. Так, например, прежде думали, что на территории Рязанской области наблюдается преимущественно сильное яканье, в настоящее же время установлено, что такое предположение являлось следствием недостаточного знания этих говоров и что, хотя говоры с сильным яканьем в этой области действительно есть, очень многие говоры принадлежат к другому типу.

Сильное яканье охватывает и значительную часть белорусских говоров (именно юго-западную). Оно является и нормой белорусского литературного языка.

§ 31. Умеренное яканье характеризуется зависимостью гласного первого предударного слога от качества следующего за этим гласным согласного, именно от твердости или мягкости его. В том случае, если этот согласный твердый, на месте *е, о, а* в первом предударном слоге после мягкого согласного является *а*, если же этот согласный мягкий — *и* или *е*, например: *б'ада́, в'асна́, вз'ала́, в'аду́, цв'аты́* (мн. ч.), *б'ады́* (род. п. ед. ч.), *р'ады́, б'адо́й* (твор. п. ед. ч.) и т. д., но: *в'ид'и́* (повел. накл.), *н'ис'и́* (то же), *в'ид'о́т* (3-е л. ед. ч.), *л'ит'е́т'* (инфинитив), *б'иде́* (дат. п.) или *в'ед'и́, н'ес'и́, л'ет'е́т'* и т. д.

Умеренное яканье распространено главным образом в северозападном углу акающих русских говоров — на территории Тульской, Калужской областей. Наблюдается оно и поблизости от Москвы — в Можайском, Верейском, Подольском, Бронницком районах. На востоке мы находим его в некоторых говорах Нижнего Поволжья.

Следует заметить, что умеренное яканье в основном занимает территории, прилегающие к северным, окающим говорам. И самый характер его также напоминает некоторые особенности северных говоров. Именно там последующие согласные могут оказывать сильное влияние на предшествующие гласные — см. рассмотренное выше изменение *а* в *е* между мягкими согласными, *и* на месте *ѣ* в положении перед мягкими согласными.

§ 32. Диссимилятивное яканье характеризуется зависимостью гласного первого предударного слога от качества ударяемого слога. При этом как бы наблюдается своеобразное расподобление, диссимиляция гласных ударного и первого предударного слога с точки зрения подъема. После мягкого согласного в первом предударном слоге *а* является лишь в том случае, если под ударением гласный верхнего подъема, т. е. *и, ы, у* (само *а*, как известно, представляет собой гласный нижнего подъема); если же под ударением гласный нижнего подъема, т. е. *а*, в предударном слоге гласный верх-

него или среднего подъема, т. е. *и* или *е*, например: *в'аду́, н'асу́, цв'аты́* (мн. ч.), *н'аси́* (повел. накл.), *в'ад'и́* (то же), *л'ат'и́* (то же), *б'ады́* (род. п.), *з'амл'и́* (род. п.), *п'ат'и́* и т. д., но: *в'ила́* (или *в'ела́*), ***н'исла́, б'ида́, з'имл'а́, вз'ила́*** и т. д.

Обозначая ударный гласный справа, а первый предударный слева и соединяя чертой гласный ударного слога и гласный предударного слога того же слова, отношения диссимилятивного яканья могут быть представлены в следующей схеме:

'*е*, ('*ê*), '*о*, '*а* > { '*и*, ('*е*), '*а* } — *у́, ы́, и́* / *а́*

Слева показано, на месте каких гласных являются гласные первого предударного слога.

Значок ' показывает, что перед соответствующим гласным мягкий согласный.

Диссимилятивное яканье охватывает бо́льшую часть русских акающих говоров, распространяясь к югу до границы с украинским языком, а в восточной части территории, занятой русским языком, заходит на Северный Кавказ. Охватывает оно и часть белорусских говоров (именно северо-восточную).

Если под ударением гласный среднего подъема, то в первом предударном слоге по говорам наблюдается различная картина. С точки зрения изменения гласных первого предударного слога в положении перед слогом с гласным среднего подъема внутри диссимилятивного яканья можно наметить несколько подтипов. Мы остановимся лишь на самых основных из них.

§ 33. В некоторых говорах в положении перед гласным среднего подъема является *и* (так же как и перед гласными нижнего подъема), например: *н'ис'е́ш* (или *н'ис'о́ш*), *б'ид'о́й* (твор. п.), *б'ид'е́* (дат. п.), ***з'имл'е́*** (дат. п.), ***л'ит'е́т'***, ***п'итно́*** и т. д.

Такой подтип диссимилятивного яканья называется донским, так как он наблюдается, между прочим, в некоторых русских говорах на Дону.

§ 34. В некоторых говорах в положении перед гласными среднего подъема, напротив, является *а* после мягкого согласного (так же как и перед гласными верхнего подъема), например; *н'асе́ш, б'адо́й* (твор. п.), *б'ад'е́* (дат. п.), *з'амле́* (дат. п.), *л'ат'е́т', п'атно́, з'арно́* и т. д.

Этот подтип диссимилятивного яканья называется жиздринским, так как он наблюдается, между прочим, в Жиздринском районе Брянской области. Следует заметить, что жиздринский подтип свойственен главным образом белорусскому языку, именно северо-восточной части белорусских говоров, которой вообще свойственно диссимилятивное яканье. В русских акающих (и диссимилятивно-якающих) говорах этот подтип наблюдается главным образом на границе с белорусским языком. Поэтому этот подтип иногда так и называют белорусским.

§ 35. Два только что рассмотренных подтипа диссимилятивного яканья представляют наиболее простую картину. Более сложные отношения представляет так называемый обоянский подтип (он так называется потому, что впервые отмечен в Обоянском районе Курской области). В говорах этого типа среди ударяемых гласных различаются, с одной стороны, *е* и *ê* (на месте старого *ѣ* — см. выше) и, с другой стороны, *о* и *ô* (см. выше, § 18). У нас нет ясных сведений о том, различаются ли эти гласные в самом обоянском говоре в настоящее время (этот говор не подвергался достаточно точному лингвистическому исследованию), но во всяком случае сравнительно недавно эти гласные различались. В говорах этого типа *а* после мягкого согласного является лишь перед ударяемым слогом с *ê*, *ô*, перед остальными же гласными среднего подъема, т. е. перед *е* и *о*, — там *и*, например: *л'ат'ел* (или *л'ат'êл, л'ат'иел,* если и теперь здесь произносится особый звук), *в'аснóй* (или *в'аснôй, в'аснуой*), *с'адóй* (или *с'адôй, с'адуой* — твор. п. ед. ч. жен. р.) и т. д., но *н'исéт', н'ис'еш, с'идóй* (им. п. ед. ч. муж. р.) и т. д.

От обоянского отличают иногда задонский подтип, распространенный, между прочим, в говорах Задонского и Землянского районов Воронежской области. Но принципиальных отличий между этими двумя подтипами не существует, вследствие чего правильнее объединить их в один подтип — обоянский или задонский. Различия между ними следующие. Во-первых, в задонском подтипе заведомо отмечены и в настоящее время дифтонги *уо*, отличное от *о*, и *ие* на месте старого *ѣ*. Но ведь эти гласные, возможно, есть и в обоянском говоре, только не отмечены вследствие того, что до сих пор этот говор не подвергался тщательному исследованию. Во-вторых, в первом предударном слоге в тех случаях, когда в обоянском подтипе наблюдается *и*, — в задонском *е*. Но это различие также может зависеть от недостаточной точности и полноты наблюдений. Колебания между *и* и *е* в одних и тех же условиях (принимая во внимание возможность также различных промежуточных звуков) наблюдаются иногда в одном и том же говоре.

§ 36. Суджанский подтип диссимилятивного яканья, названный так потому, что впервые отмечен в говорах Суджанского района Курской области, характеризуется тем, что *а* после мягкого согласного в предударном слоге наблюдается в тех случаях, когда под ударением *о* после твердого согласного (т. е. на месте старого *о* и *ô*); если же в ударном слоге *е* (в соответствии со старыми *е* или *ѣ*) или *о* после мягкого согласного (т. е. исторически развившееся из *е*), то в первом предударном слоге — *и*, например: *с'алó* (под ударением старое *ô*), *б'адóй* (твор. п. — под ударением старое *ô*), *сл'апóй* (им. п. ед. ч. муж. р. и тв. п. ед. ч. жен. р.), *п'асóк*, *р'абóй* и т. д., но: *л'ит'éл*, *к р'ик'é*, *н'ис'éм* (или *н'ис'óм* — 1-е л. мн. ч.), *к зимл'ê* и т. д.

§ 37. Помимо указанных выше трех основных типов яканья, существуют еще некоторые, имеющие второстепенное значение, зачастую

сложившиеся на основе некоторых основных типов, отражающие принципы различных типов. Отметим некоторые из них.

Ассимилятивное яканье. Оно состоит в том, что в первом предударном слоге последовательно является *а* после мягкого согласного лишь в том случае, если в ударном слоге *а*. Обычно в этом типе отражаются также нормы умеренного яканья, т. е. принцип ассимиляции гласного по отношению к следующему гласному совмещается с принципом умеренного яканья: *а* после мягких согласных наблюдается перед твердым согласным независимо от того, какой гласный под ударением, а перед мягким согласным только в том случае, если под ударением *а*, например: *б'адá*, *с'алó*, *п'атнó*, *б'ады́* (род. п.) и т. д., а также *в'ал'áт* — „велят" (3-е л. мн. ч., в говоре с умеренным типом яканья было бы *в'ил'áт'*) и т. д., но *б'ид'é* (дат. п.), *н'ис'и́* (повел. накл.) и т. д. Впрочем, в некоторых говорах наблюдается *а* в первом предударном слоге только в том случае, если под ударением *а* (независимо от соседнего согласного), например: *б'адá*, *л'ат'áт*, но *с'илó*, *п'итнó*.

Ассимилятивное яканье распространено в некоторых говорах, образующих переход от северных к южным. Оно наблюдается на западе и северо-западе от Москвы, например, в Волоколамском, Клинском районах Московской области, в Старицком, Зубцовском районах Калининской области.

§ 38. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье представляет совмещение принципов диссимилятивного и ассимилятивного яканья. После мягкого согласного *а* наблюдается и перед ударяемым гласным верхнего подъема, и перед ударяемым гласным нижнего подъема (т. е. *а*). Только перед ударяемым гласным среднего подъема и то только в том случае, если перед последним мягкий согласный (т. е. если этот гласный среднего подъема *е* или *о*, развившееся из старого *е*), наблюдается в предударном слоге *и* (или *е*), например: *н'аслá*, *б'ада*, *з'амл'á*, *с'амйá*, *с'алó*, *н'асу́*, *цв'аты́*, *н'ас'и́* (повел. накл.) и т. д., но: *н'ис'éш* (или *н'ис'óш*), *дирéвн'а*, *л'ит'ел* и т. д. В последнем случае (*летел*), где ударяемое *е* на месте древнего *ѣ*, может быть в предударном слоге и *а*, особенно если под ударением в говоре сохранилось *ê* (на месте *ѣ*), например: *л'ат'êл*.

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье распространено во многих говорах Рязанской области (например, в дер. Кидусово Спасского района, дер. Новоселках Рыбновского района и др.). На различных разновидностях ассимилятивно-диссимилятивного типа в элементарном курсе можно не останавливаться.

На ассимилятивно-диссимилятивное яканье по внешнему виду похоже яканье так называемого гдовского типа, наблюдающееся в некоторых говорах Гдовского района Псковской области. В этих говорах в соответствии с ударяемыми *е*, *о*, *а* после мягкого согласного в первом предударном слоге наблюдается *а* после мягкого согласного перед слогом с ударными гласными верхнего и нижнего подъема, *е* или *и* перед слогом с гласными среднего подъема, независимо от качества согласного, следующего за гласным первого пред-

ударного слога, например: *б'ада́, в б'аду́, б'ады́, з'амл'а́*, но *нис'о́т* или *н'ес'о́т, с'ило́* или *с'ело́*.

Этот тип отличается от ассимилятивно-диссимилятивного типа тем, что *е* или *и* наблюдается перед гласным среднего подъема и в том случае, если за гласным первого предударного слога следует твердый согласный. Кроме того, ассимилятивно-диссимилятивное яканье наблюдается в акающих говорах, яканье же гдовского типа в говорах, переходных от окающих к акающим. Он часто наблюдается в тех же говорах, где в первом предударном слоге различаются *о* и *а* в положении после твердых согласных перед слогом с гласными среднего подъема (см. выше). Существенно отличается гдовское яканье от ассимилятивно-диссимилятивного и в генетическом отношении, т. е. по происхождению, о чем ниже.

§ 39. Различные рассмотренные выше типы яканья представляют собой с исторической точки зрения различные последовательные этапы развития нашего безударного вокализма. Одни из этих типов являются архаическими, другие представляют сравнительно поздние образования.

Из трёх основных типов яканья бо́льшим архаизмом характеризуется диссимилятивное яканье, сильное же и умеренное яканье представляют собой более поздние образования.

Представители марровской „теории" в области русской диалектологии, отрицавшие развитие родственных языков из единого общего источника, а также развитие из единого общего источника диалектов одного языка, утверждали, что различия, характеризующие современные русские диалекты, существовали издавна. Они, например, утверждали, что всегда существовали говоры окающие и акающие, и считали прямо антинаучным предположение о позднейшем развитии аканья. Стоя на такой точке зрения, они считали наиболее архаическим типом яканья сильное яканье, так как оно наиболее последовательно проводит произношение *а* в предударном слоге в соответствии с ударяемыми *е*, *о*, *а*. Другие типы яканья, по их мнению, представляют уже отход от первоначальной картины. В действительности, мы могли бы считать другие типы яканья позднейшими лишь в том случае, если бы в первом предударном слоге просто наблюдалось беспорядочное колебание между формами с *а* и формами с *и* или *е*. Такое беспорядочное колебание действительно иногда наблюдается на границе окающих и акающих говоров. Непоследовательное яканье встречается порой и в окающих говорах, расположенных на границе с акающими. Между тем в различных изложенных выше типах яканья мы имеем дело с определенной, более или менее строго проведенной системой. Такая система не могла сложиться в процессе отхода говора от аканья.

Строгой системой характеризуется прежде всего диссимилятивное яканье, распространенное главным образом на территории Курской и Орловской областей, где и предполагается первоначальный очаг возникновения аканья.

Умеренное яканье, которое и территориально распространено поблизости от границы южновеликорусского наречия, характеризует,

повидимому, такие говоры, которые в сравнительно недавнее время окали. Умеренное яканье легко могло развиться на основе проникновения аканья в ёкающие говоры владимирского типа. В этих говорах *о* после мягкого согласного в первом предударном слоге звучит обычно лишь перед твердым согласным, перед мягким же обычно *е* или *и* (например, *н'осу́*, но *н'есӥ* или *н'исӥ*). При проникновении в говор аканья *о* в первом предударном слоге перед твердым согласным замещается посредством *а* как после твердых, так и после мягких согласных (т. е. говорят *вада́*, *н'асу́* вместо прежнего *вода́*, *н'осу́)*, перед мягкими же согласными сохраняется *е* или *и*, так как ни то, ни другое не противоречит аканью.

Несомненен также сравнительно поздний характер сильного яканья. Оно легко могло развиться в результате выравнивания, распространения форм с *'а* в первом предударном слоге на любые положения из любого другого более сложного типа.

Ассимилятивное яканье распространено лишь в средневеликорусских переходных говорах, вследствие чего тоже представляет собой, несомненно, один из позднейших типов. Позднейший тип представляет собой и ассимилятивно-диссимилятивное яканье.

В пределах диссимилятивного яканья наиболее архаическими являются обоянский и задонский подтипы, в которых качество гласных первого предударного слога связано с различением под ударением *е* и *ѣ*, с одной стороны, *о* открытого и *ô* закрытого — с другой. Остальные подтипы диссимилятивного яканья представляют собой результат дальнейшего преобразования вокализма, свойственного обоянским или задонским говорам. Утрата различия между *е* и *ѣ*, а также между *о* и *ô* приводит со временем к тому, что предударные гласные перед всеми гласными среднего подъема выступают в одном и том же виде. При этом наблюдаются две возможности: 1) в первом предударном слоге начинает произноситься тот гласный, который раньше произносился лишь перед *е* и открытым *о*, а также перед гласным нижнего подъема *а* — так складывается донской подтип; 2) в первом предударном слоге начинает произноситься тот гласный, который раньше произносился лишь перед *ѣ* и перед *ô* закрытым, а также перед гласными верхнего подъема — так складывается жиздринский подтип. Результат позднейшего преобразования обоянского или задонского подтипа представляет собой и суджанский подтип, где также утрачено различие между *о* и *ô* и между *е* и *ѣ*, но где перед *о* любого происхождения произносится тот же гласный, что перед гласными верхнего подъема, а перед *е* (из *е* и из *ѣ*) и перед *о* после мягкого согласного перед твёрдым тот же гласный, что перед гласным нижнего подъема.

Коренным образом различаются по происхождению, хотя внешне похожи друг на друга, ассимилятивно-диссимилятивное яканье и яканье гдовского типа. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье представляет собой один из этапов преобразования диссимилятивного яканья, оно принадлежит говорам издавна акающим. Яканье гдовского типа развилось как один из видов перехода от оканья к аканью.

Гласные первого предударного слога после шипящих согласных

§ 40. Шипящие согласные объединяются с мягкими согласными в том отношении, что в прошлом все они были мягкими, и хотя в настоящее время некоторые из них (в первую очередь *ш* и *ж*) уже являются твердыми, гласные после них изменяются еще отчасти как после мягких. Так, например, в якающих говорах в тех условиях, когда в первом предударном слоге является *а* после мягкого согласного, это *а* наблюдается и после шипящего, хотя бы в настоящее время отвердевшего, в тех же условиях, когда там является *и*, этот гласный является после мягкого шипящего, а после твердого — *ы*, например, в диссимилятивном типе яканья: *жан'úх*, *жанý* (вин. п.), но *жыná*.

Но после шипящих (как мягких, так и твердых) могут встречаться и отступления от тех норм, которым подчиняются гласные после других мягких согласных. Эти отступления отмечены рядом наблюдателей, но до настоящего времени в достаточной мере не изучены и не систематизированы. В особенности интересно отметить, что в окающих говорах различных типов наблюдается иногда в первом предударном слоге после шипящих *а*, хотя *а* после других мягких согласных в этих условиях нет, например: *пшанó*, *жан'их*, *жанá* и т. д. Особенно характерно такое произношение для некоторых слов. Так, глагол *желать* в очень многих окающих говорах (даже в таких, где вообще после шипящих согласных *а* на месте других гласных в первом предударном слоге не отмечено) имеет форму *жалáт'*. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с восходящей еще к общеславянскому языку-основе иной ступенью чередования корневого гласного, который являлся здесь на ступени удлинения, т. е. в форме *ē*, а не *е*. После первой палатализации, как известно из курса старославянского языка, *ē* после шипящего изменялось в *ā*.

Гласные безударных слогов (помимо первого предударного) после мягких согласных

§ 41. Гласные других безударных слогов (кроме первого предударного) характеризуются по говорам меньшей последовательностью в своем употреблении, бóльшими колебаниями сравнительно с гласными первого предударного слога.

В акающих, а также в окающих говорах, знающих редукцию гласных после твердых согласных, также широко распространена редукция гласных после мягких, причем является редуцированный гласный переднего ряда *(ь)*. Так же, как после твердых согласных, здесь наблюдаются в широком объеме колебания — с одной стороны, возможна редукция до полного исчезновения гласных, с другой же стороны, возможны гласные более полного образования, но переднего ряда (типа *и*), например: *п'ир'ан'óс* — „перенёс“.

Безударные гласные в начале слова

§ 42. Во многих говорах особым изменениям подвергаются безударные гласные (в особенности не первого предударного слога) в начале слова.

В говорах с неполным оканьем во втором предударном слоге, а также в слогах, расположенных еще дальше от ударения, на месте начального *о* часто наблюдается более закрытый лабиализованный гласный *у*. Там говорят, например, *угорóт* — „огород", *угурцы́* — „огурцы", *утопри́* — „отопри" и т. д. Такое произношение наблюдается иногда и в акающих говорах, но обычно в таких, которые расположены поблизости от окающих (главным образом в переходной полосе).

В акающих говорах в тех же условиях (т. е. во втором предударном слоге и далее от ударения) на месте начального *о* наблюдается частью *а* (такое произношение свойственно и литературному языку — ср. *агарóт, агурцы́, атапри́*), частью редуцированный гласный *ъ* (т. е. говорят, например, *ъгарóт, ъгурцы́, ътапри́*).

Но более широко в акающих говорах в этих условиях распространено произношение *и*, т. е. говорят *игарот, игурцы, итапри* и т. д. Иногда (но редко) такое произношение наблюдается и в говорах с неполным оканьем (в качестве примера можно указать на говоры сёл Сеславинского и Спасского Владимирского района и области).

Произношение *у* и *и* на месте *о* в начале слова иногда наблюдается и в первом предударном слоге, но это имеет место лишь в отдельных словах наполовину служебного характера. Так, например, слово *опять* мы часто находим по говорам, с одной стороны, в форме *уп'áт'* или *уп'éт'* (на севере), с другой — *ип'áт'* (на юге).

Исторически *у* в начале слова могло развиться лишь из *о*, но не из *а* или *ъ*, поскольку *о* и *у* близки по артикуляции (*у* отличается от *о* лишь более высоким подъемом и несколько большей лабиализацией). Поэтому можно предполагать, что в тех акающих говорах, где наблюдается начальное *у* на месте *о*, аканье развилось сравнительно недавно, а изменение *о* в *у* произошло еще тогда, когда эти говоры были окающими. Как говорилось выше, *у* на месте *о* наблюдается в окающих говорах иногда и не в начале слова.

Начальное *и*, широко распространённое по акающим говорам, исторически может быть объяснено как развившееся на почве редуцированного гласного. Последний в этих условиях, как уже было сказано выше, наблюдается иногда и теперь. Редуцированный по своей артикуляции близок к *ы* (*ы* отличается от *ъ* в артикуляционном отношении лишь более высоким подъемом). При некотором удлинении начального гласного из *ъ* легко могло развиться *ы*. Но начальное *ы* не характерно для русского языка, оно наблюдается лишь после твёрдых согласных, после мягких же согласных и в начале слова ему соответствует *и*. Вследствие этого в данных условиях из *ы* легко могло развиться *и*.

Безударные гласные конечных слогов

§ 43. В конечном положении следует различать закрытые и открытые слоги.

В закрытом слоге в случае тесной связи данного слова с последующим в фразе наблюдаются обычно те же звуки, что и не в конечном заударном слоге: в говорах с аканьем и неполным оканьем здесь обычно являются редуцированные гласные. Перед паузой конечный слог часто протягивается и вследствие этого в тех же говорах как на месте *а*, так и на месте *о* наблюдается *а*, например: *хо́лат* — „холод“, *мо́лат* — „молод“, *ми́лай* — „милый“ (в окающих говорах с полным оканьем здесь обычно *ми́лой* с *о* на месте старого редуцированного *ы*), *по́тпал* — „подпол“ (это сочетание предлога с существительным в говорах часто фигурирует и как единое слово в значении „подполье“).

В тех говорах, где наблюдаются редуцированные гласные также на месте *ы* и *у*, в безударных конечных закрытых слогах на месте этих гласных также может являться *а*, например: *Ива́нач* — „Иваныч“, *о́кан'* — „окунь“.

В положении после ударения в акающих говорах возможны, помимо редуцированного гласного, также *и* и *'а* после мягкого согласного (например, *вы́н'ис*, *вы́н'ас*), причем здесь в самых различных типах возможны колебания; *а* после мягкого согласного в якающих говорах может наблюдаться, особенно перед паузой, и на месте *и*, т. е. говорят, например, *ме́р'ан* — „мерин“, *во́йан* — „воин“, *ба́р'ан* — „барин“ (такое произношение наблюдается, например, в некоторых рязанских говорах).

В конечном открытом слоге, особенно перед паузой, обычно произносится более полновесный гласный, чем в закрытом слоге. В акающих говорах после твердых согласных здесь на месте *о* и *а* обычно произносится *а*, т. е. говорят *па́лка*, *на́да* — „надо“, *ма́ла* — „мало“, Такое произношение возможно и в говорах с неполным оканьем. В окающих говорах *а* и *о* в этих условиях различаются, т. е. говорят *па́лка*, но *ма́ло* и т. д.

В положении после мягких согласных в окающих говорах также различаются *а* и *о*. Ср., с одной стороны, *во́л'а* — „воля“, с другой *по́л'о* — „поле“, *мо́р'о* — „море“. В соответствии с ударяемым *е* или *ê* (обычно из *ѣ*) в окающих говорах на конце слова в безударном положении наблюдается *е* или *и*, например *в по́л'е* или *по́л'и*.

В акающих говорах после мягких согласных *о* и *а* на конце слова не различаются, на месте обоих этих гласных произносится или *а*, или редуцированный гласный, т. е. говорят *во́л'а* — „воля“, *по́л'а* — „поле“, *мо́р'а* — „море“, а также *во́л'ъ*, *по́л'ъ*, *мо́р'ъ*. В соответствии с ударяемым *е* или *ê* (из *ѣ*) в якающих говорах возможно *а*, т. е. говорят, например, *на даро́ɣ'а* — „на дороге“, но возможно также и *и*, например, *на доро́ɣ'и* — „на дороге“, причем колебания в этих условиях могут иметь место в одном и том же говоре.

Вопрос о гласных конечных слогов (особенно конечных открытых) представляет большие трудности, так как явления фонетические здесь тесно связаны с тем, в каких морфологических категориях эти гласные выступают (большей частью эти гласные являются окончаниями тех или иных грамматических форм). Здесь широко действует аналогия. Так, например, конечное *о* после мягкого согласного на месте старого *е* в окающих говорах обычно наблюдается в именительном и винительном падеже ед. ч. средн. р. существительных и, возможно, поддержано тем, что и под ударением существительные соответствующего типа имеют *о*. Ср., например, *по́л'о* — „поле" и *жыл'йо́* — „жилье".

СОГЛАСНЫЕ

§ 44. Говоря об отличиях от норм литературного языка, наблюдающихся по говорам в системе согласных, необходимо иметь в виду, что эти отличия могут быть двоякого рода. Во-первых, иные согласные, чем в литературном языке, могут наблюдаться в любых условиях; во-вторых, могут иметь место иные изменения согласных, чем в литературном языке, в определенных фонетических положениях.

Отличия первого и второго рода могут в некоторых случаях перекрещиваться.

§ 45. Различия по говорам наблюдаются в отношении произношения заднеязычного звонкого согласного. В литературном языке этот согласный в основном взрывной *(г)*. По дореволюционным нормам литературного произношения лишь в некоторых словах церковнославянского происхождения произносилось фрикативное γ (*γаспо́т'* — „господь", *бла́γъ* — „благо", *баγа́тъй* — „богатый", косвенные падежи от слова *бог*). В настоящее время и в этих словах γ фрикативное частью замещается *г* взрывным. Кроме того, *г* может терять затвор и ослабляться в фрикативное γ в беглой речи в определенных группах согласных (например, *всегда* часто произносится *фс'иγда́*, иногда даже с полной утратой заднеязычного согласного — *фс'ида́*). На конце слова *г*, как и вообще звонкие согласные, оглушается в *к*, например: *лук* — „луг". Такое оглушение имеет место и перед глухими согласными (так же с переходом заднеязычного согласного в фрикативный, если дальше следует еще взрывной, например, *ко́хт'и* — „когти").

В ряде говоров наблюдается в основном, как и в литературном языке, взрывное *г*, т. е. там говорят *го́рот*, *голова́* и т. д. Такое произношение характерно для всех северных, окающих говоров, а также для акающих говоров, образующих переход от северных говоров к южным (к таким переходным говорам принадлежит и московский). В некоторых северных говорах наблюдается и γ, но лишь в определенных условиях. Так, в некоторых говорах около Онежского озера (а иногда и в говорах крайнего севера) наблюдается γ в окончании родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода местоимений и прилагательных в соответствии с *в* литературного языка и *г* взрывным части говоров крайнего севера

и северо-запада. Там говорят, например: *с'ил'ноγо*, *красноγо*, *тоγо* и т. д. В некоторых говорах, также около Онежского озера, γ на месте *г* произносят вообще в положении между гласных, говорят, например, *строγо*, *круγом* и т. д. Но нет северного говора, где бы вообще не было *г*, где говорили бы γ, например, в начале слова.

В ряде же говоров в соответствии с *г* взрывным литературного языка и северных говоров распространено в любых условиях γ фрикативное, там говорят *γорат* — „город", *γълава* — „голова", *друγой* — „другой" и т. д. Такое произношение характерно для всех южных русских говоров. На конце слова в этих говорах γ оглушается не в *к*, а в *х*, т. е. в соответствующий глухой согласный. Там говорят, например, *лух* — „луг", *парох* — „порог" и т. д.

Следует заметить, что в некоторых говорах, расположенных поблизости от северной границы южновеликорусского наречия, в частности недалеко от Москвы, вообще произносят *г* взрывное, но на конце слова оно оглушается не в *к*, как мы ожидали бы, а в *х*, т. е. там говорят: *лух*, *парох* и т. д. Это объясняется тем, что соответствующие говоры, повидимому, сравнительно недавно усвоили *г* под влиянием литературного языка. Старые нормы оглушения еще сохранились.

Из двух разновидностей заднеязычного звонкого согласного взрывное *г* с исторической точки зрения в целом является более древним, чем фрикативное γ. Восточнославянской области, как и всем славянским языкам в целом, некогда было свойственно только *г* взрывное. Но в южной части восточнославянской области, в частности и в тех говорах, на основе которых образовалось затем южновеликорусское наречие, очень рано (мы не можем пока точно сказать, когда именно) в результате ослабления и затем утраты затвора в полости рта развилось γ фрикативное. В последние же века территория распространения *г* взрывного несколько расширяется, в значительной мере благодаря тому, что такое произношение является и нормой литературного языка. Говоры, в прошлом характеризовавшиеся γ фрикативным, усваивают *г* взрывное.

Впрочем, в отдельных случаях в пограничной зоне между говорами с тем и другим качеством заднеязычного звонкого наблюдается и обратное явление: говоры, в прошлом характеризовавшиеся *г* взрывным, усваивают γ фрикативное. Так, например, в некоторых говорах северо-запада (в Псковской области) мы находим γ фрикативное, а на конце слова, на месте *г*, глухое взрывное *к*, т. е. там говорят, например, *γус'* — „гусь", но *сапок* — „сапог", *лук* — „луг". Такое оглушение конечного звонкого говорит о том, что в прошлом здесь было *г* взрывное.

Следует заметить, что из двух заднеязычных взрывных согласных изменяется в фрикативный по говорам (в части целиком, в части лишь в определенных условиях) именно звонкий согласный, а не глухой вследствие того, что звонкие согласные вообще являются менее напряженными по своей артикуляции, чем глухие. Поэтому при произношении звонкого согласного легче может утрачиваться затвор.

Глухое *к* может утрачивать затвор лишь в положении перед другим глухим взрывным. Так, например, по говорам широко распространено произношение *хто* вместо *кто*. Такое произношение наблюдается и в московском просторечии.

§ 46. Различается по говорам произношение переднеязычных шипящих согласных. Прежде всего следует сказать о так называемых долгих шипящих. В литературном языке в корнях слов имеются долгие мягкие шипящие согласные — *ш̅'*, *ж̅'*, например: *ро́ш̅'а*, *йа́ш̅'ик* — „ящик“, *плаш̅'* — „плащ“, *во́ж̅'и* — „вожжи“, *до́ж̅'ик* — „дождик“. На конце слова долгое звонкое *ж̅'* оглушается в долгое глухое *ш̅'*, например, *дош̅'* — „дождь“ (в словах *дош̅'*, *дож̅'ик* многие произносят сочетание *жд'* или на конце слова *шт'*, но это влияние старославянского по происхождению написания этого слова: в старославянском языке это слово звучало *дъждь*).

Впрочем, в современное литературное произношение постепенно проникает сочетание *ш'ч'* (вместо *ш̅'*) и долгое твердое *ж̅* (вместо *ж̅'*).

В некоторых говорах наблюдается такое же произношение, которое было указано выше для старого литературного языка. Но в очень многих говорах на месте указанных выше согласных и их сочетаний произносятся долгие твердые *ш̅*, *ж̅*, т. е. говорят *ро́ш̅а*, *п'и́ш̅а* — „пища“, *йа́ш̅ык* — „ящик“ (после твердых согласных, как известно, *и* в русском языке невозможно), *во́ж̅ы* — „вожжи“, *дро́ж̅ы* и т. д. Такое произношение известно для всех южных русских говоров и для многих северных. В некоторых же говорах, например в некоторых северных говорах около Онежского озера, в этих случаях наблюдаются сочетания *шч*, *жд͡ж* (т. е. сочетания шипящего фрикативного согласного с аффрикатой), частью мягкие, частью твердые, например, *ш'ч'у́ка*, *л'ошчы́* — „лещи“ (мн. ч.), *пр'ийеж'д͡ж'а́й* — „приезжай“. В тех же говорах возможно и сочетание *ш'т'*, *ж'д'* (т. е. сочетание шипящего с переднеязычным взрывным), например *ш'т'у́ка* — „щука“, *пр'ийеж'д'а́й* — „приезжай“.

Все рассмотренные звуки и их сочетания представляют собой различные ступени исторического развития явления. Наиболее раннюю ступень их развития представляют, повидимому, сочетания *ш'ч'*, *ж'д͡ж'*. Лишь в немногих говорах, как уже было сказано, такие сочетания сохранились и теперь. В большей же части говоров они в дальнейшем подвергались упрощению: в результате ослабления артикуляции был утрачен затвор, начинавший аффрикату, а два одинаковых шипящих согласных, оказавшись рядом, слились в один долгий фрикативный шипящий звук. В дальнейшем эти долгие звуки в части говоров остались мягкими, в большей же части говоров отвердели (как уже было сказано, все шипящие в древности были мягки, а затем частью отвердели).

Отвердевать, как мы видели, могли и сочетания *ш'ч'*, *ж'д͡ж'*, где они сохранились.

В тех говорах, где имеют место сочетания *ш'т'*, *ж'д'*, процесс пошел по иному пути. Здесь также имело место упрощение, но

вторая часть сочетания, т. е. аффриката, утратила не затвор, а, напротив, фрикативную часть, сохранив лишь взрывной.

§ 47. Рассматриваемые шипящие характеризуются по говорам также некоторыми особенностями изменений в зависимости от положения. В ряде говоров *ш̄* твердое, оказавшись на конце слова, а также в положении после взрывного, ослабляется и перестает быть долгим. Ср., например, *плаш* — „плащ“, *же́ншына*, и по способу артикуляции является взрывным.

§ 48. Большие различия по говорам представляют согласные, являющиеся на месте литературных переднеязычных аффрикат *ц* и *ч*. Как известно, шипящие и *ц* в русском языке не образуют пар с точки зрения твердости и мягкости, но одни из них всегда твердые, а другие всегда мягкие. Относительно *ц* и *ч* в литературном языке известно, что первый из них всегда твердый, а второй всегда мягкий.

В части говоров, как и в литературном языке, аффрикаты *ц* и *ч* друг от друга всегда отличаются, причем первая из них постоянно твердая, а вторая постоянно мягкая. Такая картина наблюдается в большей части южных говоров, а также в некоторых северных (главным образом в южной их части, т. е. в части, примыкающей с севера к Москве).

Но в очень многих говорах, а именно в огромном большинстве северных, а также в некоторых южных (например, в некоторых говорах Рязанской области) наблюдается неразличение *ц* и *ч*. Это неразличение в различных говорах принимает разные формы. Чаще всего в соответствии с литературными *ц* и *ч* слышится один звук, обычно мягкое *ц*', т. е. говорят *оте́ц*', *ц*'*ена́*, *ц*'*и́стой* — „чистый“, *ц*'*а́шка* — „чашка“, *ц*'*ай* — „чай“ и т. д. Этот звук характеризуется очень большой мягкостью, т. е. очень широкой поверхностью примыкания средней части языка к переднему нёбу. Иногда по говорам слышится даже не *ц*', а своего рода очень мягкое *т*', обусловленное, повидимому, тем, что язык, несмотря на большую поверхность примыкания, имеет тенденцию отрываться сразу, не оставляя времени для фрикации, т. е. трения воздуха о сближенные, не сразу размыкающиеся органы речи.

Значительно реже наблюдается обратное явление, т. е. употребление *ч* в соответствии с *ц* и *ч* литературного языка, например, *ч*'*а́шка*, *ч*'*ай*, но также *от*'*е́ч*' — „отец“, *ч*'*и́фра* — „цифра“ и т. д. Такое произношение наблюдается, например, на северо-востоке Европейской части СССР, в некоторых говорах Кировской и Молотовской областей.

Наблюдается порой и звук промежуточный между *ц*' и *ч*', нечто вроде шепелявого *ц*' (его в транскрипции можно изобразить *ц*'^{ч}'). Различие шипящих и свистящих звуков состоит с артикуляционной точки зрения в более широкой (при шипящих) или более узкой (при свистящих) поверхности примыкания языка к нёбу, с чем связан более широкий или более узкий желобок для выдуваемого воздуха. Артикуляция этого шепелявого *ц*'^{ч}' занимает положение промежуточное между *ц* и *ч*.

Очень широко наблюдается также колебание, беспорядочное употребление обоих звуков, т. е. *ц*' и *ч*' (с преобладанием, однако, в большинстве говоров *ц*'), причем колебание в одном и том же слове может наблюдаться у одного и того же лица.

Неразличение *ц* и *ч* независимо от того, какой звук или звуки являются на месте литературных *ц* и *ч*, в широком смысле принято называть *цоканьем*, а говоры, где такое неразличение наблюдается, *цокающими* говорами. Более узкое значение имеет термин *чоканье* в применении специально к говорам, где наблюдается постоянно *ч* вместо *ц*. Но в широком смысле и эти говоры являются цокающими.

Цоканье, свойственное в первую очередь архаическому слою говора, под натиском литературного языка разрушается, выходит из системы говора, отсутствие его, т. е. различение *ц* и *ч* в соответствии с нормами литературного языка, захватывает в настоящее время уже не только молодежь, прошедшую школу, но и самые старые слои населения. Этот процесс, начавшийся еще в дореволюционное время, усиленными темпами развивается. В настоящее время не имеют цоканья многие такие населенные пункты, которые заведомо цокали в XIX и даже в начале XX в. И различные говоры, где цоканье или хотя бы следы его сохранились, отражают в настоящее время различные этапы этой утраты. Уже беспорядочное смешение *ц* и *ч*, возможно, говорит о начавшемся разрушении этой черты: говорящие, стремясь различать *ц* и *ч* в соответствии с литературными нормами, на первых порах ошибочно их употребляют.

Первоначально мягкое в говоре *ц*' замещается посредством твердого *ц*, поскольку в литературном языке *ц* твердое, хотя на первых порах это *ц* употребляется и не в соответствии с литературными нормами — могут сказать, например, *ц'ы́стой* — „чистый“.

Есть говоры, где более или менее последовательно проведено так называемое твердое цоканье, когда говоры характеризует лишь твердое, а не мягкое *ц*, причем это *ц* употребляется как на месте этимологического *ц*, так и на месте этимологического *ч*, т. е. говорят *отец, цай, цорт*. Твердым цоканьем характеризуются многие новгородские говоры.

На основе тенденции различения *ц* и *ч* в некоторых говорах появляется и твердое *ч*, хотя в литературном языке *ч*' мягкое (это бывает в результате твердости *ц*). Твердое *ч* может, впрочем, как результат отвердения шипящих являться и не в связи с цоканьем. Так, твердое *ч* характеризует белорусский язык, а в русских говорах на границе с белорусским языком может развиваться под влиянием последнего.

Некоторые говоры, в настоящее время уже не цокающие (т. е. цоканья нет даже у представителей самого старшего поколения), но в прошлом цокавшие, могут представлять некоторые следы цоканья. Так, например, в некоторых новгородских говорах, сейчас не цокающих, употребляемое в качестве сказуемого деепричастие на *-чи* (об этом явлении см. ниже, § 86) оканчивается не на *-чи*, как

мы бы ожидали, а на *-цы*, например: *он ушо́тцы*. Это объясняется тем, что цоканье было вытеснено под влиянием литературного языка, но приведенная выше форма деепричастия, чуждая литературному языку, сохранила *ц*.

§ 49. В аффрикатах по говорам наблюдаются и иные отступления от норм литературного языка, помимо цоканья. Так, в некоторых говорах аффриката *ц* теряет затвор, в результате чего изменяется в переднеязычный глухой фрикативный согласный *с*. Там говорят, например: *ку́риса, йайсо́* — „яйцо“ и т. д. Это наблюдается в некоторых говорах к югу от Москвы, например, в некоторых говорах Тульской, Орловской, Курской областей, также в северных говорах Приуралья.

В некоторых говорах такое ослабление затвора имеет место и при шипящей аффрикате *ч*, в результате чего на месте *ч* является соответствующий фрикативный согласный *ш*, например: *ш'йстый* — „чистый“. Это наблюдается частью в тех же говорах.

§ 50. Из того, что сказано было выше относительно шипящих согласных, а также *ц*, видно, что некоторые явления в этой области отражают различные (в разных говорах) ступени развития согласных этой категории. Особенно следует обратить внимание на отношения этих согласных по твердости и мягкости. Известно, что все шипящие и *ц* в древности были мягки, затем они отвердевают, причем в разных говорах процесс отвердения продвинулся в различной степени. Диалектологический материал свидетельствует не только о том, что различные согласные отвердели в различные эпохи, одни раньше, другие позднее (о сравнительно позднем отвердении *ц* говорит, например, тот факт, что в очень многих говорах, главным образом цокающих, сохраняется мягкое *ц*; о еще более позднем отвердении *ч* говорит тот факт, что оно сохраняет мягкость в литературном языке и в большинстве говоров, явление же отвердения *ч* по говорам отражает процессы совсем недавнего времени), но и о том, что одни и те же шипящие отвердевают не в одно и то же время в различных условиях. И в этом отношении наши говоры также отражают различные ступени развития. Так, например, шипящие *ш* и *ж* отвердели почти повсеместно. Но, повидимому, они отвердели в различных условиях в разные эпохи. Мы встречаем и сейчас такие говоры, где эти согласные, являясь твердыми в положении перед гласными заднего ряда, в положении перед гласными переднего ряда мягки. Там говорят, например: *шар, жар*, но *ж'йзн'* (или *ж'ис'*), *ш'иро́к, ш'ест'* (или *ш'ес'*). В особенности заметна эта мягкость перед *и*. Такое произношение характерно, например, для некоторых говоров Кировской области.

§ 51. Большие различия по говорам как с точки зрения характера звука, не связанного с определенным фонетическим положением, так и с точки зрения изменений в определенных фонетических условиях представляют фрикативные губные согласные.

В литературном языке имеются губно-зубные фрикативные согласные — глухое *ф* и звонкое *в*. Каждое из них может быть как

твердым, так и мягким. В ряде говоров, а именно в большинстве северных, а также в некоторых южных, мы находим те же самые согласные. Но в ряде говоров, главным образом южных, мы находим лишь звонкое *в*, глухого же *ф* нет, а на месте его являются другие звуки и звукосочетания. Чаще всего на месте *ф* является в этих говорах сочетание *хв*, точнее *х* с некоторым губным (собственно билабиальным) призвуком $х^w$. Там говорят, например, *$х^w$ártyк*, *$х^w$анáр'*—„фонарь". Иногда, особенно в соответствии с мягким *ф'*, прямо *х'* (точнее среднеязычное *х*), например: *х'óкла*—„Фекла" (имя собственное).

В некоторых северных говорах отмечена и иная замена *ф*, а именно *п*, например: *понáр'* — „фонарь" (например, в некоторых кировских говорах).

Это объясняется тем, что звук *ф* первоначально был чужд русскому языку, как и вообще славянским (см. курс старославянского языка). Большая часть слов, содержащих этот звук, иноязычного или позднейшего происхождения. Лишь постепенно этот звук вошел в систему русского языка. О том, что некогда *ф* было чуждо и тем говорам, где оно в настоящее время укрепилось, свидетельствуют некоторые факты этих говоров. Так, например, в некоторых северных говорах *ф* является не только в соответствии с литературным *ф*, но и в соответствии с некоторыми другими согласными литературного языка. Там, например, наблюдается *фýтор* вместо *хутор*, *фал'úт'*—„хвалить", *фойа*—„хвоя", *фáстат'*—„хвастать" и т. д. Ср. также *фто*—„кто" (здесь, как и в форме *фýтор*, *ф* на месте *х*—*хто* вместо „кто" часто произносят и в Москве в результате того, что взрывной согласный перед взрывным ослабляется, теряет затвор и переходит в соответствующий фрикативный согласный). Интересно, что в этих говорах *ф* является на месте таких звуков и звукосочетаний, которые в некоторых говорах и теперь замещают, а, возможно, некогда и повсеместно замещали *ф*. Эти факты говорят о том, что *ф* сравнительно недавно утвердилось в говорах. Наличие *п* вместо *ф*, отмеченное в некоторых северных говорах, возможно, объясняется воздействием иных языков, с которыми издавна приходилось соприкасаться русским говорам соответствующих районов: *п* вместо *ф* в словах, заимствованных из русского языка, мы находим в коми-зырянском и коми-пермяцком языках (в них вообще нет звука *ф*), а также в русских говорах Молотовской области, окруженных коми-пермяцким языком. Некоторые говоры с *п* вместо *ф* по происхождению являются говорами обрусевшего, но в прошлом нерусского населения.

§ 52. Соответствующий *ф* звонкий согласный *в* по-разному изменяется в говорах в различных фонетических условиях. В литературном языке, а также в говорах, где имеется звук *ф* (или, по крайней мере, в подавляющем большинстве их), *в*, подобно другим звонким согласным, сохраняется в положении перед гласными и звонкими согласными, в положении же перед глухими согласными и на конце слова оглушается, т. е. изменяется в *ф*. Ср., например:

вода́, *трава́*, *пра́вда*, но *ла́фка*, *тра́фка*, *дро́ф* — „дров" (род. п. мн. ч.).

В говорах же, где *ф* нет (а иногда и при наличии *ф*), *в* подвергается иным изменениям, не зависящим от звонкости и глухости согласных, а именно, сохраняясь только перед гласными, в положении перед согласными и на конце слова изменяется в неслоговое *ў*, например: *ла́ўка*, *тра́ўка*, *пра́ўда*, *дро́ў*. В начале же слова перед согласными в этих говорах на месте *в* звучит обычное слоговое *у*, например: *удова́* — „вдова", *уну́к* — „внук", *у ле́с* — „в лес" и т. д. (если данное слово или сочетание слова с предлогом произносится в тесном соединении с предшествующим словом без паузы, а предшествующее слово оканчивается на гласный звук, здесь может произноситься и *ў*, например: *была́ ўну́чка*). Такое произношение наблюдается в большей части южных говоров, а также в некоторых северных (именно в некоторых вологодских). Распространено оно и за пределами русского языка, охватывая весь украинский и весь белорусский язык. В белорусском языке даже в орфографии принят особый знак *ў* (например, *пра́ўда*). В украинском письме это *ў* изображается буквой *в* (например: *волів* — род. п. мн. ч. — произносится *вол'і́ў*).

В некоторых, правда, очень немногих, говорах *ў* на месте *в* мы находим и в положении перед гласными. Так, говорят, например: *ўада́*, *траўа́*. Такое произношение наблюдается, например, в некоторых тульских говорах.

Изменения *в*, которые наблюдаются по говорам, объясняются, возможно, тем, что оно в древности носило иной характер, чем теперь. Некоторые ученые полагают, что в древности *в* в русском языке было билабиальным *w* (по слуховому впечатлению, какое мы получаем от билабиального *w*, его очень трудно отграничить от неслогового *ў*; возможно, что и сейчас в некоторых говорах представлено не *ў*, а *w*). Билабиальное *w* ближе к сонорным согласным, чем губно-зубное *в*. Сонорные согласные, как известно, отличаются от шумных тем, что при их произношении, наряду с преградой, имеется свободный проход для выдыхаемого воздуха, при *w* же воздух достаточно свободно проходит между лишь слегка сближенными губами (если губы расходятся еще дальше и при этом слегка выпячиваются, получается гласный звук типа *у*, но не занимающий слога, т. е. *ў*, от которого, как было сказано выше, на слух и трудно отграничить *w*). Сонорные не оглушаются в положении перед глухим согласным и на конце слова. В ту эпоху, когда в русском языке шумные согласные оглушались в положении перед глухими согласными и на конце слова, *в*, как и другие сонорные, этому изменению не подвергалось. Говоры, в которых наблюдается *ў* в соответствии с *в* литературного языка, в большинстве случаев отражают более древнюю ступень в развитии этого звука. В дальнейшем *в* получает губно-зубной характер, и в тех говорах, где это произошло в достаточно раннюю эпоху, оно разделило судьбу остальных шумных согласных и стало в соответствующих условиях оглушаться.

Правда, в большинстве говоров, имеющих *ў* на месте *в* перед согласными и на конце слова, в настоящее время перед гласными обычно губно-зубное *в*. Но можно думать, что губно-зубной характер это *в* приняло тогда, когда уже произошло изменение *в* в *ў* перед согласным и на конце слова.

Следы того, что *в* носило некогда иной характер, чем теперь, и было ближе к сонорным согласным, есть и в русском литературном языке. Любопытно отметить, что в то время, как все глухие согласные перед звонкими шумными у нас озвончаются, перед *в* они сохраняют глухость, так же как перед гласными и сонорными согласными, ср. *здѐлат'*, но *свет* (как *слой*).

Некоторые ученые думают, что различное произношение *в* (как *в* и как *w*) было свойственно различным древневосточнославянским наречиям уже в самую древнюю эпоху самостоятельного их существования.

Оглушение губно-зубного *в* в *ф* (в тех говорах, где оно имело место) дало толчок вообще к утверждению звука *ф* в звуковой системе соответствующих говоров и в тех условиях, где он не является результатом оглушения.

На первых порах, когда происходило оглушение звука *в* в *ф*, этот новый звук, русскому языку первоначально чуждый, также мог подвергаться различным заменам. Мы и в настоящее время в некоторых говорах (главным образом в переходной полосе от севера к югу) находим на конце слова (а иногда и перед глухими согласными) на месте *в* не *ф*, а *х*, например: *карóх* (род. п. мн. ч. „коров"), *лáхка* — „лавка" и т. д.

§ 53. Большие различия по говорам как обусловленные определенными фонетическими условиями, так в известных случаях и не обусловленные, представляют звуки типа *л*. В русском литературном языке возможны твердое *л* и мягкое *л'*, выступающие в некоторых случаях в одних и тех же фонетических условиях (например, на конце слова, также перед задними гласными). В определенных же условиях твердое *л* у нас смягчается и дает мягкое *л'*. Ср., например, именительный падеж единственного числа *дѐло* (фонетически *д'ѐлъ*) и предложный падеж единственного числа *о дѐле* (фонетически *а д'ѐл'ь*).

Особых замечаний для говоров требует прежде всего твердое *л*. В некоторых говорах оно подвергается изменениям, очень напоминающим рассмотренные выше изменения *в* в южных и некоторой части северных говоров, а именно, сохраняя свое обычное произношение в положении перед гласными, оно изменяется в *ў* неслоговое в положении перед согласными и на конце слова. В соответствующих говорах произносят, например, *пáўка*, *воўк*, *стоў* — „стол" и т. д. С артикуляционной точки зрения такое произношение очень легко можно объяснить. Твердое *л* характеризуется не только смыканием кончика языка и верхних зубов, но и высоким подъемом задней части спинки языка, а также связанной с этим некоторой лабиализацией, т. е. округлением губ. В группе согласных, а также на конце слова

легко происходит ослабление артикуляции. В результате этого ослабления кончик языка отходит от зубов, преграда теряется, воздух свободно проходит через полость рта, в результате чего на месте согласного произносится гласный типа *у*, поскольку вся остальная артикуляция близка к той, какая бывает при произношении *у*. Только этот гласный не образует слога.

Рассматриваемое произношение охватывает значительную часть северных русских говоров. Оно наблюдается в некоторых говорах Карело-Финской ССР, в значительной части вологодских говоров и в других местах. Интересно заметить, что хотя результат изменения здесь такой же, как и для *в* в тех же условиях (см. выше, § 50), территория распространения *ў* на месте *л* иная, чем территория распространения *ў* на месте *в*. Лишь в немногих говорах (именно в некоторых вологодских) представлены оба эти явления.

За пределами русского языка *ў* на месте *л* мы находим также в белорусском и украинском, но там это *ў* ограничено лишь определенными категориями случаев. Внутри слова перед согласным мы находим *ў* из *л* лишь там, где было в древности сочетание *ъл* между согласными (ср. укр. *вовк*, белорусск. *воўк*, др.-русск. *вълкъ*), а на конце слова в прошедшем времени глагола (ср. укр. *писав*).

Мы находим подобное явление и во многих других языках, в частности в коми-зырянском и коми-пермяцком (произношение *в*, собственно *w*, перед согласными и на конце слова на месте *л* является нормой также литературного коми-зырянского и коми-пермяцкого произношения). Языки коми-зырянский и коми-пермяцкий, как известно, территориально соприкасаются с северными русскими говорами.

В некоторых, правда, очень немногих, говорах наблюдается также *ў* (*w*) на месте *л* и перед гласными, например, не только *быў*, но также и *быўá*. Такое произношение имеет место в некоторых русских говорах Сибири, а также в некоторых северных говорах Европейской части СССР (например, на Пинеге). Такое произношение также известно и за пределами русского языка. Оно свойственно, например, южному наречию коми-пермяцкого языка.

§ 54. В ряде говоров распространено произношение так называемого „среднего" *l* на месте *л* твердого, т. е. говорят, например, *быlá* вместо *была*, *пошlá* вместо *пошла*. Средним *l* называется звук, отличающийся как от нашего твердого, так и от нашего мягкого *л*. От твердого он отличается тем, что язык в задней части не выгибается кверху, притом нет лабиализации, от мягкого же *л'* он отличается отсутствием палатализации, т. е. поднятия средней части языка к переднему нёбу (каковое характерно вообще для мягких согласных). По слуховому впечатлению это *l* напоминает *l* некоторых западноевропейских языков.

Такое произношение встречается во многих говорах севера Европейской части СССР, а также Сибири. Известно оно и некоторым говорам южновеликорусским, а также украинским.

Интересно, что в некоторых говорах (например, в некоторых вологодских) наличие среднего *l* в положении перед гласными со-

вмещается с *ў* на месте *л* перед согласными и в конце слова. Там говорят, например, *пошlá*, но *пошóў*. Это указывает на то, что *l* в этих говорах сравнительно недавнего происхождения. Оно развилось, повидимому, уже после того, как твердое *л* изменилось в *у* (последнее в силу своих артикуляционных особенностей, которые уже были описаны выше, могло развиться из твердого *л*, но не из среднего).

§ 55. Среднеязычный звонкий фрикативный согласный *j* (*й*), находясь в положении после ударного гласного, имеет несколько ослабленную артикуляцию сравнительно с положением перед ударением (особенно непосредственно перед ударным гласным, с которым он обычно образует один слог). Ослабление артикуляции выражается в том, что спинка языка отходит от нёба, воздух идет через полость рта, не встречая преграды, в результате чего на месте согласного *j* является гласный — неслоговое *и̯* (ср. *струjá*, но *зна́и̯ьт*).

Такое ослабление наблюдается во всех говорах, в том числе и в московском, лежащем в основе литературного языка. В ряде говоров процесс ослабления идет еще дальше, язык отходит дальше от нёба, теряется и это неслоговое *и̯*. В результате этого являются такие формы, как *зна́ет* (*зна́эт*), *до́браа* — „добрая“, *до́броэ* — „доброе“, *мо́эт* — „моет“ (3-е л. ед. ч.) и т. д. Процесс может идти еще дальше: последующий гласный уподобляется предыдущему, а затем они оба стягиваются в один гласный (если два гласных были одинаковы, они прямо стягиваются), в результате чего являются такие формы, как *зна́т* — „знает“, *до́бра* — „добрая“, *до́бро* — „доброе“, *мот* — „моет“ и т. д.

Утрата и последующее стяжение гласных охватывает все северные говоры и значительное количество говоров центральной полосы, но в разных говорах мы застаем различные ступени этого процесса. В части говоров этот процесс отражается как живой процесс, т. е. имеются формы без *j*, но еще не подвергшиеся стяжению. Наблюдаются колебания в зависимости от темпа речи. Мы в одном и том же говоре можем найти иногда все три ступени: форму с *j*, форму без *j*, но еще не стянутую, и форму, уже подвергшуюся стяжению. При этом форма с *j* не является обязательно (хотя бывает и это) результатом влияния литературного языка, поскольку форма эта от литературного языка отличается (например: *зна́и̯от* — нередкое на севере).

Вообще же говоры, знающие утрату *j* и стяжение, представляют большое разнообразие как в отношении того, в каких сочетаниях вообще наблюдается стяжение, так и в отношении того, в каких сочетаниях представлен живой процесс, а в каких лишь конечный результат, т. е. стяжение без форм, предшествовавших ему. Так, например, в некоторых говорах мы находим стяжение сочетания *аjу*; говорят, например, *высма́тривут* — „высматривают“ (такое произношение имеет место, в частности, в некоторых говорах неподалеку от Москвы), в других же говорах это сочетание не теряет *j* (собственно *и̯*) и не стягивается. Очень редко наблюдается по говорам сочета-

ние двух одинаковых гласных без стяжения, т. е. такие формы, как *дóбраа*, *бол'шáа*, хотя в тех же говорах сочетание разнородных гласных без *j* и без стяжения (т. е. такие формы, как *бол'шóэ*) широко представлено.

Утрата *j* и стяжение как живой процесс больше представлены в говорах более далекого севера—в вологодских, архангельских, около Онежского озера и т. п. Есть, правда, такие говоры и недалеко от Москвы, но в очень небольшом количестве. В говорах же поблизости от Москвы мы чаще находим конечный результат, т. е. стяжение, но не промежуточные формы.

В то же время в этих говорах стяжение представлено в наиболее разнообразных сочетаниях.

Различный характер явления в говорах более далекого севера и в южной полосе северновеликорусского наречия, а также в переходных говорах, возможно, связан с различием в характере безударного вокализма соответствующих говоров. Говоры, где представлены различные этапы рассматриваемого явления, характеризуются полным оканьем, там все безударные гласные в целом не редуцируются и отчетливо различаются. Говоры, где представлен лишь конечный результат явления, характеризуются неполным оканьем. Заударные гласные там подвергаются сильной редукции и могут совсем теряться: *е*, например, в сочетании *aje* может совсем исчезнуть, в результате чего является форма типа *знат* — „знает", *мот* — „моет" и т. д.

Поскольку утрата *j* и стяжение гласных представлены в положении после ударения (лишь первый из стягивающихся гласных может быть под ударением, ср. *знат* — *знájет*), это явление чаще всего наблюдается в различных грамматических элементах — в суффиксах, окончаниях,— в результате чего, возникнув как фонетическое, легко может терять связь с фонетикой, закрепляться за отдельными грамматическими категориями, что и наблюдается в некоторых говорах, расположенных у южной границы стяжения. Так, мы находим говоры, где стяжение представлено лишь в прилагательных, но не в глаголе, т. е. говорят, например, *крáсна*, *крáсно*, но не говорят *знат*, и, напротив, такие говоры, где стяжение представлено в глаголе, но не в прилагательном, т. е. говорят, например, *знат*, но не *крáсна*, *крáсно*.

§ 56. Много различий по говорам находим мы в отношении ассимиляции (уподобления) согласных под воздействием соседних согласных.

Очень широко распространено смягчение заднеязычных согласных (*к*, *г*, *х*) под влиянием предшествующих мягких согласных. Так, например, говорят, *вáн'к'а* — „Ванька", *с угол'к'á* — „с уголька", *ол'г'а* — „Ольга", *ол'х'á* — „ольха" и т. д.

Особенно широко распространено произношение в этих условиях мягкого *к'* (*г'* и *х'* встречаются также, но реже, что, впрочем, отчасти просто объясняется тем, что они значительно реже встречаются в положении после мягких согласных).

В некоторых случаях мягкое *к'* является и после твердых согласных (под влиянием таких форм, когда мягкое *к'* наблюдается после

мягких согласных). Так, например, под влиянием таких случаев, как *ва́н'к'а*, *ко́л'к'а*, могут сказать и *во́фк'а*.

Смягчение заднеязычных после мягких согласных охватывает очень широкую территорию как на юге, так и на севере. Можно думать, однако, что у этого явления существовал сначала довольно ограниченный в территориальном отношении очаг его распространения. Памятники показывают, что явление это не столь давнего происхождения и что зародилось оно, повидимому, недалеко от Москвы (повидимому, к югу), распространение же его связано было с обширными колонизационными движениями русского населения на север и восток в эпоху образования Русского государства с центром в Москве. Следует отметить, что рассматриваемое явление среди восточнославянских языков свойственно только русскому, в белорусском же и украинском его нет.

В некоторых говорах (главным образом в средневеликорусских, но не только) согласные *к*, *г*, смягчаясь под воздействием соседних звуков, как гласных, так и согласных, могут смещаться в переднеязычную зону и давать *т'*, *д'*, например: *ру́т'и* — „руки", *но́д'и* — „ноги", *ва́н'т'а* — „Ванька".

§ 57. Из ассимилятивных процессов следует указать еще на ассимиляцию звонких шумных губных и переднеязычных под влиянием последующих сонорных носовых согласных однородной с ними артикуляции. В результате этой ассимиляции сочетание *бм* изменяется в долгое *м̄*, а сочетание *дн* в долгое *н̄*, например: *ом̄'е́р'ит'* — „обмерить", *м'е́н̄ой* — „медный" и т. д. Это явление охватывает область северных говоров.

§ 58. Некоторые явления характеризуют специально конец слова. В литературном языке на конце слова губные могут быть как твердыми, так и мягкими. Ср., например: *съем* (1-е л. ед. ч.), фонетически *с'йе́м*, и *семь*, фонетически *с'е́м'*; *кров*, фонетически *кроф*, и *кровь*, фонетически *кроф'*, и т. д. В некоторых же говорах губные согласные на конце слова всегда тверды. Там говорят, например: *кроф* или *кроў* — „кровь", *го́луп* — „голубь", *с'ем* — „семь" и т. д. Это наблюдается главным образом в говорах севера (хотя и не во всех), но встречается и на юге.

Говоры, различающие мягкие и твердые согласные на конце слова, представляют в отношении этого явления больший архаизм сравнительно с говорами, имеющими на конце слова только твердые губные. В древности твердость и мягкость согласных зависела от того, какой редуцированный гласный стоял на конце, *ъ* или *ь* (перед *ъ* согласные были тверды, а перед *ь* — мягки). После утраты слабых редуцированных гласных мягкие согласные оказались на конце слова. В дальнейшем, поскольку причина, вызвавшая мягкость, устранена, они отвердевают, но по разным говорам отвердение идет с разной степенью последовательности. В какой-то мере отвердение отразилось во всех говорах, а также в литературном языке. Мы, например, произносим *дам* с *м* твердым на конце слова, в древности же здесь было *м'* мягкое (ср. ст.-слав. и др.-русск. *дамь*). Но в тех случаях, где мягкость согласного была поддержана аналогией других форм, она со-

хранилась. Так, например, *семь* сохранило мягкость *м* под влиянием других числительных, где в конце слова не губной, а другой мягкий согласный (ср., например, *пять*, *шесть*, *девять*, *десять*, где на конце слова мягкое *т'*). Такие слова, как *голубь*, *кровь* и т. д., сохранили мягкость под влиянием существительных тех же типов склонения, оканчивающихся на другие мягкие согласные, например, *конь*, *боль*, *кость* и т. п. В некоторых же говорах отвердение прошло последовательно, не принимая в расчет этих смысловых отношений.

В немногих говорах (в Муромском районе Владимирской области, в некоторых районах Горьковской области и др.) звонкие согласные на конце слова не оглушаются (произносится, например, *стог*). Реже наблюдаются звонкие согласные внутри слова перед глухими (например, *лóдка*). Нормально представлены звонкие согласные в этих условиях в украинском языке и в некоторой части белорусских говоров.

§ 59. В различных говорах разным упрощениям подвергаются различные группы согласных на конце слова.

В очень многих говорах конечное сочетание *ст* теряет конечный взрывный согласный *т*, особенно широко в тех случаях, когда это сочетание мягкое, например, *скóрос'* — „скорость“, *влас'* — „власть“ и т. д. Это наблюдается если не во всех, то во всяком случае в большинстве северных говоров.

Реже (также на севере) наблюдается такое же упрощение в случае твердого сочетания — *ст*, например, *л'ис* — „лист“, *мос* — „мост“ и т. д. Такое произношение наблюдается, например, в некоторых говорах около Онежского озера.

В некоторых говорах теряется на конце слова мягкое *л'* после губного согласного (губной же в этих случаях может быть в одних говорах мягким, в других твердым), например: *журáф'* или *журáф* — „журавль“, *руп'* или *руп* — „рубль“ и т. д.

МОРФОЛОГИЯ

Склонение имен существительных

§ 60. В современном русском литературном языке имеется три живых и продуктивных типа склонения. К первому из них относятся имена существительные женского (и немногие мужского) рода, оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на *-а*, ко второму — имена существительные мужского рода, оканчивающиеся на согласный звук, и имена существительные среднего рода, к третьему — имена существительные женского рода, оканчивающиеся на мягкий согласный или на шипящий. Кроме того, имеется небольшое количество так называемых „разносклоняемых“ существительных, представляющих собой остатки ранее существовавших особых типов склонения. Нет ни одного говора, где бы мы нашли большее количество живых и продуктивных типов. Но наблюдаются существенные отступления от норм литературного языка в отношении падежных форм того или иного типа, в отношении принадлежности

существительных тому или иному типу, в отношении форм существительных, не укладывающихся в эти основные типы. Кроме того, по говорам стирается иногда различие между двумя склонениями женского рода (хотя мы, пожалуй, и не найдем такого говора, где бы это различие окончательно стерлось).

§ 61. В отношении склонения существительных женского рода на *-а* следует обратить внимание, прежде всего, на формы родительного, дательного и предложного падежей единственного числа. В литературном языке, как известно, различаются по окончанию формы родительного падежа, с одной стороны, и дательного и предложного падежей, имеющие одно и то же окончание,— с другой (ср., например, *из воды́ — к воде́, в воде́; от земли́ — к земле́, в земле́*).

В некоторых говорах все эти три падежа имеют одно и то же окончание, причем в одних говорах это окончание соответствует нашему окончанию родительного падежа, в других же, напротив, нашему окончанию дательного и предложного падежей, т. е. в одних говорах говорят: *из воды́, к воды́, в воды́; из избы́, к избы́, в избы́; от земли́, к земли́, в земли́* (или *на земли́*); в других же: *из воде́, к воде́, в воде́; из избе́, к избе́, в избе́; от земле́, к земле́, в земле́* (или *на земле́*). Совпадение форм этого склонения в форме, соответствующей нашему родительному падежу, наблюдается больше на севере, но охватывает не все северные говоры, а главным образом крайний север, северо-запад и запад их, т. е. говоры архангельские, говоры на территории Карело-Финской ССР и далее на юг, до новгородских включительно. Встречается такое явление и в некоторых южных говорах. Совпадение же форм этого склонения в форме, соответствующей нашему дательному и предложному падежу, напротив, шире распространено в южной полосе наших говоров, хотя известно и некоторым северным (такое явление наблюдается, например, в говоре Холмогорского района Архангельской области).

В некоторых говорах наблюдаются и такие отношения, которые представляют собой как бы совмещение двух указанных выше типов. В этих говорах родительный падеж имеет форму, соответствующую нашему дательному и предложному, а дательный и предложный, напротив,— форму, соответствующую нашему родительному, т. е. там говорят, например: *из воде́*, но в то же время *к воды́*.

Форма род. п., тождественная литературной форме дат. и предл. пад., шире распространена в случае безударного окончания, т. е. имеется довольно много говоров, где говорят, например, *из воды́, из избы́*, но *с рабо́те* или *с рабо́ти, у ма́ме* или *у ма́ми*. Такое произношение наблюдается и во многих говорах поблизости от Москвы. Вследствие возможной редукции безударных гласных (такие формы большей частью наблюдаются в акающих говорах) качество конечного гласного не всегда может быть точно определено (т. е. может звучать *е, и, ь*), но существенной особенностью формы является то, что перед конечным гласным произносится мягкий согласный, а не твёрдый, как у нас, т. е. *с ра́бот'ь*, или *с рабо́т'е*, или *с рабо́т'и*, а не *с рабо́ты*.

Как объясняется это явление? Родительный падеж, с одной стороны, дательный и предложный (древний местный) падеж, с другой стороны, некогда различались во всех русских говорах. Внутри этого склонения различались твердая и мягкая разновидность (в зависимости от того, какой согласный был в конце основы). Эти разновидности, отличавшиеся друг от друга в древности в большей степени, чем теперь, на протяжении истории языка сблизились. Но это сближение в разных говорах шло разными путями. Родительный падеж твердой разновидности в древности оканчивался на *-ы* (например, *отъ воды*), а мягкой на *-ѣ* (например, *отъ землѣ*), дательный и местный падежи — в твердой разновидности на *ѣ* (например, *къ водѣ*, *въ водѣ*), а в мягкой на *-и* (например, *къ земли*, *въ земли*). В литературном языке и во многих говорах твердая разновидность оказала влияние на мягкую, в результате чего установились такие формы, как *от земли*, *к земле*, *в земле* (*е* из старого *ѣ*; *-и* в родительном падеже в соответствии с *-ы* твердой разновидности объясняется тем, что после мягкого согласного не может быть *-ы*). В говорах же, напротив, в некоторых падежах оказала влияние мягкая разновидность на твердую. Форма типа *из воде* (более старое *из водѣ*) сложилась под влиянием форм типа *от земле* (старое *от землѣ*), а форма типа *к воды*, *в воды* под влиянием форм типа *к земли*, *в земли* (только с *-ы* на конце, так как после твердых согласных не может быть *-и*). Могла оказать влияние также тенденция сближения с третьим типом склонения существительных на мягкий согласный и шипящий, к которому принадлежат имена также женского рода и где уже в глубокой древности родительный, дательный и предложный (старый местный) падежи имеют одно и то же окончание.

§ 62. В склонении существительных мужского рода, оканчивающихся на согласный, во многих говорах шире, чем в литературном языке, распространены формы род. п. ед. ч. с окончанием *-у*, а также формы предложного падежа с местным значением на ударяемое *-у*.

В литературном языке окончание род. п. *-у* выступает главным образом для обозначения части некоторого вещества (ср., например, *кусок сахару*, *стакан чаю*), а также у немногих существительных в сочетании с предлогом (например, *и́з лесу*, *и́з дому*). В говорах это окончание фигурирует и в других случаях. Ср., например, *и́з городу*, *с о́строву*, *до ма́ю*, *ме́сту я не́ мо́ю* (т. е. сеней), род. п. при отрицании, и даже в сочетании с числительными, например, *четыре денькý* (последние три примера взяты из олонецких говоров).

Также шире представлена по говорам форма предл. п. с местным значением на ударяемое *-у*. В литературном языке такие формы ограничены существительными главным образом односложными или содержащими полногласные сочетания, да и то свойственны не всем им. В говорах и здесь формы на *-у* представлены значительно шире. Так, мы можем встретить по говорам и *в городý* и *на островý*.

Подобные формы встречаются как на севере, так и на юге. Но обычно формы на *-у* имеют лишь местное значение и притом употребляются лишь для названий неодушевленных предметов. В неко-

торых же говорах, и именно на юге, формы на *-у* употребляются и для названий одушевленных предметов, а также не только в местном значении. Ср., например, *на быку́* — „на быка“, *при отцу́* — „при отце“ и т. д.

Распространение в род. и предл. п. форм на *-у* объясняется тем, что наш второй тип склонений восходит преимущественно к старому склонению с основой на *-о*, но к нему примкнули также существительные, принадлежавшие к склонению с основой на *-й* краткое. Формы род. и предл. п. на *-у* и унаследованы от этого склонения.

§ 63. Склонение третьего типа, к которому принадлежат имена женского рода на мягкий согласный и шипящий, восходящее к старому склонению с основой на *-ĭ* краткое, в некоторых говорах сближается, по крайней мере в части падежных форм, с первым типом склонения (с окончанием *-а*), к которому, как известно, принадлежат в подавляющем большинстве имена женского рода. Так, по говорам встречается форма этого склонения с окончанием на *-е* (вместо литературного *-и*) в дательном и предложном падежах (дательный и предложный падежи могут различаться местом ударения, что часто сохраняется и в говоре), например, *к при́стане, на пристане́; к ло́шаде, на лошаде́; на пече́* — „на печи“ и т. д. Такие формы наблюдаются, например, в вологодских говорах.

В некоторых говорах, именно южных, под влиянием склонения с окончанием *-а* преобразуется и творительный падеж, получая окончание *-ей* вместо *-йу* (например, *со́лей, гря́зей* вместо *со́лью, гря́зью*). Возможна при этом и такая форма, которая представляет собой как бы объединение обеих форм — и склонения на *-а* и склонения на мягкий согласный или шипящий, например, типа *гря́з'йуй, гря́зюй.*

§ 64. Как уже было сказано, наши так называемые разносклоняемые существительные представляют собой обломки не окончательно исчезнувших особых типов склонения. Наличие их в языке объясняется тем, что окончательная стабилизация норм нашего литературного языка произошла тогда, когда процесс разрушения этих типов и объединения их с теми типами склонения, которые сохранились у нас как живые и продуктивные, еще не был закончен. Различные говоры представляют в развитии этого процесса разные ступени сравнительно с говором, лежащим в основе литературного языка. В одних сохранились архаические формы, уже утраченные литературным языком, в других, напротив, некоторые из слов, в литературном языке являющихся разносклоняемыми, уже склоняются по образцу того или иного из продуктивных типов.

Так, например, слова *мать* и *дочь* принадлежали некогда к особому типу склонения (так называемые основы на согласные — ср. курс старославянского языка). Но они склоняются по нашему 3-му склонению, сохраняя лишь так называемое „наращение“ во всех формах, кроме именительного и винительного падежа единственного числа. Именительный и винительный падежи у них одинаковы и целиком похожи на формы существительных, принадлежащих к 3-му склонению (ср. *кость*). Древняя форма именительного падежа была *мати, дъчи,*

древняя форма винительного — *матерь, дъчерь.* Старые формы эти сохранились кое-где и сейчас — в говорах крайнего севера, северо-запада. Там говорят, например, *мати, дочи*, винительный падеж *матерь, дочерь.*

Существительное *свекровь* в литературном языке и во многих говорах примкнуло целиком к третьему типу склонения. В древности оно склонялось по особому типу (ср. курс старославянского языка) — именительный падеж единственного числа был *свекры*, косвенные же падежи образовывались от основы *свекръв-*. Во многих южных говорах до сих пор сохранилась форма именительного падежа *свякры́*, причем косвенные падежи образуются от основы *свекров* (например, вин. п. *свякро́ў*). В некоторых говорах одинаков с именительным падежом также и винительный: *свякры́*. В ряде северных говоров это слово так же, как и в литературном языке, перестало склоняться по особому типу, но примкнуло не к существительным, оканчивающимся на мягкий согласный или шипящий, как в литературном языке, а к существительным, оканчивающимся на *-а*. Там будет *свекро́ва* или *свекрова́*.

Наряду с *свякры́* в части южных же говоров (и в некоторых даже чаще, чем *свякры́*) наблюдается другая архаическая форма этого же типа склонения — *ятры́* в значении „жена брата мужа". В других говорах и в украинском языке известна в этом значении форма *ятро́ўка.*

Многие слова среднего рода, в литературном языке склоняющиеся с так называемым „наращением", в говорах его не имеют и склоняются, как все остальные имена среднего рода (т. е. как имена, оканчивающиеся на *-о*), так, например, вместо *имя*, *имени* и т. д. там говорят или *и́м'о* (или *и́мя*), родительный падеж *и́мя*, дательный падеж *и́мю* и т. д., или именительный падеж *имено́*, родительный падеж *имена́*, дательный *имену́* (с распространением основы *-ен-* на все склонение).

§ 65. Различия между существительными разных типов во множественном числе падают в основном только на именительный и родительный падежи (винительный падеж, как известно, во множественном числе своей особой формы не имеет и совпадает в одних случаях с именительным, а в других с родительным падежом), остальные же падежи, т. е. дательный, творительный и предложный, имеют одни и те же формы для любого типа. Различия же, возможные в именительном и родительном падежах, связаны с тем, к какому роду принадлежит существительное, и отчасти с тем, какой согласный (твердый или мягкий) является в конце основы его. Таковы отношения в литературном языке, таковы отношения и в говорах. По говорам наблюдается даже тенденция еще большего объединения различных типов во множественном числе, хотя, пожалуй, и нельзя указать такого говора, где бы эта тенденция осуществилась полностью.

В именительном падеже множественного числа у нас имеются окончания *-и* (после мягких согласных), *-ы* (после твердых) и *-а* (после твердых и мягких). Как уже было сказано выше, окончание *-а* ударяемое, в древности свойственное только существительным сред-

него рода, в русском языке широко используется также и для мужского рода, ср., например, такие формы, как *домá*, *лесá*, *учителя́* и т. д. Так будет и в большинстве говоров. Правда, в некоторых говорах (именно в северных) мы можем встретить такие более архаические формы, как *снéги* (ср. литературное *снегá*). В южных говорах форма на *-а* с ударением на конце широко распространена и в женском роде (главным образом у существительных третьего типа склонения, т. е. оканчивающихся на мягкий согласный или шипящий, но иногда также и у существительных первого типа, т. е. оканчивающихся на *-а*), например: *костя́* — „кости“, *крепостя́* — „крепости“, *площадя́* — „площади“, *петля́* — „петли“ (в данном случае форма именительного падежа множественного числа совпадает с формой именительного падежа единственного числа, вследствие чего, повидимому, в склонении с окончанием *-а* такая форма используется редко).

Окончание *-а* безударное в именительном падеже множественного числа шире, чем в литературном языке, используется во многих северных говорах. Во-первых, довольно широко распространено там безударное окончание *-а* в составе суффикса *-ана*, обозначающего лица по их социальной принадлежности, происхождению, месту рождения или жительства, например: *дворя́на*, *крестья́на*, *устюжáна* — „жители г. Устюга“ (литературное „устюжане“), *щел'йáна* — „жители с. Щелье“ и т. д. Во-вторых, в некоторых говорах очень широко распространено окончание *-а* (как ударное, так и безударное) после элемента *й*, осложняющего основу существительного во множественном числе (в литературном языке такое осложнение с окончанием *-а* после него также возможно, но лишь в небольшом количестве случаев, ср., например: *сыновья*, *кумовья*), например: *кос'йá* — „кости“, *пéн'йа* — „пни“, *кýч'йа* — „кучи“, *жéншын'йа* — „женщины“, *кýс'йа* — „кусты“ и т. д. Такие формы наблюдаются, например, в говорах к востоку от Онежского озера. Как легко видеть, они образуются от существительных различных родов. По происхождению это не собственно множественное число, а существительные собирательного значения. Но в современном языке эти формы для многих существительных получили значение обычных форм множественного числа.

Следует сказать, что на севере в значении множественного числа широко используются и другие формы, имевшие первоначальное собирательное значение, а в литературном языке сохранившие его и в настоящее время, например: *зверьё*, *комарьё*, *медведьё* и т. д.

§ 66. В родительном падеже множественного числа в литературном языке представлено нулевое окончание и окончания *-ов* (фонетически *-оф*), *-ев* (только безударное), *-ей*. Эти же окончания мы наблюдаем и по говорам, но распределение их может быть иным, чем в литературном языке.

Приведенные здесь различия обусловлены, как уже было сказано в предыдущем параграфе, принадлежностью существительного к тому или иному роду или качеством конечного согласного основы. Так, окончание *-ов* (*-ев*) в литературном языке никогда не наблюдается

в женском роде. Окончание *-ей* наблюдается лишь в тех случаях, когда в конце основы мягкий согласный или шипящий.

Различие окончаний родительного падежа множественного числа в зависимости от рода является пережитком старого различия по родам во всех формах множественного числа. В некоторых говорах, именно в южных, тенденция объединения всех родов во множественном числе осуществляется в большей степени, чем в литературном языке. Это выражается в том, что окончание *-ов* распространяется также на средний и женский род. Говорят, например, не только *местóв, делóв* (в этих двух словах окончание *-ов* встречается едва ли не во всех говорах, возможно оно и в московском просторечье), но также *болóтов, озёров* (в южных говорах фонетически *балóтаў, аз'óраў* или *блатóў, из'арóў*), *бáбов, лóжков, бáнев* — „бань" и т. д.

Реже наблюдается это окончание (хотя вообще и возможно) у существительных среднего рода с мягким согласным в конце основы (т. е. типа *поле*) и у существительных женского рода, оканчивающихся на мягкий согласный или шипящий (т. е. типа *лошадь*).

Окончание *-ей* в родительном падеже множественного числа в литературном языке наблюдается не только после мягких согласных, но и после шипящих, хотя бы твердых, так как в древности все шипящие были мягки. По говорам наблюдается после шипящих также окончание *-ов*, главным образом после твердых, например: *ножóв*, но также и после мягких, например: *кирпичóв* (или *кирпиц'óв*). Наблюдается это окончание иногда и после мягких согласных не шипящих, например: *мидвяд'óў* — „медведей". Широкое распространение окончания *-ов* и в этих случаях характеризует главным образом южные говоры, но встречается также и в переходной полосе.

Но если, с одной стороны, по говорам может быть шире, чем в литературном языке, представлено окончание *-ов*, то, с другой стороны, в некоторых говорах шире, чем в литературном языке, представлено окончание *-ей*. В литературном языке существительные, основа которых оканчивается на *-ц*, имеют окончание *-ов*, хотя в древности *ц* и было мягким, например: *отцóв, концóв, огурцóв* (или без ударения *-ев: зáйцев, пáльцев*). В говорах, главным образом северных, цокающих, где *ц* сохранило мягкость до настоящего времени, у существительных этой категории часто наблюдается окончание *-ей*, например: *зáйцей, пáльцей* или *зайцéй, пальцéй*. Следует сказать, что это окончание обычно не охватывает равномерно всех существительных этого типа. Так, очень широко распространены приведенные выше формы *зайцéй, пал'цéй*, а такие формы, как *огурцéй*, хотя и встречаются, но значительно реже.

В некоторых говорах существительные 3-го склонения имеют в дательном и предложном падежах множественного числа окончание *-ом, -ох*, например: *лошад'óм, (на) лошад'óх; л'уд'óм, в л'уд'óх* — „в людях", *на сан'óх* — „на санях", *в лапт'óх, по ноч'óм* — „по ночам" и т. д. Эти говоры отражают более древнее состояние, чем литературный язык. В древности эти формы оканчивались на *-ьмъ, -ьхъ*. Здесь *ь*, бывший в сильном положении, перешел в *е*, которое затем

перед твердым согласным изменяется в *о*. Явление это наблюдается главным образом в южновеликорусских говорах (например, в курских, орловских, брянских), а также в переходных, и лишь изредка встречается в южной полосе северных говоров (например, в Ростовском районе Ярославской области).

В творительном падеже множественного числа некоторые существительные 3-го склонения в литературном языке имеют архаическое окончание *-ми* после мягкого согласного, например: *дверьми*, *лошадьми* *людьми* (древнее окончание здесь было *-ьми*). Во многих говорах здесь, как и в большинстве существительных, наблюдается окончание *-ами* после мягкого согласного, например: *двер'áми*, *лошад'áми*, *л'уд'áми*.

§ 67. Во многих южных говорах, а частью и в переходной полосе наблюдается, по крайней мере, частичная, утрата среднего рода. Она выражается как в самом склонении существительного, так и в согласовании с ним различных зависящих от него слов.

Что касается до самого склонения существительных, то наблюдается переход существительных среднего рода, имеющих безударные окончания, в склонение на *-а*, к которому принадлежит большинство существительных женского рода. Этот переход в склонении на *-а* охватывает не все слова в равной мере и неодинаково отражается в различных падежах. Особенно широко этот переход наблюдается в винительном падеже единственного числа, где вместо окончаний *-о*, *-а*, *-е* является *-у*, например: *в стáду* — „в стадо“, *в пóлю* — „в поле“ и т. д., реже в остальных падежах.

Прилагательные, местоимения и глаголы в прошедшем времени согласуются с такими существительными, которые в литературном языке принадлежат к среднему роду, не по среднему, а по женскому роду, причем особенно широко такое согласование наблюдается при существительных с безударными окончаниями, но достаточно широко также и при существительных с ударными окончаниями, которые сами по типу окончаний женского рода не преобразуются, например: не только *больша́я стáдо*, но и *больша́я селó*. Показательными при этом являются, конечно, такие случаи, когда согласуемое слово имеет ударяемое окончание. При безударных окончаниях мужской и женский род прилагательного фонетически не различаются. Оба они звучат, например, или *крáснъйъ*, или *крáснъйа*. Поскольку разрушение категории среднего рода характеризует именно акающие говоры, полагают, что причиной его являются именно фонетические отношения — редукция безударных гласных в окончаниях. Так, например, слово *стáдо* произносится как *стáдъ*. Но фонетически таким же окончанием характеризуется и женский род (ср. *пáлка*, *пáлкъ*). В результате такого совпадения слова типа *стадо* получают окончания, свойственные склонению женского рода, и в таких падежах, где не может быть речи о фонетическом изменении (например, вин. п. *в стáду*, дат. п. *к стáде* или *к стáди*). Преобразование склонения приводит к тому, что существительное и согласовываться начинает по женскому роду. Фонетическое совпадение безударных окончаний прилагательных женского и среднего рода в некоторых падежах (прежде всего в имени-

тельном) может привести к тому, что эти окончания совпадут и в других падежах, а женский род вместо среднего начнет употребляться и в случае ударных окончаний, т. е. там, где не могло быть фонетического совпадения. Значительно реже наблюдается переход существительного среднего рода в мужской, о котором можно судить хотя бы на основании такого согласования, как *молоко́ вы́тек*. Иногда встречается и мужской род прилагательного, но он менее показателен, так как здесь речь может идти просто об очень сильной фонетической редукции конечного безударного гласного. Так, например, такая форма, как *бал'шо́й село́* могла бы объясняться тем, что сильно редуцировался конечный гласный формы среднего рода прилагательного (должно бы было быть *бал'шо́йь*).

Но при таком объяснении непонятно, почему в результате этой редукции в женском роде не произносят, например, *бал'ша́й изба́*. Поэтому возможно, что рассматриваемое явление не представляет собой закономерного развития на почве соответствующего говора, а наблюдается главным образом в таких говорах, которые первоначально не знали разрушения среднего рода, но затем подверглись воздействию соседних говоров, где такое разрушение имело место.

В некоторых говорах могут отражаться и иные причины отсутствия среднего рода. Отсутствие его (с заменой притом не женским, а мужским родом) в русских говорах Южного Приуралья, например, может объясняться определенными взаимоотношениями с башкирским языком, где (как и вообще в тюркских языках) категории рода нет.

Склонение местоимений и прилагательных

§ 68. В склонении местоимений личных 1-го и 2-го лица единственного числа и возвратного, которое склоняется, как известно, одинаково с личным местоимением 2-го лица единственного числа, по говорам могут различаться прежде всего родительный и винительный падежи. В литературном языке форма родительного и винительного падежей этих местоимений оканчивается на *-а* после мягкого согласного, а именно: *меня́*, *тебя́*, *себя́*.

Окончание *-а*, характерное для литературного языка, распространено также в северных говорах, южным же говорам свойственно окончание *-е*, например: *у мене́*, *у тебе́*, *у себе́*. Южное окончание является более архаическим сравнительно с северным, когда-то оно было свойственно всему древнерусскому языку в целом (ср. также старослав. *мене*, *тебе*, *себе*).

В некоторых северных говорах родительный и винительный падежи местоимения 1-го лица имеют при том же окончании *-а* другую основу: *мня* (например: *у мня* — „у меня“). Отсутствие гласного между *м* и *н* вызвано, вероятно, влиянием формы дательного падежа.

В некоторых говорах в дательном падеже наблюдается форма *мине́* (вместо *мне*), вероятно, под влиянием форм родительного и винительного падежей.

В некоторых говорах дательный и предложный падежи единственного числа местоимения 2-го лица единственного числа, а также возвратного имеют форму *тобе́, собе́* (или *табе́, сабе́*) в соответствии с литературными *тебе́, себе́*. Это наблюдается главным образом в южновеликорусских говорах, а особенно на границе с белорусским языком. Формы с *о* в основе являются более архаическими сравнительно с формами, характерными для литературного языка. Формы *тобѣ, собѣ* характеризовали древнерусский язык в отличие от старославянского (в дальнейшем в некоторых говорах такие формы сохранились, в других же говорах *о* изменилось в основе местоимения в *е* под влиянием гласного окончания).

Наблюдается по говорам и форма родительного и винительного падежей *тоб'а́*, повидимому, под влиянием форм дательного и предложного падежей.

В некоторых говорах подвергается ослаблению звонкий взрывный согласный в формах родительного-винительного и дательного падежей, в результате чего вместо него является там (в качестве переходного звука) неслоговое *и̯*, например, *теи̯а́*, *теи̯е́* или *таи̯е́*.

В некоторых говорах встречаются краткие формы личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратных, возможно восходящие к древним энклитическим формам вин. п. ед. ч. (см. курс старославянского языка), но, возможно, развившиеся вновь, независимо от древних форм — *мя, тя, ся*. В отличие от древнерусского языка, где эти формы также были представлены, как и в старославянском, в говорах эти формы могут употребляться в качестве не только винительного, но и родительного падежа: ср. *у мя, у тя, у ся* в значении „у меня“, „у тебя“, „у себя“. Имеющиеся в нашем распоряжении диалектологические материалы пока еще слишком недостаточны для того, чтобы установить, не являются ли в некоторых говорах эти краткие формы единственно возможными для соответствующих падежей рассматриваемых местоимений.

§ 69. Для местоимения 3-го лица существенно отметить наличие начального *j* в ряде говоров как южных, так и северных. В ряде говоров произносят *jон, jона́* и т. д. вместо *он, она*. Это начальное *j* возникло под влиянием косвенных падежей, в начале формы которых имеется *j* (ср. *его*).

В именительном падеже множественного числа этого местоимения по говорам наряду с формой *они*, соответствующей также литературному языку, наблюдается форма *оны́* (а также *jоны́*). Колебание между формами *они́, оны́* (*jони́, jоны́*) может наблюдаться в одном и том же говоре. Различие этих форм объясняется тем, что в древности местоимения во множественном числе различались по родам. Окончание *-и* именительного падежа свойственно было лишь местоимениям мужского рода, окончание же *-ы* — местоимениям женского рода. Современное окончание литературного языка представляет собой старую форму мужского рода, в говорах же могла сохраниться и форма женского рода. Колебания, которые в настоящее время могут наблюда-

ться в одном и том же говоре, свидетельствуют об употреблении обеих форм без семантического разграничения их.

Колебания в формах именительного падежа множественного числа, напоминающие только что изложенные, наблюдаются по говорам также в указательных местоимениях. Так, в одном и том же говоре мы можем встретить и форму *те*, соответствующую литературной, и формы *ти*, *ты*. Точно так же, как и для личных местоимений, форма *ти* представляет собой старую форму мужского рода, а *ты* — старую форму женского рода. Что касается до *те* (более старое *тѣ*), то это новая форма, сложившаяся под влиянием косвенных падежей (*тѣхъ*, *тѣмъ* и т. д.).

§ 70. В области неличных местоимений по говорам широко распространены формы, являющиеся результатом взаимодействия различных типов склонения.

Так, под влиянием склонения местоимений с твердым согласным в конце основы во многих говорах, как северных, так и южных, в падежных окончаниях единственного числа женского рода местоимений с мягким согласным в конце основы является *о* в соответствии с *е* литературного языка и тех говорах, где этого явления не наблюдается; например, род., дат., твор., предл. п. *фс'ói* или *ус'ói* „всей", *мойói, твойói, свойói* — „моей, твоей, своей" (мягким согласным в данном случае является *j*) под влиянием форм типа *той*.

Во множественном числе, как в именительном, так и в косвенных падежах, в окончаниях местоимений, основа которых оканчивается на *j*, в некоторых говорах является *е* (на месте древнего *ѣ*) в соответствии с *и* литературного языка, опять-таки под влиянием местоимений с твердым согласным в основе; например, *моé, моéх, моéм* и т. п. („мои, моих, моим" и т. д.) под влиянием *те, тех, тем* и т. д. На почве таких говоров сложилась и поговорка: „Хлеб-соль на столе, а руки *свое*". Говоры с таким произношением наблюдаются и поблизости от Москвы. Подобным же образом, т. е. воздействием склонения типа *тот*, объясняются и литературные формы *все, всех, всем* и т. д; это местоимение в конце основы имеет мягкий согласный (ср. *весь*) и должно бы было склоняться, как *мой*.

Наблюдается по говорам и обратное явление — воздействие склонения с мягким согласным в конце основы на склонение с твердым согласным в конце основы. Именно этим воздействием объясняются формы косвенных падежей множественного числа типа *тых, тым* и т. д. (в значении „тех", „тем" и т. д.) Поскольку согласный здесь сохраняет твердость, в окончании является *ы*, а не *и*.

§ 71. Во многих говорах наблюдается распространение некоторых форм указательных местоимений добавочным элементом: *тáйа* (им. п. ед. ч. жен. р.), *тóйе* или *тойó* (им.-вин п. ед ч. средн. р.), *тýйу* (вин. п. ед. ч. жен. р.), *тéи* (им. п. мн. ч.) в значении „та," „то", „ту", „те". Этот добавочный элемент также местоименного происхождения: он восходит к старому указательному местоимению *и*, *ja*, *je*, участвовавшему в образовании полных прилагательных (см. в курсе старо-

славянского языка), косвенные падежи которого используются у нас как косвенные падежи личного местоимения 3-го лица.

Под влиянием местоименной формы *теи* по говорам наблюдается форма им.-вин. п. мн. ч. прилагательных с окончанием *-еи*, например, *большéи, сухéи*.

§ 72. В некоторых северных говорах встречается форма винительного падежа единственного числа женского рода личного местоимения 3-го лица (собственно, строго говоря, указательного) *ю* в соответствии с литературным *её*. Более древняя из этих форм именно *ю*, форма же *её* по происхождению является старой формой родительного падежа (как винительный падеж она стала употребляться в силу того, что в местоимениях других родов, т. е. мужского и среднего, формы родительного и винительного падежей совпадают).

В некоторых говорах встречается форма винительного падежа *ею́*, представляющая собой, повидимому, результат объединения старой формы *ю* и новой формы *её* (*еѣ*).

§ 73. Разнообразные формы по говорам имеет окончание родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода прилагательных и разных неличных местоимений. В литературном языке это окончание пишется, как известно, *-ого, -его*, а произносится *-óвъ, -ъвъ, -ьвъ*, например, *большого* (фонетически *бал'шóвъ*), *красного* (фонетически *крáснъвъ*), *синего* (фонетически *с'йн'ьвъ*), *того* (фонетически *тавó*). По говорам наблюдаются различия как в отношении согласного, содержащегося в окончании, так и в отношении прилегающих к последнему гласных, причем различия последних могут быть обусловлены не только фонетически.

Формы этого окончания могут быть следующие. Во-первых, *-ого* с *г* взрывным (т. е. окончание произносится так, как в литературном языке пишется), например: *крáсного, дóброго, ниц'огó* и т. д. Такое произношение мы находим в говорах крайнего севера и северо-запада, т. е. в говорах Архангельской области и в некоторых говорах на территории Карело-Финской ССР.

Во-вторых, мы находим окончание *-оγо* с фрикативным γ также на территории северного наречия, где вообще *г* взрывное (фрикативное γ наблюдается именно в этой форме), например, *крáсноγо, тоγó, мойоγó* и т. д. Такое произношение наблюдается в некоторых говорах Карело-Финской ССР, преимущественно на запад от Онежского озера. Иногда мы встречаем это произношение (правда, с γ лишь для местоимений, а не для прилагательных, например: *фс'оγó* — „всего") и в говорах Архангельской области (наряду с *г* взрывным в этом же окончании).

В-третьих, наблюдается окончание вообще без согласного звука, т. е. *-оо*, с приостановкой, понижением напора струи выдыхаемого воздуха, между двумя *о*, например: *крáсноо, дóброо, фс'оó, мойоó* и т. д. Такое произношение (наряду с окончанием *-ого*) довольно широко распространено в архангельских говорах.

В-четвертых, наблюдается окончание *-ово*, например: *крáсново, дóброво, тово́* и т. д. Произношение окончания с *в* охватывает ос-

новную массу северных говоров (кроме крайнего севера и северо-запада). Нужно заметить, однако, что в очень многих северных говорах это окончание имеет форму не *-ово*, а *-ова*, например, *крáснова*, что не может быть объяснено фонетически, так как в этих говорах *о* на конце слова в безударном положении может быть произнесено. Повидимому, здесь сказалось влияние склонения существительных мужского и среднего рода, имеющих в родительном падеже окончание *-а*, например, *гóрода, болóта*.

Формы с *в* мы наблюдаем порой и в говорах крайнего севера и северо-запада, но там они, вероятно, обусловлены влиянием литературного языка.

На территории южных говоров в этом окончании, очевидно, могут быть представлены лишь согласные γ и *в*. Вопрос о гласных здесь не встает, так как мы можем найти здесь, как и вообще в безударном положении, лишь *а* или различные виды редуцированных гласных. В значительной части южных говоров окончание содержит γ, т. е. имеет формы *-аγа*, *-ъγа*, под ударением *-аγó*, например: *дóбраγа, дóбръγа, jaγó* — „его“. В части же южных говоров мы находим и окончание с *в*, например, *дóбрава, jaвó.*

Прилагательные и местоимения во многих формах имеют подобные друг другу окончания, но иногда между ними обнаруживаются и расхождения, что наблюдается как на севере, так и на юге. Так, например, на севере формы без *г* (с отсутствием согласного) шире наблюдаются у местоимений. В некоторых курских говорах мы находим, например, γ только в окончании местоимений, а в окончании прилагательных — *в*, например: *jaγó* — „его“, но *зил'анóва* — „зеленого“.

Различные формы рассматриваемого окончания по говорам представляют собой, повидимому, различные ступени его развития. Можно думать, что первоначально в этом окончании, по крайней мере на севере, представлено было *г* взрывное. В результате ослабления артикуляции язык немного отходит от нёба, воздух начинает проходить через образовавшуюся щель, и так образуется γ фрикативное. При дальнейшем ослаблении артикуляции язык отходит еще дальше от нёба, преграда совершенно теряется — согласный между двумя гласными отсутствует. В дальнейшем между этими двумя гласными легко может развиться новый переходный звук (такой переходный согласный на стыке двух гласных вообще довольно легко развивается). Поскольку окончание состоит из двух лабиализованных гласных, этот переходный согласный носит губной характер — *в*.

§ 74. Форма родительного падежа единственного числа женского рода прилагательных и неличных местоимений в литературном языке оканчивается на *-ой, -ей*, например: *молодóй* (жены), *большóй* (дороги), *сúней* (тучи), *той* (зимы) и т. д. Такое же окончание мы находим и в большинстве говоров.

Но в некоторых северных говорах (в Архангельской и Вологодской областях, на Ветлуге, в Сибири) сохранилось архаическое

окончание *-ойе* (*-ейе*) или *-ые* (*-ие*), например: у ***молодо́йе жены́, золото́йе казны́*** (или *золоты́е казны́*), ***холо́дние воды́, то́е зимы́*** и т. д.

В некоторых говорах крайнего северо-запада мы находим в этом же падеже, а также в дательном и предложном окончание *-ей* после твердого согласного, например: ***золотэ́й, молодэ́й, тэ́й*** и т. д. Такое окончание объясняется, возможно, влиянием прилагательных, имеющих мягкий согласный в конце основы. В соответствующих прилагательных в окончании должно быть *-е*. Но здесь интересно, что твердый согласный основы, склонение которой подверглось влиянию, сохраняется. Формы, подобные приведенным только что, развились, но, повидимому, совершенно независимо от этих, также в белорусском языке.

§ 75. В некоторых акающих говорах наблюдается совпадение форм творительного и предложного падежей единственного числа прилагательных и неличных местоимений мужского и среднего рода в форме, соответствующей литературной форме творительного падежа, т. е. говорят, например, ***в каки́м году́, в больши́м платке́.***

Это явление, возможно, объясняется фонетическим сближением безударных окончаний творительного и предложного падежей. Ср. *в красном платье*, где форма *красном*, фонетически *кра́снъм*, содержит редуцированный гласный, близкий по своей артикуляции к *ы*. Впоследствии на основе этого сближения в безударных окончаниях установилось употребление одной и той же формы для двух этих падежей и в случае ударного окончания.

§ 76. Различаются по говорам формы сравнительной степени. В литературном языке обычно (за исключением некоторых единичных образований) эти формы оканчиваются на *-ее*, *-ей*, например: ***скоре́е, скоре́й.***

В тех говорах, в которых на месте *ѣ* в положении перед мягкими согласными является *и*, в этой форме является *-ие*, например: ***скори́е.***

Во многих говорах (именно северных) широко распространено окончание *-ае* после мягкого согласного или шипящего, например: ***скоря́е, сильня́е, строжа́е*** и т. д.

Объясняются эти формы следующим образом. Еще в древности во всех славянских языках (в том числе и в древнерусском и в старославянском — см. курс старославянского языка) между подобными формами наблюдались такие соотношения: в случае *ѣ* после каких-нибудь нешипящих согласных, после шипящих было *а*. Эти отношения отражаются и в современном языке. Ср. наши образования превосходной степени: ***сильне́йший***, но ***строжа́йший***. В говорах распространены чуждые литературному языку формы типа *хужа́е, строжа́е* (где после шипящего является *а* в соответствии с *ѣ* не после шипящего — в формах сравнительной степени в древности было *ѣ*, например: *сильнѣе*). В некоторых говорах под влиянием форм ***сильне́е, веселе́е*** и т. д. эти формы преобразовались в ***хуже́е строже́е***.

В других же говорах, напротив, сохранилась форма *хужа́е, строжа́е*, а такие формы, как *сильнѣе, веселѣе*, получили под их влиянием суффикс *-ае*, но с сохранением мягкого согласного в конце основы: *сильня́е, веселя́е.*

Творительный падеж множественного числа

§ 77. Большой интерес представляют формы творительного падежа множественного числа всех склоняемых слов, т. е. существительных, местоимений, прилагательных. В литературном языке эта форма оканчивается для всех указанных категорий на *-ми*. Ср.: *рука́ми, на́ми, до́брыми, те́ми* и т. д.

Окончание, характерное для литературного языка, мы находим также во всех южных говорах, на севере же наблюдается большее разнообразие окончаний соответствующего значения. Кое-где, именно в южной части северных говоров (например, во Владимирской области), мы находим окончание такое же, как в южных говорах и в литературном языке. Иногда такие формы (главным образом у существительных) наблюдаются и в говорах крайнего севера.

Но очень широко распространено на севере окончание *-м*, т. е. одинаковое с окончанием дательного падежа. Там говорят, например: *с рука́м, с нога́м, с больши́м сапога́м, с на́м, с ва́м* и т. д. Такие формы охватывают основную массу северных говоров.

В говорах крайнего севера и северо-запада употребляется окончание *-мы*, например: *рука́мы, нога́мы, плота́мы.*

В тех же говорах наблюдается окончание *-ма*. Оно чаще встречается у прилагательных и местоимений, например: *бы́лыма, кра́сныма, с има́* — „с ними“ и т. д., но возможно и у существительных, например *рука́ма, плота́ма.*

Окончание *-ма* (но только для прилагательных и местоимений, а не для существительных) отмечено и на севере вологодских говоров, для которых вообще больше характерно окончание *-м*, т. е. совпадающее с дательным падежом.

Окончание *-ма* изредка употребляется и для выражения дательного падежа (например, *по коли́нима* — „по коленям“).

Иногда в северных говорах наблюдается и окончание *-ми*, но в значении не творительного, а дательного падежа, например: *к на́ми* — „к нам“ (в кировских говорах). Но такое употребление представляет собой, вероятно, результат начавшегося влияния литературного языка: является тенденция различать форму дательного падежа на *-м* и форму творительного падежа на *-ми*, на первых порах это разграничение последовательно не выдерживается.

Различные формы творительного падежа множественного числа, наблюдаемые в разных северных говорах, требуют различных объяснений. Проще всего разъясняется форма с окончанием *-ма*. Она представляет собой старое двойственное число, которое в древности было в русском языке так же, как в старославянском (см. курс старославянского языка). Окончание *-ма* в двойственном числе служило одно-

временно и для дательного, и для творительного падежа. С утратой двойственного числа эта форма была использована для выражения множественного числа, но главным образом для творительного падежа, лишь очень редко для дательного.

Указанная выше зафиксированная в олонецких говорах форма *по колинима*, возможно, объясняется тем, что само слово *колени* (др.-русск. *колѣнѣ*), как обозначавшее парный предмет, в древности чаще употреблялось в двойственном числе, вследствие чего в нем дольше могла сохраниться старая форма двойственного числа, одинаковая для дательного и творительного падежей. Возможно, что широко наблюдающееся в северных говорах совпадение форм дательного и творительного падежей во множественном числе вызвано также падением двойственного числа и неразличением этих форм в двойственном числе.

Сложнее объяснить окончание *-мы*, наблюдающееся в говорах крайнего севера и северо-запада. Возможно, что это результат взаимовлияния различных форм. Раньше, как уже было сказано, существительные различных склонений по-разному склонялись и во множественном числе. Большинство существительных мужского и среднего рода в древнерусском языке, так же как и в старославянском, оканчивалось в творительном падеже множественного числа на *-ы* (например, *столы*), существительные же женского рода с окончанием *-а* — на *-ами*. В дальнейшем формы множественного числа всех типов получили единообразный вид. Форма с окончанием *-амы*, как предполагают некоторые лингвисты, представляет собой результат взаимовлияния форм с окончанием *-ами* и форм с окончанием *-ы*. Некоторые же ученые предполагают, что твердость *м* и является результатом взаимовлияния окончания *-ами* и старого окончания двойственного числа *-ама*.

Глагол

§ 78. Среди различий, представляемых говорами в области глагольных форм, наибольшее значение для определения характерных особенностей, отличающих говоры друг от друга, имеют различия форм 3-го лица настоящего (простого будущего) времени. В литературном языке, как известно, 3-е лицо глагола и в единственном, и во множественном числе оканчивается на твёрдое *-т*, например: *он идёт*, *они идут*; *он глядит*, *они глядят*. Твердое *т* в этом окончании распространено также во всех северновеликорусских говорах и в части говоров средневеликорусских. .

Но во многих говорах в этом окончании наблюдается *-т'* мягкое, т. е. произносят: *он ид'о́т'* (или *иде́т'*), *они иду́т'*; *он сиди́т'*, *они сид'ат'*. и т. д. Мягкое *т'* в 3-м лице глагола распространено во всех южновеликорусских, а также в части средневеликорусских говоров. На территории южновеликорусского наречия лишь кое-где встречается в этой форме твердое *-т* (например, в Малоархангельском районе Орловской области). Но обычно этим явлением характе-

ризуются говоры переселенцев с севера. Находим мы *-т'* и за пределами русского языка — в украинском и белорусском (только в белорусском, вследствие дзеканья — см. § 12 — на месте мягкого *т'* является мягкое *ц'*, например: *ляжы́ць* — „лежит").

Мягкое *т'* мы находим кое-где и на севере, именно в некоторых говорах около Онежского озера, но там оно характеризует лишь 3-е лицо множественного числа глаголов I спряжения, т. е. там говорят, например: *они несу́т', они иду́т'*. но ни в единственном числе, ни во множественном числе глаголов II спряжения *т'* нет, а представлено *т* твердое.

В значительной части говоров как северных, так и южных наблюдаются формы 3-го лица без окончания *-т*, т. е. оканчивающиеся на гласный звук. В разных говорах такие формы имеют различную степень распространения, но почти нет говоров, где целиком господствовали бы формы без *т*, а окончание *-т* (все равно, твердое или мягкое) совсем бы не было представлено.

На севере говоры без *-т* наблюдаются преимущественно на северо-западе, а также на крайнем севере, причем отсутствие *-т* характеризует лишь формы единственного числа I спряжения и множественного числа II спряжения, т. е. говорят: *он нес'о́, он ид'о́, они сид'а́, они глед'а́* и т. д., в единственном же числе II спряжения и множественном числе I спряжения *-т* всегда представлено. Интересно, что в тех говорах около Онежского озера, где имеется мягкое *-т'*, распространена форма окончания без *т*, но мягкое *-т'* наблюдается именно в той категории форм, в которой всегда наличен конечный согласный. Следует иметь в виду, что возможное отсутствие *т* в той или иной форме не означает, что в этой форме никогда не употребляется *т*. В говоре часто наблюдаются колебания, зависящие от темпа речи и от других условий. Один и тот же человек может сказать, например, и *ид'о́* и *ид'о́т*.

Шире, чем на севере, наблюдается отсутствие *-т* в южных, а также в некоторых средневеликорусских говорах. Здесь *-т* может отсутствовать и в единственном числе глаголов II спряжения, особенно в случае безударного окончания, но иногда и при ударном. При этом в случае безударного окончания на месте *-и* на конце формы обычно является *-а* после мягкого согласного (об изменении безударного *и* в *а* после мягкого согласного см. выше), например: *он хо́д'а, он л'у́б'а* — „он любит" и т. д.

Очень редко наблюдается отсутствие *-т* в окончании 3-го лица множественного числа глаголов I спряжения, т. е. и в этих говорах обычно произносят *иду́т, несу́т* и т. д. Но кое-где наблюдается отсутствие *-т* и в этой форме (например, в некоторых псковских говорах).

Из форм с *-т* твердым и *-т'* мягким более архаическими являются формы с *-т'* мягким. В древнерусском языке, в отличие от старославянского, окончание 3-го лица было *-ть*. Перед *ь*, как перед гласным переднего ряда, *т* смягчалось, в дальнейшем же, когда *ь* исчез, мягкость *т* сохранилась в некоторых говорах и до настоящего вре-

мени. В других же говорах мягкое *-т'* сменилось *-т* твердым. Эта замена была вызвана, повидимому, не фонетическими, а морфологическими, даже отчасти синтаксическими причинами. Повидимому, *-т* твердое явилось под влиянием указательного местоимения *то* (из *тъ*), *тот*, которое в древности часто могло употребляться и в значении, соответствующем нашему местоимению 3-го лица, а поэтому фигурировать при глагольной форме в качестве подлежащего. На это указывает, во-первых, тот факт, что в некоторых северных говорах наряду с формами с окончанием *-т* фигурируют также формы с окончанием *-то*, например: *ид'óто* — „он идет"; во-вторых — более раннее распространение твёрдого *-т* в единственном числе (на что указывает сохранение *-т'* мягкого во множественном числе в некоторых северных говорах).

Следы того, что некогда в окончании 3-го лица было мягкое *-т'*, мы находим как в литературном языке, так и в тех северных говорах, где теперь совсем неизвестны формы с мягким *-т'*. В литературном языке, как и в говорах, сохранились старые формы вспомогательного глагола *есть* и *суть*, осмысляющиеся по-новому, вследствие чего выпадающие из общей глагольной системы, но некогда принадлежавшие к ней и до сих пор сохранившие на конце мягкое *-т'*, а также такое архаическое выражение, как „бог весть" (*весть* — 3-е л. ед. ч. от древнего глагола *вѣдѣти* — „знать").

В северных говорах довольно широко распространено наречие *надоть*, получившее окончание *-т* (и именно мягкое) под влиянием глагольных форм, что объясняется тем, что это наречие постоянно используется как сказуемое.

§ 79. В очень многих говорах наблюдается отступление от тех чередований согласных в глагольной основе настоящего (простого будущего) времени, какие мы находим в литературном языке.

Глаголы, имеющие в конце основы заднеязычный согласный, в литературном языке имеют чередование этого заднеязычного с шипящим. Ср., например: *пеку* — *печёшь* и т. д., *жгу* — *жжёшь* и т. д. Единственное исключение составляет глагол *тку*, 2-е лицо которого *ткёшь*, а не *тчёшь*, как бы мы ожидали.

В некоторых говорах представлены те же нормы чередования, что и в литературном языке. Порой они даже проведены еще более последовательно. Так, например, в некоторых владимирских говорах отмечена форма *точёшь* в значении „ткешь".

Но во многих говорах как северных, так и южных наблюдается чередование заднеязычного не с шипящими, а с заднеязычным же, но мягким согласным, например: *пеку* — *пек'óшь* (или *пек'éшь*), *жгу* — *жг'óшь* (или *жг'éшь*) и т. д. Такое произношение в нелитературном употреблении приходится слышать и в Москве. В некоторых же говорах (именно северных) чередования в спряжении этого типа вообще нет, и на протяжении всего спряжения является один и тот же твёрдый заднеязычный согласный, например: *пеку* — *пекóш*, *пекóт* и т. д., *жгу* — *жгош*, *жгот* и т. д. Такая картина наблюдается, например, в некоторых владимирских и вологодских говорах.

Глаголы II спряжения, имеющие в конце основы переднеязычные или губные согласные, также характеризуются различными чередованиями (*т/ч*, *д/ж*, *с/ш*, *з/ж*, губной/губной + *л'* мягкое). В некоторых говорах эти чередования отсутствуют и на протяжении всего спряжения наблюдается один согласный, например: *колотю́ — коло́тишь, пустю́ — пу́стишь, просю́* или *про́сю — про́сишь, любю́* или *лю́бю — лю́бишь, ловю́* или *ло́вю — ло́вишь* и т. д. Это явление наблюдается в некоторых северных говорах (например, кировских), а также и в некоторых южных.

Как показывают приведенные примеры, здесь на протяжении истории языка имело место выравнивание основы в результате аналогического воздействия одних форм на другие, причем это выравнивание может идти в двух направлениях. В одних говорах устраняется лишь чередование согласного, но сохраняется старое различие в месте ударения для различных лиц, восходящее еще к общеславянскому языку-основе (например, *просю́ — про́сишь, любю́ — лю́бишь*), в других же говорах устраняется и различие в ударении (например, *про́сю — про́сишь, лю́бю — лю́бишь*) — ср. об этом ниже, в разделе „Ударение“.

Наблюдается по говорам и ряд других отступлений от норм, характерных для литературного языка в области чередования согласных основы.

Так, например, иногда устраняются чередования гласных и согласных, которыми различаются основы настоящего времени и инфинитивы, устраняются или преобразуются чередования, имеющие место в глагольном словообразовании. Изменение или преобразование чередований в некоторых случаях связано с заменой суффиксов по аналогии к другим типам. Устранение или преобразование чередований в глагольной основе, в частности, очень широко представлено в некоторых псковских говорах. Мы находим там, например, форму инфинитива *поя́ть* в значении „петь“, образованную по аналогии к настоящему времени (*пою, поёшь* и т. д.) с добавлением характерной для многих глаголов приметы инфинитива *-а-*, а наряду с этим в том же значении *пе́ить* (здесь сохранена древняя ступень чередования в корне, но добавлена характерная для многих глаголов примета инфинитива *-и-*).

Характерное для глагольной основы чередование *с/ш* устраняется, и на месте обоих этих согласных является *х* (вероятно, в результате того, что в русском языке имеет место и чередование *х/ш*, ср. *сухой — суше*) и наблюдаются формы типа *опоя́хать, опоя́ховать* — „опоясывать“ (ср. *опоясать — опояшу*), *голохова́ть* — „голосовать“ (ср. *голосить — голошу*), *выкола́хываицца* — „выколашивается“ (ср. *колоситься*). Формы с *х* наблюдаются именно в глагольных основах и лишь очень редко в основе отглагольных существительных (ср. единичное *но́ха* — „ноша“).

Повидимому, под влиянием литературного языка в этих говорах начинают распространяться и глагольные основы с *с* и *ш*, но на первых порах *с* и *ш* употребляются в этих основах непоследовательно, не в соответствии с этимологией. Ср. наблюдающиеся в этих говорах такие формы, как *ве́сяют* — „вешают“, *маша́ют* — „махают“, „машут“.

§ 80. Различны по говорам могут быть формы повелительного наклонения, которое вообще образуется от основы настоящего времени. В части говоров мы находим, как и в литературном языке, окончание 2-го л. ед. ч. *-и* главным образом в тех случаях, когда на него падает ударение (ср. *неси́, иди́* и т. д.). Безударное окончание *-и* наблюдается лишь после сочетания согласных, а также в глаголах с ударением на приставке *вы-* (ср. *исчёзни, тре́сни, вы́неси*). В остальных случаях 2-е л. ед. ч. повелительного наклонения характеризуется нулевым окончанием при мягком конечном согласном основы (ср. *сядь, встань*; в случае задненебного согласного в основе он твердый, ср. *ляг*).

В значительной части говоров, именно северных, окончание *-и* наблюдается в безударном положении и после одного согласного, например *ся́ди, вста́ни*. Эти формы представляют большой архаизм сравнительно с формами с нулевым окончанием: когда-то формы на *-и* были распространены повсеместно, но на протяжении истории языка в части говоров конечное безударное *-и* подверглось редукции до нуля.

В значительной части говоров, именно южных, наблюдается нулевое окончание в инфинитиве и в соответствии с ударным *-и* литературного языка и других говоров, например, *прине́сь* — „принеси“. Здесь имело место передвижение ударения с окончания на основу с последующей редукцией конечного, ставшего безударным *-и*. Очень широко распространена по говорам и наблюдается и там, где других подобных форм нет, форма повелительного наклонения *поло́жь* (фонетически *поло́ш* или *пало́ш*, ср. литературное *положи́*). В просторечии также широко известна форма *подь* — „пойди“ (в выражении: „*подь* сюда“).

Своеобразные формы повелительного наклонения наблюдаются по говорам у некоторых глаголов с задненебным согласным в основе настоящего времени. От глагола *лечь* широко распространена форма с шипящим согласным в конце основы, т. е. *ляж* (фонетически обычно *л'аш*). От глаголов *трогать* или *тронуть* (где еще в дописьменные времена было утрачено *г* перед *н*) широко распространена также форма с шипящим в конце основы: *трожь* (фонетически обычно *трош*). В некоторых говорах (например, в некоторых владимирских) известна форма с нулевым окончанием с задненебным согласным в конце основы: *трог* (фонетически *трок*). Литературному языку в данном случае свойственны формы *трогай* (от *трогать*) и *тронь* (от *тронуть*).

§ 81. Различаются по говорам формы инфинитива. В некоторых говорах, как и в литературном языке, инфинитив оканчивается обычно на *-т'* мягкое (например, *ходи́ть*), на *-ти* в том случае, если на *и* падает ударение (например, *нести́*), а также в глаголах с ударением на приставке *вы-*, если бесприставочный глагол имел ударение на *-и* (например, *вы́нести*), на *-ч'*, если основа настоящего времени оканчивается на задненебный согласный (например, *печь, мочь*, ср. *пеку, могу*).

В некоторых северных говорах наблюдается в инфинитиве окончание *-ти* и в том случае, если на него не падает ударение, например: *спа́ти, ходи́ти*. Впрочем, безударное *-ти* в любых условиях наблюдается лишь в немногочисленных говорах крайнего севера. Гораздо шире распространено на севере безударное *-ти* лишь в тех случаях, когда ему предшествует *с*, например *упасти, попа́сти* (ср. литературное *упасть, попасть*). Такие формы встречаются и в говорах недалеко к северу от Москвы.

Говоры, сохраняющие конечное *-и* в инфинитиве в безударном положении, представляют более архаическую форму. В древнерусском языке все формы инфинитива оканчивались на *-и*, независимо от того, падало ли на него ударение или нет. На протяжении истории русского языка конечное безударное *-и* редуцировалось до нуля (так же, как и в форме повелительного наклонения, см. выше). Конечное *-и* в безударном положении в форме инфинитива сохранилось также в украинском языке (ср. укр. *писати*).

В южновеликорусских говорах широко распространены формы инфинитива на *-т'* в соответствии с ударным *-ти* в литературном языке, например *принéсть* — „принести". Здесь имело место, как и в рассмотренных выше формах повелительного наклонения, передвижение ударения на предшествующий слог с последующей редукцией гласного до нуля.

В некоторых говорах инфинитив глаголов с основой настоящего времени на задненебный согласный также содержит задненебный согласный в конце основы, к которой присоединяется окончание *-чи*, например *пекчи́* — „печь". Согласный *ч* в форме инфинитива исторически развился из сочетания *кт* перед гласным переднего ряда. Согласный *к* в тех говорах, где он наблюдается в инфинитиве, появился здесь по аналогии к настоящему времени.

В некоторых говорах (например, в некоторых псковских) инфинитив оканчивается не на *-т'* мягкое, а на *-т* твердое, например *пахат* — „пахать". Эта форма с исторической точки зрения допускает двоякое объяснение. Возможно, что это остаток старого супина, который оканчивался в древности на *-тъ*, а с падением редуцированных — на *-т* твердое, и употребление которого в древности было во многом близко к инфинитиву. Но возможно, что твердое *-т* представляет собой и результат отвердения *т* мягкого, ставшего конечным после редукции до нуля конечного *-и*. Конечные согласные вообще в русском языке имеют тенденцию отвердевать.

§ 82. В русском языке имеются два глагола, представляющие особенности в спряжении настоящего времени: *дать* и *есть* (в значении „кушать"). В то время как все другие глаголы в 1-м лице единственного числа оканчиваются на *-у (-ю)*, эти глаголы имеют окончание *-м (дам, ем)*. Во 2-м лице в литературном языке они имеют окончание, подобное остальным глаголам — *дашь, ешь*. В некоторых говорах крайнего севера в соответствии с этими формами литературного языка и большинства говоров наблюдаются сохранившиеся от древнего языка формы с окончанием *-си* — *даси́, еси́* (ср. ст.-слав. *даси, ѥси*).

§ 83. Большое разнообразие по говорам представляют возвратные формы глагола. В литературном языке возвратная частица представляет собой, как известно, форму *-ся* после согласных, *-сь* после гласных (по старым орфоэпическим нормам *с* здесь твердое). В ряде говоров мы находим другие формы этой частицы — *се*, *си*, *сы*, например: *садúлсе, садúлси, садúлсы*. Такие разнообразные формы объясняются тем, что эта частица, представляющая собой по происхождению безударную форму возвратного местоимения, может восходить к различным падежам — к винительному, в древнерусском языке имевшему форму *ся*, и к дательному, в древнерусском языке имевшему форму *си*.

Некоторые особенности по говорам представляет возвратная форма с точки зрения ассимиляции согласного возвратной частицы и конечного согласного личного окончания глагола. В некоторых говорах во 2-м лице единственного числа сочетание *шс*, в литературном языке сохраняющееся без изменения, ассимилируется в долгое *с*, например: *смеёсси, даёсси* и т. д. Это наблюдается во многих северных, а особенно в южных говорах. В некоторых северных говорах (именно в некоторых говорах северо-востока) *с* возвратной частицы ассимилируется по отношению к предшествующему *ш* 2-го лица, и в результате является *ш* долгое, например: *смеёшша, даёшша* и т. д.

В разной степени по говорам осуществляется ассимиляция возвратной частицы и по отношению к окончанию 3-го лица единственного и множественного числа. В литературном языке *т* и *с* в данном случае сливаются и дают одну долгую аффрикату *ц* (с выдержкой затвора). Такая ассимиляция наблюдается и во многих говорах с последующей заменой этого *ц*, если в соответствующем говоре *ц* подвергается различным изменениям, например: *смейóтц'а, смейóтч'а* (в цокающем говоре). В других же говорах такая ассимиляция не осуществляется.

Вследствие слияния (в результате ассимиляции) возвратной частицы и личного окончания последнее в некоторых говорах становится недостаточно выразительным, в результате чего на возвратную форму 3-го лица может наслаиваться еще окончание 3-го лица и является такая форма, как *прид'óтцът'* — „придется“; такая форма засвидетельствована в северной части южных говоров, а также в некоторых средневеликорусских на восток от Москвы.

§ 84. Различны по говорам могут быть формы деепричастий прошедшего времени. В литературном языке эти деепричастия в глаголах с основой инфинитива на гласный звук оканчиваются на *-в* (фонетически на *-ф*) или на *-вши* (фонетически *-фши*). Такую форму эти деепричастия имеют также в большинстве северных говоров. Но в южных говорах, а также в южной полосе северных говоров (например, во Владимирской области) это деепричастие обычно оканчивается на *-мшы*, например: *взя́мшы, сня́мшы, пúмшы, ёмшы* и т. д.

Наши деепричастия развились из старых действительных причастий, потерявших склонение и изменение по родам и числам. Формы, отразившиеся в литературном языке и в большинстве говоров, являются

более архаическими, чем формы на *-мшы*. Толчком к образованию последних послужили формы типа *вземъ, снемъ, вземши, снемши*. Подобные формы встречаются в памятниках. Здесь *м* относилось к глагольному корню (ср. ***снять — снимý, взять — возьмý*** и т. д.). Поскольку представление о связи его с глагольным корнем было утрачено, оно, в результате переразложения, было отнесено к суффиксу.

§ 85. В некоторых говорах (например, в некоторых псковских) в страдательных причастиях теряются различия в формах рода и числа. Причастие при этом выступает обычно в форме, соответствующей форме мужского рода литературного языка. Ср., например, ***сено свезен, корова напоен***. Эта форма употребляется и в страдательно-безличном обороте (подробнее о нем см. дальше): *корóву съеден; у йево афцý взят*. По говорам страдательное причастие может выступать и в форме, соответствующей нашей форме среднего рода, но также без согласования.

Это явление исторически представляет собой, повидимому, явление, подобное образованию деепричастий из старых действительных причастий (последнее явление охватило все говоры русского языка). В древности склонялись и изменялись по родам и числам как действительные, так и страдательные причастия. На протяжении истории русского языка краткие действительные причастия утратили склонение и изменение по родам и числам, превратившись в неизменяемую форму — деепричастие. Краткие же страдательные причастия в большинстве говоров утратили лишь склонение, но сохранили изменение по родам и числам. В некоторых говорах процесс пошел дальше, и краткие страдательные причастия также утратили изменения не только по падежам, но и по родам и числам.

В некоторых говорах (именно псковских) наблюдаются формы деепричастий совершенного вида типа *взялши*, представляющие, повидимому, результат контаминации (взаимодействия) между формой деепричастия на *-ши* и формой прошедшего времени на *-л*. Это взаимодействие является, возможно, результатом того, что как наше современное деепричастие совершенного вида, так и прошедшее время на *-л* представляют собой по происхождению формы причастий прошедшего времени (только деепричастия восходят к склоняемым формам причастий, а прошедшее время восходит к формам, которые уже в древнейших памятниках не склонялись, а лишь изменялись по родам и числам). С другой же стороны, в рассматриваемых говорах деепричастие может употребляться как сказуемое (см. следующий параграф), что увеличивает точки соприкосновения между деепричастием и прошедшим временем глагола.

В области деепричастий наблюдаются по говорам и другие образования аналогического типа. Так, в некоторых говорах (например, в некоторых псковских) наблюдаются формы деепричастия совершенного вида, оканчивающиеся на *-тшы* (например, *взя́тшы* — „взявши“), представляющие собой результат контаминации (соприкосновения) форм страдательного и действительного причастий (из последнего и образо-

вались исторически деепричастия вообще в русском языке) прошедшего времени.

§ 86. Последний вопрос, который должен быть рассмотрен в связи с глаголом, имеющий отчасти морфологическое, а отчасти синтаксическое значение,— вопрос об использовании деепричастных форм в качестве сказуемого. В некоторых говорах деепричастие прошедшего времени (совершенного вида) используется как сказуемое, причем имеет особое значение, отличное от значения прошедшего времени глагола, которое в этих говорах также используется. Деепричастия, употребленные как сказуемое, выражают состояние, являющееся результатом законченного в прошлом действия, т. е. имеют значение, близкое к значению перфекта, который свойственен был как особое время древнерусскому языку так же, как и старославянскому. Так, например, *Он пришóдчи* означает не просто „Он пришел“, что было бы выражено обычным прошедшим временем, но „Он пришел и (в результате этого) находится здесь“. *Он ушóдчи* означает не просто „Он ушел“, а „Его сейчас нет, так как он ушел“.

Для выражения значения, соответствующего значению старого перфекта, используется деепричастие в большей части говоров с нулевой связкой, т. е. без вспомогательного глагола. Впрочем, в некоторых говорах (именно в некоторых говорах на территории Карело-Финской ССР) при деепричастии может стоять вспомогательный глагол настоящего времени, например: *Самовáр е поспéфшы* — „Самовар поспел (т. е. готов)“.

Рассматриваемое деепричастие может сочетаться и с прошедшим временем вспомогательного глагола, например, можно сказать: *Он был пришóдчи*. Это сочетание имеет значение плюсквамперфекта, т. е. выражает результат, отнесенный не к настоящему, а к прошлому, о котором идет речь. Так, например, предложение „Я был дома, так он *не был ушóдчи*“ означает: „В то время, когда я был дома, он еще не ушел (т. е. еще был дома)“.

Деепричастие, используемое как сказуемое, обычно имеет непереходное значение, т. е. употребляется в тех случаях, когда выражает состояние или действие, не направленное на объект. Различие переходности и непереходности глагола в русском языке, как известно, может быть выражено отсутствием и наличием возвратной частицы *-ся* (глаголы с *-ся* все непереходные, при них нет прямого объекта, выраженного винительным падежом). Поскольку выражение различия переходности и непереходности для деепричастий, употребленных как сказуемые, не играет роли (раз они всегда выражают непереходность), постольку эти деепричастия всегда употребляются без возвратной частицы, хотя бы глагол, от которого они образованы, имел ее. Так, например, *Три яйца поколофшы* означает „Три яйца раскололись“, а не „Кто-то расколол три яйца“.

Деепричастие как сказуемое используется главным образом в западной части северных русских говоров, а также и в некоторых других местах. Употребляется оно также и в некоторых переходных и южных говорах, но распространение этого явления на территории южного русского наречия изучено еще недостаточно.

Ударение

§ 87. Выше мы говорили о наблюдающихся по говорам различиях в характере ударения. Существенные различия наблюдаются также в месте ударения. В некоторых случаях они касаются отдельных слов. Так, например, слово *ручей* в одних говорах имеет ударение на последнем слоге, как и в литературном, т. е. *ручéй*, в других же говорах на первом слоге, т. е. *рýчей*. Последнее известно как в некоторых северных, так и в некоторых южных говорах.

В говорах крайнего севера широко распространено ударение на начальном слоге в сложных словах (в литературном языке в таких словах ударение обычно падает на второй член сложения), особенно в местных названиях. Так, например, на р. Кýлой, впадающей в Баренцово море к западу от Мезени, имеются такие населенные пункты, как *Чúжгора, Хéрполье, Сóвполье* и даже четырехсложное *Кáрьяполье*. В литературном языке и в большинстве говоров в сложениях с *-полье* ударение падает на первый слог этого элемента, например, *Краснопóлье, Миропóлье*. Населенный пункт, расположенный у впадения Пинеги в Северную Двину, *Усть-Пинега* произносится на месте *ýс'п'ин'га* (часто даже с редукцией до нуля безударного гласного в соседстве с сонорным *н*). Это начальное ударение, возможно, обусловлено воздействием соседних угрофинских языков, имеющих ударение на начальном слоге.

Но особое значение имеют различия в ударении, связанные с определенными морфологическими категориями.

В 1-м склонении (к которому относятся существительные главным образом женского рода на *-а*) в литературном языке часть существительных имеет постоянное ударение, часть же существительных характеризуется подвижным ударением, причем в именительном падеже единственного числа и в большинстве косвенных падежей ударение — на окончании, а в винительном падеже единственного числа и в именительном падеже множественного числа — на корневом слоге, например: *ногá — нóгу — нóги, рукá — рýку — рýки, зимá — зúму — зúмы* и т. д. В некоторых же существительных ударение на конечном слоге во всех формах единственного числа, а во множественном числе — на корневом слоге, например, *соснá — соснý — сóсны*. В говорах в подобных случаях часто наблюдается постоянное ударение в ед. ч., причем в одних оно падает во всех формах на окончание, а в других во всех формах на корневой слог. Ср. в одних говорах винительный падеж единственного числа *рукý, ногý, зимý, сторонý*, в других же, например, *зúма, сóсна* (а также другие косвенные падежи, например, *к зúме*).

Распространение форм с ударным окончанием больше характерно для южных говоров, с ударным же корневым слогом — для северных.

Во 2-м склонении ряд существительных мужского рода имеет в косвенных падежах единственного числа ударение на окончании, другие же существительные сохраняют на протяжении склонения постоянное ударение. Ср., с одной стороны, *волк* — род. п. *вóлка* и т. д.,

с другой стороны, *стол* — род. п. *столá* и т. д. В говорах может наблюдаться ударение на окончании в косвенных падежах и в таких словах, где в литературном языке ударение постоянное, например: *волкá, волкý* и т. д. Может по говорам наблюдаться ударение на окончании и во множественном числе (в тех случаях, когда в литературном языке оно падает на корень), например: *волки́, вóры́* (ср. литературное *вóлки, вóры*). Конечное ударение наблюдается в южных говорах, а также на западе. Находим мы его и в белорусском языке.

Следует заметить, что формы с постоянным и подвижным ударением по говорам дают очень пеструю картину и границы распространения того и другого ударения могут быть различны для разных слов.

В литературном языке существительные мужского рода с суффиксом *-ак* имеют ударение на окончании в косвенных падежах единственного числа и во всех формах множественного числа. Ср. *рыбáк — рыбакá — рыбаки́* и т. д. По говорам наблюдается в словах этого типа сохранение ударения на суффиксе, особенно во множественном числе, например: *рыбáки, моря́ки*. Это, в частности, наблюдается в говорах Поволжья.

Для многих глаголов в литературном языке характерно ударение на конечном слоге в инфинитиве и в 1-м лице единственного числа настоящего (или простого будущего) времени при ударении на предпоследнем слоге в остальных формах настоящего (простого будущего) времени. Ср., например, *колóть — колю́ — кóлешь* и т. д., *коси́ть — кошý — кóсишь* и т. д., *люби́ть — люблю́ — лю́бишь* и т. д. По говорам широко распространено для этих глаголов постоянное ударение. Оно может падать (в одних говорах) на конечный слог, например: *кошý — коси́шь, варю́ — вари́шь* и т. д., но может падать (в других говорах) и на предпоследний слог, по крайней мере в формах настоящего (простого будущего) времени. Очень часто последнее совмещается с утратой чередований в основе. Ср., например, *прóсю — прóсишь* (при возможном по говорам также *просю́*), *любю́ — лю́бишь* и т. д.

Постоянное ударение в соответствии с литературным подвижным особенно широко распространено в глаголах на *-ить*.

Отличия в ударении от норм литературного языка, наблюдающиеся по говорам, большей частью представляют собой результат позднейших исторических процессов, именно выравнивания основы. Но часто в говорах, напротив, отражаются более древние формы сравнительно с литературным языком.

СИНТАКСИС

§ 88. В синтаксическом отношении русские говоры изучены меньше, чем в отношении фонетическом и морфологическом. Но тем не менее и в этом отношении могут быть указаны черты, отличающие говоры от литературного языка, и некоторые из этих

черт имеют повсеместное распространение, характеризуют также живой разговорный язык районов, прилегающих к Москве, и, вероятно, характерны и для самого старого живого московского говора, а отсутствуют лишь в литературном языке как языке в первую очередь письменном. Другие же черты носят специфически местный характер, охватывают лишь определенные говоры, для этих черт можно указать территорию их распространения.

Синтаксические особенности, не связанные с какой-либо специальной территорией, в значительной части случаев характеризовали в древности и литературный язык, вследствие чего мы находим их и в древнерусских памятниках. В последних, впрочем, отражаются и некоторые такие черты, которые в настоящее время занимают определенную территорию. При этом, судя по памятникам, некоторые из таких явлений в древности были распространены шире, чем теперь.

§ **89.** Широко распространено в говорах согласование во множественном числе при подлежащем, выраженном единственным числом существительного, имеющего собирательное значение, например: *Народ все собрались. Народ все на грабку ходят* (вологодская запись). *Бригада работают' на таку́* (воронежская запись) и т. д.

Такое согласование широко было распространено в древнерусских памятниках. Употребляется оно и у Пушкина, повидимому, в качестве стилизации под народную речь, например в „Сказке о рыбаке и рыбке“:

Вкруг ее стоит грозная *стража*,
На плечах топорики *держат*.

В говорах мы находим ряд случаев такого употребления падежей и падежей с предлогами, которое отсутствует в литературном языке, но также широко было распространено в древних памятниках. Так, например, встречается сочетание винительного падежа с предлогом *подле* или *о* для выражения пространственных отношений (именно в значении нахождения или движения рядом с чем-то, около чего-то), например: „Поедете *подле реку́*“ (архангельская запись); „Мужы́к да ба́ба жы́ли *о реку́*, о саму р’ê ц’ку“ (запись в Карело-Финской ССР). Такое употребление предлогов *подле* и *о* с винительным падежом мы находим и в древнерусских памятниках. В данном случае трудно сказать, как географически распространены такие обороты (более детальное изучение синтаксиса говоров дало бы возможность точнее определить границы распространения).

Очень широко употребляется в говорах винительный падеж с предлогом *по* в значении цели (в литературном языке в этом случае выступает творительный падеж с предлогом *за*). Ср., например: *итти по́ воду, итти по грибы́, по я́годы, сбегай по председателя* (вместо „сбегай за председателем“). В литературном языке подобные обороты чаще всего используются как стилизация под народную речь, и то в очень ограниченном числе случаев (так, например, в литературном языке никогда не будет употреблено, если только

автор не стремится передать специально диалектную речь какого-нибудь действующего лица, сочетание винительного падежа с предлогом *по* для выражения одушевленного объекта). В говорах рассматриваемый оборот, по крайней мере, в некоторых сочетаниях (главным образом *по ягоды, по грибы, по воду*), отмечается едва ли не повсеместно, но широко распространен он, охватывая самые разные сочетания, именно в северных говорах.

Можно указать и много других синтаксических конструкций, чуждых или мало свойственных литературному языку, но широко распространенных в самых различных говорах, так что для многих из этих явлений трудно указать точные границы их распространения.

§ 90. Наряду с такими синтаксическими явлениями, которые имеют едва ли не повсеместное распространение, можно указать конструкции, территория которых более или менее четко определена и при современном состоянии диалектологических исследований.

Среди таких конструкций следует прежде всего назвать страдательно-безличный оборот, очень широко употребляющийся по говорам, порой в таких случаях, когда в литературном языке он совершенно невозможен. Сказуемым этого оборота является безлично употребленное страдательное причастие. Такой оборот вообще есть и в литературном языке (например: *сказано — сделано*). Но существенное отличие его в говорах состоит в том, что, во-первых, страдательное причастие, функционирующее как сказуемое этого оборота, может быть образовано не только от переходного (как в литературном языке), но и от непереходного глагола; во-вторых, иначе, чем в литературном языке, выражается действователь, если он есть. Кроме того, наблюдаются еще некоторые особенности, различные в разных говорах.

Наиболее обычно выражение действователя посредством родительного падежа в сочетании с предлогом *у*, например: *У волков тут идено* — „Тут шли волки"; *У него уехано удить* — „Он уехал удить"; *У трактора тут проехано* — „Тут проехал трактор" и т. д. Страдательное причастие имеет здесь совершенно определенное временное значение — оно выражает состояние, представляющее собой результат законченного в прошлом действия: *У волков тут идено* означает не просто „Тут шли волки", а „Шли волки и оставили след, который существует и теперь"; *У него уехано удить* означает „Он уехал удить, и теперь его нет дома" и т. д., т. е. значение этого оборота в общем такое же, как рассмотренного выше деепричастия прошедшего времени, употребляемого как сказуемое (см. выше, § 86), — значение старого перфекта. Подобно деепричастию, страдательное деепричастие в безличном обороте может сочетаться и с прошедшим временем вспомогательного глагола (например, *было идено, было проехано* и т. д.), выражая в этом случае плюсквамперфектное значение, т. е. значение состояния, отнесенного к прошлому и являющегося результатом еще более раннего действия.

Рассмотренный выше оборот охватывает значительную часть северных говоров, именно их центральную часть и крайний север.

Эту конструкцию знают и некоторые новгородские, вологодские и архангельские говоры и русские говоры восточной части Карело-Финской ССР.

В некоторых говорах действующее лицо при страдательном обороте может быть выражено несколько иначе, а именно родительным падежом в сочетании с предлогом *от*, например: „Да *от соседа принесено*, и в онбаре жевёт, я его не просила — сам принёс" (запись Боровического района Новгородской области) — речь идет о кролике, которого принес сосед. Выражение действователя при страдательном обороте как личном, так и безличном подобным способом широко было распространено в древнерусском языке, а по традиции держалось еще в литературном языке XVIII в. например: „Был всегда *от брата обеспокоин*" (Ломоносов, Краткий российский летописец).

Обычно такой оборот в нашем старинном литературном языке рассматривают как результат старославянского влияния. Но есть данные, говорящие за то, что подобная конструкция могла быть свойственна издавна и народной русской речи.

Особенностью рассматриваемого оборота является то, что выступающее в качестве сказуемого страдательное причастие может иметь при себе прямой объект, выраженный винительным падежом, что по нормам литературного языка невозможно. Примеры: *У волков тут корову jйдено* — „Тут волки корову ели"; *У меня руку сломано* и т. п.

Бесспорные случаи прямого дополнения, выраженного винительным падежом, это такие, когда в дополнении (подобно только что приведенному примеру) существительное, оканчивающееся на *-а*, так как только эти существительные могут иметь винительный падеж, заведомо отличный от именительного. В других же случаях часто бывает неясно, имеем ли мы дело с винительным падежом прямого дополнения при страдательно-безличном обороте, или же при страдательном причастии стоит именительный падеж, выражающий подлежащее, но отсутствует согласование, т. е. страдательное причастие стоит в среднем роде единственного числа независимо от того, в каком роде и числе стоит подлежащее, и мы имеем дело не со страдательно-безличным оборотом, а с личным предложением (отсутствие согласования между подлежащим и сказуемым также возможно). Так, например, такие случаи, как „*ножик* в подпол *кинуто*", „*Перчатки* на руках *надето*", можно понять двояко: 1) „ножик" и „перчатки" могут являться прямыми дополнениями к „кинуто", „надето" (подобно тому, как выше „корову" являлось прямым дополнением к „jидено"); 2) „ножик" и „перчатки" могут являться подлежащими этих предложений, но являющееся сказуемым этих предложений страдательное причастие не согласуется с подлежащим (страдательное причастие имеет тенденцию терять согласование и превращаться в неизменяемую форму). Повидимому, наличие прямого дополнения в винительном падеже характерно не для всех говоров, где распространен страдательно-безличный оборот.

Есть случаи заведомой утраты согласования в страдательном обороте: к ним относятся, во-первых, такие, когда со страдательным причастием сочетается вспомогательный глагол в прошедшем времени, причем последний согласуется с подлежащим, тогда как страдательное причастие не согласуется, например: *Мне от товарищей были письма послано* (Карело-Финская ССР); во-вторых, такие случаи, когда страдательное причастие постоянно выступает не в среднем, а в мужском роде единственного числа (вспомогательный глагол, если он есть, и в этом случае согласуется с подлежащим), например: „Ваша деревня у фашистов *сожжон*" (Лужский район Ленинградской области), „ У Марьи Ивановны *было наношен и складен* сено" (Лядский район Псковской области). И даже в заведомо безличном обороте: „Делай так, как у меня *сказан*" (там же).

Как уже было сказано выше, страдательно-безличный оборот употребляется в том же значении, в каком употребляется деепричастие как сказуемое (см. выше, § 86). Встает вопрос, употребляются ли оба эти оборота в одном и том же говоре. Такие говоры вообще существуют, но в сравнительно небольшом количестве (в качестве примера можно указать некоторые говоры Владимирской, Новгородской, Псковской областей). Однако в большинстве соответствующих говоров эти обороты взаимно исключают друг друга, т. е. в говоре или не представлен ни один из этих оборотов, или только один. При этом территория страдательно-безличного оборота охватывает в основном центральную и восточную части северных наших говоров, а также крайний север, деепричастие же в роли сказуемого — главным образом западную часть северного наречия, а также, как уже было сказано, встречается и за пределами северных говоров. В западной же части северных говоров, а также в западной части переходных говоров распространена утрата согласования со страдательным причастием.

§ 91. Широко распространено в говорах, но также в определенных территориальных границах, употребление именительного падежа (вместо ожидаемого винительного) от существительных на *-а* в качестве прямого дополнения при инфинитиве, например: *Надо косить трава*, *Пошол топить баня, Надо лодка смолить* и т. д. Речь идет именно о существительных, оканчивающихся на *-а*, так как только они в русском языке имеют специальную форму винительного падежа, отличную от других падежей (следы особой формы винительного падежа имеются по говорам и в других словах, но в этих говорах нет рассматриваемой конструкции).

Иногда встречается именительный падеж существительных на *-а* не только при инфинитиве, но и при личных формах глагола, т. е. говорят, например: *косил трава, топил(а) баня, смолил лодка*, но такие обороты встречаются сравнительно редко, наряду с ними всегда имеется сочетание именительного падежа на *-а* с инфинитивом. Повидимому, такие конструкции имеют позднейшее происхождение, они, повидимому, развились по аналогии к сочетаниям с инфинитивом.

Употребление именительного падежа существительных на *-а* в качестве прямого дополнения к инфинитиву распространено в большей части северных говоров, кроме южной их части (например, владимирских говоров), в западной же части эта конструкция заходит дальше на юг, вторгаясь в область переходных говоров (например, в псковских говорах). В древности эта конструкция охватывала еще более широкую область, в XVI в., например, она встречалась и в московских памятниках. Вообще же это оборот очень древний, мы его встречаем и в еще более ранних русских памятниках из различных мест, но именно северной полосы, восходит он, повидимому, к очень далеким доисторическим временам, возможно к той эпохе, когда инфинитив еще не определился окончательно как глагольная форма. Инфинитив, как известно, по происхождению представляет собой отглагольное существительное, потерявшее склонение, именно застывший в неизменяемой форме дательный (а по мнению некоторых лингвистов, местный) падеж существительного типа *кость* (в древнерусском языке он оканчивался на *-ти*, например, *ходи́ти*, *проси́ти* и т. д., в литературном языке сохранилось это *-ти* лишь под ударением, например, *нести́*, в случае же безударного окончания гласный редуцировался до нуля, вследствие чего в большинстве случаев у нас инфинитив оканчивается на *-ть*, фонетически *-т'*, в северных же говорах кое-где сохранилась и форма, оканчивающаяся на безударное *-ти*, например: *ходи́ти*). Можно думать, что в древности в рассматриваемом обороте существительное было не дополнением, а подлежащим, инфинитив же (по происхождению дательный падеж существительного) представлял собой дополнение, выражавшее цель, т. е. конструкция типа *трава косить* имела значение „трава для кошения".

§ 92. Иной, чем в литературном языке, вид могут иметь по говорам конструкции с предикативным наречием *надо*. В литературном языке *надо*, как и более книжная форма *нужно* (поскольку последняя форма является специально книжной, получившей широкое распространение лишь в языке интеллигенции, о ней в применении к говорам речи быть не может), употребляется в качестве сказуемого безличного предложения, причем от него зависит обычно прямое дополнение в винительном падеже, например: *Мне надо шапку*, *Тебе надо корзинку*, *Мне тебя надо* и т. д. Наречие *надо* (по происхождению оно представляет собой сочетание предлога с существительным *на добѣ* от *доба* — „польза", в говорах может иметь различную форму — *на́до, на́доб, на́о, нап, на́доть*) во многих говорах может вступать в такие же конструкции, как и в литературном языке. Но в некоторых говорах оно сочетается с именительным падежом существительного или местоимения, выражающего тот предмет, надобность которого выражается говорящим, т. е. является сказуемым личного, а не безличного предложения (подлежащим же является указанный выше именительный падеж). В этих говорах распространены такие обороты, как „*Ры́пка* к пра́зьнику *на́да*"; „Пастуху́ *па́лка на́да*"; „Тут рука́м ня взя́ть, тут *на́да конь хоро́ший*";

„Мне *мужы́к ня на́да*“ и т. д. Все приведенные примеры взяты из записей, сделанных в различных районах Псковской области (говоры Псковской области являются средневеликорусскими). Встречается такая конструкция и кое-где за пределами Псковской области, именно на территории северных говоров (например, кое-где в Ярославской, Вологодской, Архангельской областях, а также дальше на восток).

§ 93. В литературном языке довольно часто употребляется для подчеркивания того или иного члена предложения частица *то* (на нее никогда не падает ударение, поэтому фонетически она почти всегда звучит *тъ*, и иногда лишь перед паузой близко к *та*), например: „А сам-*то* ты там был“. „Подай мне книгу-*то*“. Такая частица употребляется в русском языке повсеместно, принимая различные фонетические формы. В акающих говорах она или звучит так же, как в литературном языке, с редуцированным гласным (*тъ*), часто же (чаще, чем в литературном языке), особенно перед паузой,— с *а* (*та*). В окающих (или окавших в недавнем прошлом) говорах может в результате сужения безударного *о* в *у* принимать форму *ту*, например: „Заходи в *дом-ту*“ (но может и сохранять гласный *о*).

В некоторых говорах эта частица, будучи употреблена в сочетании с существительным или прилагательным, имеет тенденцию согласовываться с последним (т. е. с тем членом предложения, для выделения которого она употребляется). При этом при существительном мужского рода единственного числа именительного падежа выступает форма *-от* (изредка *тот*), при существительном женского рода именительного падежа — *-та*, при существительном среднего рода именительного и винительного падежей — *-то*, при винительном падеже единственного числа женского рода — *-ту*, при именительном падеже множественного числа — *-те, -ти, -ты*. При различных других косвенных падежах чаще употребляется форма *-ту*. Примеры: „Стари́к-*от* карау́лил, му́ш-*от* е́йный“; „Ча́с-*от* прошо́л“; „Лис-*от* (лист-*от*) роспу́ститсе“; „Жга́ный-*от* лес“; „Вон там дом-*тот*“; „Только плох-*тот* лес“; „Хто́ — стару́ха-*та*? так она́-*та*, ма́тка-*та* оста́лась“; „фсё-*то* поколи́нье тако“; „На вре́мя-*то*“; „Пей молоко́-*то* с куско́м“; „Шу́бу-*ту* не пошлю́“; „Во́сень-*ту*“; „Контракта́цию-*ту* пла́тят“; „Стару́хи-*ты* уци́ли“; „Бра́тья бы́ли у на́с, е́того мужья́-*ты*“; „Стёкла да ра́мы-*те* фсе вы́било“ (Карело-Финская ССР). В некоторых случаях обнаруживается просто тенденция фонетического уподобления этой частицы конечному слогу предшествующего слова, например: „меня́-*та*“, „до́ма-*та*“ и т. д.

Согласуемая частица распространена едва ли не повсеместно в северных говорах (а частью также в переходных). В южной части северных говоров, где *о* в безударных слогах (кроме первого предударного) изменяется в редуцированный гласный (а в конечном безударном слоге, особенно перед паузой, в *а*), при именительном падеже единственного числа мужского рода частица является в форме *-ат* (вместо *-от*), например:, „Ста́рш-*ат* сын“ (старший-*то* сын).

По происхождению эта частица развилась из указательного местоимения *тот, та, то* (в литературном языке и в южных гово-

рах закрепилась в качестве неизменяемой частицы форма именительного-винительного падежа единственного числа среднего рода). Различные согласуемые формы ее представляют собой по происхождению различные падежные формы этого местоимения. Форма мужского рода *-от* происходит из старой формы именительного-винительного падежа единственного числа мужского рода этого местоимения *тъ* (такая форма была свойственна древнерусскому языку так же, как старославянскому — см. курс старославянского языка). Поскольку частица фонетически объединяется с предшествующим словом как бы в одно слово, с одним общим ударением, в таком древнерусском сочетании, как, например, *домъ-тъ* (редуцированный гласный *ъ*, как уже было сказано выше, см. § 10, был свойствен древнерусскому языку так же, как старославянскому), первое *ъ* было в сильном положении и вследствие этого должно было впоследствии измениться в *о*, второе же *ъ* было в слабом положении и должно было исчезнуть (об условиях сильного и слабого положения *ъ* см. курс старославянского языка). Поэтому сочетание *домъ-тъ* изменилось в *дом-от* (гласный, являвшийся концом существительного, вошел в состав частицы).

Ввиду того что по своему употреблению согласуемая постпозитивная частица кое в чем напоминает определенный член (или артикль) западноевропейских языков, а также некоторых балканских (немецкое *der*, *die*, *das*, французское *le*, *la*, английское *the*,болгарское *ът*, *та*, *то* и т. д.), эта частица часто употребляется при таком слове, которое уже упоминалось, следовательно, может иметь определяющее значение, некоторые лингвисты называют ее „постпозитивным членом" (т. е. „после ставящимся членом"; имеется в виду, что в противоположность западноевропейским языкам, где член препозитивный, т. е. стоит перед определяемым им словом, у нас эта частица ставится после того слова, к которому относится; впрочем, в болгарском языке член стоит, подобно нашей частице, после того слова, к которому относится). Но нужно иметь в виду, что нет ни одного русского говора, где бы эта частица достигла той степени обязательности употребления, какая характеризует западноевропейские языки и болгарский; что и в тех говорах, где она употребляется, она не только придает значение „определенности" тем словам, при которых стоит, но часто просто подчеркивает тот или иной член предложения; что, наконец, и в тех говорах, где частица эта имеет согласование, очень часто употребляется частица *то*, *та*, *ту* в несогласуемой форме, в некоторых же говорах переходной полосы наблюдается согласование исключительно фонетического порядка (т. е. частица содержит гласный, одинаковый с гласным конечного слога предшествующего слова). Поэтому лучше называть рассматриваемую частицу просто постпозитивной частицей (т. е. „частицей, ставящейся после"), а не постпозитивным членом.

§ 94. По говорам наблюдается своеобразное употребление частиц и союзов. Так, например, в ряде северных говоров наблюдается употребление частицы *да* в конце предложения, например:

„Куды не поглядя́, везде лес кругом *да*“ (Архангельская обл.); „Ткнул я в столо́п носком косой, и коса лопнула, у самого носка *да*“ (Ленинградская обл.). Частица *да* имеет в этих случаях заключительный оттенок значения, как бы заключает, закрепляет высказанную мысль.

В таком же значении и также в некоторых северных говорах может употребляться частица *дак, дък, дык* (в различных фонетических разновидностях), например: „По обе́м сторонам ри́ц'ки сенокóс *дък*“ (Вологодская обл.); „Оно жарко в избы *дък*“ (Архангельская обл.); „У иных все сгорело; на работе вот были *дак*“ (Архангельская обл.).

В значении частицы *и* в северных говорах также может стоять в конце предложения, выражая усилительное значение, например: „Не могу на рыбы глядеть *и*“ (Архангельская обл.).

Союз *да*, употребляющийся при однородных членах и в литературном языке, по говорам может занимать другое место в предложении (сравнительно с литературным языком), а именно стоять не перед вторым однородным членом, а после однородного члена, первого или второго, например: „А мы тоже это напекём *да*, стря́пам“ (Архангельская обл.) — запятая указывает на паузу; „Приј'ихал домой, заболел *да*“ (Архангельская обл.). „И я думала сходить, поглядить *да*“ (Архангельская обл.).

Может ставиться *да* и после каждого из однородных членов, а также может повторяться дважды при одном однородном члене, т. е. стоять и перед ним и после него, например: „Много доцёк: в Онеге *да*, в Ленинграде *да*“ (Архангельская обл.); „... *да* я-то восемнатцять годиков была прикована у сохи, *да* пахала, *да* пахала *да*“ (Архангельская обл.).

Сложный союз *да и* также может в говорах (и именно в северных) употребляться при однородных членах и при однородных группах членов в предложении, причем также стоит после соответствующего члена, а в некоторых случаях и перед этим членом и после него, например: „Состряпают наливушки *да и*, молоком помажут *да и*, *да и* дают *да и*“ (Архангельская обл.). В сложно-сочиненном предложении *да и* стоит после каждого из соединяемых предложений, например: „...у нас есь *да и*, за цетыре версты есь *да и*, за три́дцять вёрс есь *да и*“ (Архангельская обл.).

Употребление союза *и* в некоторых северных говорах во многом подобно употреблению союза *да*. „Соху ныне *и* ладит, *и* ладит *и*“ (Архангельская обл.). „Рядом под окном *и* грибы *и*, *и* ягоды *и*, *и* рыба *и*“ (Ленинградская обл.).

Союз *а*, выражающий ослабленное противопоставление, также может в говорах стоять после однородных членов и дважды повторяться при одном и том же члене, например: „Да ты Марью за руку возьмешь *а*, *а* сам уйдешь *а*“ (Архангельская обл.).

Возможно, что частицы и союзы имеют своеобразное употребление и в южных говорах, но южные говоры, как уже было сказано, в синтаксическом отношении изучены недостаточно.

§ 95. Весьма разнообразные формы по говорам может иметь фразовая интонация. Весьма разнообразным может быть в различных говорах изменение высоты голосового тона на протяжении предложения. В литературном языке, как известно, различие предложений в зависимости от цели высказывания внешне выражается в первую очередь интонационными средствами. Так, предложение вопросительное характеризуется резким повышением тона голоса на слове, несущем на себе логическое ударение. В повествовательном предложении, напротив, каждая группа членов, отделенная от другой паузой, характеризуется движением тона снизу вверх, конец же предложения характеризуется понижением тона. В некоторых говорах картина совсем иная. Сильное повышение тона (т. е. движение его снизу вверх) на слове, несущем логическое ударение, наблюдается не только в вопросительном, но в любом предложении. При этом как ударный слог этого слова, так и конечный слог перед паузой может протягиваться, например: „А он уж уехал вози́ть“ — логическое ударение несет слово *возить*; на нем наблюдается сильное повышение тона на протяжении ударного гласного *и* с небольшим падением в конце; гласный *и* вместе с тем протягивается. Это придает речи так называемую „певучесть“. Вместе с тем на людей, говорящих на литературном языке или на говоре, не знающем такой интонации, любое предложение производит впечатление вопросительного.

Такая интонация характерна главным образом для некоторых говоров севера — вологодских, архангельских. Впрочем, и там она свойственна не всем говорам. Следует, однако, иметь в виду, что интонационные отношения говоров изучены очень недостаточно.

ЛЕКСИКА

§ 96. В лексическом отношении говоры до сих пор изучены очень недостаточно. Правда, собран довольно большой сырой материал по словарному составу различных говоров (составлены, в значительной части еще в дореволюционное время, различные областные словари, имеются замечания по лексике в некоторых описаниях отдельных говоров, к сожалению, очень немногих), но обобщающих работ до сих пор почти не было.

Рассматривая лексические особенности говоров, все равно, имеем ли мы в виду лексику какой-нибудь определенной местности или лексику, отличающую всю совокупность русских говоров (или по крайней мере большинство их) от литературного языка, необходимо принять во внимание то обстоятельство, что словарный состав говоров, как продукт целого ряда эпох, складывался на протяжении многих веков, вследствие чего мы находим в нем напластования, восходящие к различному по своему появлению времени. Так, например, по говорам широко распространена (несколько по-разному в разных говорах оформленная) очень богатая и детализированная терминология, характеризующая семейные отношения. При помощи этой термино-

логии можно выразить такие степени родства и свойства́, которые в литературном языке мы, если это требуется, можем выразить лишь описательно. Ср. такие слова, как *тесть*, *зять*, *свекровь*, *золовка* — „сестра мужа“, *невестка* — „жена брата или сына“, *сноха* — „жена сына“ (еще понятные, но мало употребительные в литературном языке), *шурин* — „брат жены“, *деверь* — „брат мужа“ (относительно которых мы уже колеблемся в точном определении их значения), *сват*, *сватья*, *большуха* (в значении „старшая невестка“); в некоторых говорах *братишка* и *сестренка* не просто как уменьшительные от *брат* и *сестра*, а в специальном значении „двоюродного брата“ и „двоюродной сестры“, в некоторых же говорах *братан* в значении „двоюродный брат“. Эти детализированные названия восходят к эпохе родового строя, когда важно было выразить самые отдаленные степени родства и свойства́. Пережитки родового строя долго оставались в деревне в быту, долго существовала большая неделенная семья, в жизни которой и важно было, кого звать *большухой* и т. п. О древности терминов родства и свойства́ свидетельствует и тот факт, что, занимая особое место в составе словарного запаса говора, они и в морфологическом, а отчасти и в фонетическом отношении отступают от общей системы говора. Так, например, *зять*, *шурин*, *деверь*, *сват*, *сын* имеют особые формы множественного числа (см. выше), *свекровь* по говорам является единственным примером особого архаического типа склонения им. пад. ед. ч. (*свякры*), *деверь*, содержавший в древности в корне *ѣ*, имеет иногда *и* (т. е. звучит *диверь*) и в таких говорах, которые вообще не знают *и* на месте *ѣ* в положении перед мягкими согласными. Все эти термины, как уже сказано, сложились в глубокой древности но, вероятно, не в одну и ту же эпоху. Можно думать, что возникновение таких, например, терминов, как *братишка*, *сестренка*, относится к позднейшему времени.

В настоящее время часть этих терминов начинает выходить из употребления и в деревенском обиходе.

Детализированы названия для предметов, имеющих или имевших в прошлом определенное хозяйственное значение. Так, например, по говорам весьма детализированы названия для различных возрастных групп лошадей. Жеребёнок, сосущий мать, называется *сосу́н;* жеребёнок по второму году — *стригу́н*, *стригá*ч, *страгу́н*, эти названия, различно оформленные, но являющиеся производными от одного и того же корня, распространены по разным говорам; лошадь по третьему году — *боро́нка*, в некоторых говорах *борноволо́к:* в этом возрасте лошадь запрягают в борону.

Лексика из всех элементов языка наиболее подвижна: „... словарный состав языка, — говорит И. В. Сталин, — как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения...“ [1]. Поэтому, хотя основной словарный фонд является

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 24.

очень устойчивым, и „может быть с успехом использован в течение ряда исторических периодов“[1], „словарный состав языка изменяется... путём пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов“[2]. Особенно большое количество новых слов, выражающих новую, передовую технику и новые общественно-политические отношения, стало проникать в русский общенародный язык и его диалекты после Великой Октябрьской социалистической революции. „Словарный состав русского языка,— говорит И. В. Сталин,— изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение...“[3]. Эти новые слова и новые значения их повсеместно распространяются в говорах. Нет такого угла в нашей стране, где не были бы известны такие слова, как *трактор*, *комбайн*, *сельсовет*, *колхоз*, *ферма*, *МТС*, *бригада*, *бригадир* и т. д. И если на первых порах эти слова подвергались иногда, попадая в говор, некоторым искажениям как на основе фонетических норм соответствующего говора, так и в силу ошибочного осознания говорящими этимологических связей этих слов, то в наши дни они имеют такую же форму, как и в литературном языке.

Поэтому, когда мы говорим о лексических отличиях говоров от литературного языка, мы имеем в виду с т а р ы й лексический слой, унаследованный говорами от глубокой древности, центральное место в котором занимает основной словарный фонд языка. Правда, с изменением техники производства, с развитием передового по своей технике социалистического хозяйства, с развитием новых общественных отношений теряется необходимость в выражении многих старых понятий, забываются слова, выражавшие эти понятия. Но тем не менее, в силу достаточной устойчивости своей эти старые слова не сразу выходят из употребления.

В некоторых случаях в говорах сохраняются очень старые слова, служащие для выражения таких понятий, потребность выражать которые существует и теперь. Они некогда существовали и в том говоре, который лег в основу литературного языка, но в литературном языке их вытеснили другие слова. Так, например, в словарном составе литературного языка играют известную роль с л а в я н и з м ы. В некоторых случаях славянизмы в силу длительного

---

[1] И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 25.
[2] Т а м ж е.
[3] Т а м ж е, стр. 6.

употребления церковнославянского языка в определенных жанрах нашей письменности даже вытеснили старые русские слова и употребляются в том самом значении, в каком употреблялись в древности последние. Мы говорим *вред* вместо старого *вéред* (полногласная русская форма), *сладкий*, *время* (вместо старого *верёмя*) и т. д. В говорах же кое-где сохранились старые русские формы, иногда в другом значении, чем употребляемые в литературном языке старославянские по происхождению формы, а иногда и в том же самом значении. Так, в говорах употребляется форма *солóдкий* (русская полногласная форма, соответствующая по значению нашему *сладкий*). В несколько ином значении, чем литературные *вред* и *бремя*, употребляются в говорах полногласные формы *вéред* и *берéмя*.

Литературные формы имеют более общее, отвлеченное или переносное значение, указанные же формы из говоров — значение вполне конкретное: *вéред* означает „нарыв, болячку", *берéмя* — „ношу, охапку" (например „беремя дров").

§ 97. Для многих слов, отличающих говоры от литературного языка, трудно указать точные географические границы их распространения. Но многие слова определенно свойственны тому или иному говору, той или иной группе говоров.

Таковы, например, слова, относящиеся к различным особенностям местного ландшафта. Так, например, на крайнем севере и северо-западе, где много рек, озер, болот и лесов, мы находим в большом количестве слова, выражающие различные понятия, связанные с этими особенностями ландшафта: *лáхта* — „бухта", *сáлма* — „пролив" (в говорах Карело-Финской ССР), *лýда* (в говорах Карело-Финской ССР „подводный камень" или „камень, выступающий из воды", в говорах по С. Двине и Пинеге „высокий, каменистый берег"), *лы́ва* — „низкое, топкое место, поросшее кустарником" (в говорах крайнего севера), *рáда* — „болото", *вóрга* — „лесная охотничья дорожка", *пýтик* — „лесная охотничья тропа", а также — до революции — „участок в лесу для охоты, принадлежащий одной семье" (в говорах Пинеги). Поскольку на крайнем севере сообщение в летнее время поддерживается преимущественно по рекам, вдоль которых расположены и населенные пункты (пространства между реками заняты непроходимыми летом вследствие большого количества болот лесами), там широко распространено древнее название *вóлок*, первоначально в значении сухопутного пути между двумя близко подходящими друг к другу реками, а затем вообще в значении сухопутной дороги, хотя бы пролегающей между двумя точками на берегу одной и той же реки, делающей в этом месте изгиб. Специально в южных говорах распространено такое слово, как *верх*, *вершина* в значении „овраг", „низ", „глубокая продольная яма". На севере эти слова в таком значении неизвестны. Овраги, как мы знаем, характерны именно для нашего южного ландшафта. В черноземной полосе России они с давних пор являются бичом земледельца. В настоящее время, в условиях социалистического государства, с ними ведется решительная борьба.

Очень дифференцирована и носит специфический характер для разных местностей терминология, связанная с различными местными промыслами, например, с охотой, рыбной ловлей, рубкой леса и сплавом на севере.

§ 98. В качестве примера слов, имеющих определенное географическое распространение, можно привести следующие, сгруппировав их по значению.

Сильно могут разниться в различных говорах названия животных (домашних и диких), птиц. Так, в литературном языке как название самого общего по значению характера употребляется слово *лошадь*. Наряду с этим употребляется и слово *конь*, но с особым оттенком значения (в языке поэтическом или в значении боевого, верхового коня). Слово *лошадь* распространено не во всех русских говорах, а именно в южных, а также в южной части северных. В основной же массе северных говоров распространено слово *конь*. Поскольку *лошадь*, как известно, принадлежит к женскому роду, а *конь* — к мужскому, некоторые думают, что различие между этими названиями выражает различие пола. Но это неверно. Грамматический род первоначально совсем не был связан с полом. И слова *лошадь* в южных говорах, *конь* в северных употребляются в самом общем значении, для обозначения любой особи соответствующего вида, независимо от ее пола. Если нужно обозначить специально особь женского пола, то в говорах, употребляющих слово *конь*, скажут *кобыла*. Если нужно обозначить особь специально мужского пола, то в говорах, употребляющих слово *лошадь*, скажут *жеребец* или *мерин* (последнее, если речь идет о кастрированном животном).

В литературном языке употребляется слово *петух*, этимологически производное от глагола *петь*. Это же слово, а также другое слово, также производное от глагола *петь* — *певун* — распространены в северных говорах. В южных же говорах в этом же значении употребляется слово совсем другого корня — *кочет*. Кое-где это слово заходит и в северные говоры, но недалеко от их южной границы (например, употребляется в некоторых говорах Владимирской области). Интересно, что в украинском языке употребляется слово, близкое к нашим северным говорам, — *півень*, также производное от глагола *петь*, в корне которого в древности было *ѣ* (ср. укр. *співати* — „петь").

В литературном языке употребляется слово *волк*. Оно повсеместно распространено на севере, а также в большей части южных говоров. Но кое-где на юге в значении „волк" употребляется слово *бирюк*. Иногда это последнее слово имеет специальное значение, обозначая не „волка вообще", а специально „матерого волка".

Различаются по говорам названия костюма, особенно женского, так как мужской костюм раньше подвергся влиянию города (впрочем, в послереволюционные годы выходят из употребления и старые женские костюмы, сменяясь городским платьем, во многих местах старый костюм живет лишь в воспоминаниях, да образцы его хранятся в сундуках у старух). Так, например, если на севере женщины носят

(или носили прежде) *сарафа́н*, — то на юге — *понёву* — (им. п. ед. ч. *панёва*, *пане́ва*, *понёва*, с различным произношением в зависимости от фонетических норм говора; кое-где *поне́ва* заходит и на север, причем произносится в этом случае с безударным *о*, что указывает на этимологическое *о* в этом слове; на него же указывает и ударное *о* в производном слове *по́нька*).

Различаются по говорам названия дома и его частей, различных построек, имеющих хозяйственное значение. Так, например, наиболее широко распространенным для деревенского дома названием является *изба́*. Она известна и на севере и на юге. Впрочем, в некоторых говорах *изба́* имеет более узкое значение: в значении жилого строения в целом (особенно в значении большой — так называемой „пятистенной избы“) употребляется слово *дом* (наличное и в литературном языке), *изба́* же употребляется в значении „комната в доме“. В южных же говорах, часто наряду с *избой*, а иногда и исключительно, употребляется в значении жилого крестьянского дома *ха́та*. Некоторые лингвисты прямо считают, что собственно южным русским названием деревенского дома является *ха́та*. Но это неверно. Широко и на юге распространена *изба́*. *Ха́та* принадлежит собственно украинскому языку и в южные русские говоры проникает частью оттуда.

Помещение наверху над домом называется на севере *черда́к* (это слово свойственно и литературному языку), на юге же — *потоло́к*. В значении „забора“ во многих северных говорах (например, новгородских, валдайских и др.) употребляется слово *тын*. В южных говорах это слово неизвестно.

Разные названия по говорам имеет помещение для сушки снопов — в одних говорах *ови́н*, в других — *ри́га*.

Различаются названия домашней утвари. Так, например, для вынимания горшков из печи на севере служит *ухва́т* (это слово свойственно и литературному языку), этимологически производное от глагола *хвата́ть*, на юге же — *рога́ч* (фонетически, конечно, *раγа́ч*), получивший название по своему внешнему виду, или *ёмки*, этимологически производное от глагола *има́ть* — „хватать, ловить“.

На севере для черпания воды служит *ковш*, а на юге — *корёц*. Для замешивания теста на севере служит *квашня́* и различные производные от этого корня, например, *квашо́нка*, а на юге — *дежа́* и различные производные, например, *дёжка*.

Различаются по говорам названия сельскохозяйственных орудий. Здесь, впрочем, необходимо иметь в виду, что речь идет о старой земледельческой технике, которая в настоящее время вытеснена передовым механизированным способом обработки земли. Старинные орудия уже вышли из употребления, лишь кое-где можно отыскать образцы их, во многих случаях забываются самые названия их, молодежь во всяком случае уже их не помнит, да и старики порой начинают путаться, если речь идет не об орудии в целом, а о различных деталях его. Для вспахивания земли в старину на юге

и на севере служила *соха́*, а на севере же частью *косу́ля*. Последнее слово знал как северянин и употреблял Некрасов. Ср.:

Приподнимая *косулю* тяжелую,
Баба поранила ноженьку голую...

Различаются по говорам названия земельных угодий. Так, например, в северных говорах в значении „луг" широко распространено слово *по́жня* (производное от глагола *жать, жну*). В южных говорах это слово неизвестно. Слово *пожня* часто встречается и в древнерусских северных памятниках. Некоторые ученые думают, что оно первоначально обозначало не только „луг", но и „поле". Но это не достоверно.

Для удобрения полей на юге употребляется *навоз* (это слово известно в том же значении и в литературном языке), на севере же — *позём* или *назём* (в корне беглый гласный, род. п. *назьма́* или *назьму́*) — значение то же, что „навоз".

Различаются и самые названия сельскохозяйственных процессов. Так распространенный в литературном языке глагол *паха́ть* (в значении вспахивания земли) известен в основном южным говорам. На севере же в этом значении распространен глагол *ора́ть*. Следует сказать, что в некоторых говорах, именно в южной полосе северных говоров (например, во Владимирской и Ярославской областях), оба глагола, и *паха́ть* и *ора́ть*, сосуществуют, но в несколько различном значении: глагол *ора́ть* употребляется только, когда землю подымают заново. В северных говорах, где в применении к обработке земли существует только глагол *ора́ть*, употребляется и *паха́ть*, но совсем в другом значении, а именно в значении „мести пол".

Глагол *паха́ть* в значении „пахать землю" в настоящее время под влиянием литературного языка все шире распространяется в говорах, вытесняя старинное *ора́ть* там, где оно ранее существовало. Так, например, в Юрьевецком районе Ивановской области *орать* отмечено как старое слово, сейчас уже не употребляющееся. В некоторых местностях на вопрос о том, употребляется ли слово *орать* (в применении к обработке земли), отвечают: „В старину сохами (или косулями) орали".

О более широком распространении в древности глагола *орать* в значении „пахать" говорит, например, и такой факт, что в рязанских говорах, где вообще распространен глагол *паха́ть*, употребляется существительное *орь* в значении „лошадь", по происхождению производное от *орать* (лошадь в старину рассматривалась как животное, предназначенное в первую очередь для пашни).

В литературном языке для обозначения процесса разрыхления вспаханной земли (перед посевом или после посева) употребляется глагол *борони́ть* (производный от существительного, обозначающего орудие, употребляющееся для этой цели, — *борона*). Этот же глагол распространен и в северных говорах (в части северных говоров употребляется глагол того же корня, но иначе оформленный —

бороновáть). В южных же говорах употребляется в том же значении глагол *скородить* (с разным ударением в различных говорах — *скорóдить, скородúть*). В некоторых же южных говорах употребляется в том же значении глагол *волочить*. Это слово распространено главным образом в рязанских говорах. Оттуда оно, с одной стороны, проникает на север, в смежные владимирские говоры, с другой же стороны, на юг, в тамбовские говоры, и дальше, в область Дона.

В значении „грести сено" употребляется в одних говорах глагол *грабить*, а в других *трясти*, причем *грабить* распространено повсеместно в северных говорах, а *трясти* повсеместно в южных.

Лен и коноплю в одних говорах *дергают*, а в других *берут*, причем *дергают* главным образом на севере, а на юге *берут*. Впрочем, эти термины в территориальном отношении довольно неустойчивы.

Некоторые слова, различающиеся по говорам, не связаны специально с какой-нибудь производственной или бытовой сферой. Так, например, в говорах крайнего севера распространено слово *порáто* в значении „очень", „много". Значительно шире по северу распространено слово *баскóй* в значении „красивый, хороший" (может быть и с другим ударением — *бáской*). Оно встречается кое-где и во владимирских говорах, т. е. совсем недалеко от южной границы северного наречия. Употребляются по северным говорам и существительные и наречия того же корня: *басá* в значении „краса, красота", *баскó* или *бáско* в значении „хорошо", *бáше* в значении „лучше".

§ 99. Говоря о различии слов по говорам, необходимо принимать во внимание и особенности в словообразовании. Бывает, что очень близкие друг другу слова в различных говорах имеют различное оформление с словообразовательной точки зрения. Мы это видели уже выше на примере *боронить — бороновать*. Но в данном случае оба различных оформления одного и того же корня принадлежат северным говорам. В некоторых же случаях особое оформление свойственно каким-нибудь определенным в географическом отношении говорам, северным или южным.

Так, например, по говорам широко распространен суффикс *-ня́к* (с ударением на нем) в словах, служащих для обозначения леса по виду деревьев, составляющих его: *дубня́к, ивня́к, сосня́к, ельня́к* и т. д. В некоторых случаях этот суффикс употребляется и в литературном языке (например, *дубняк, ивняк*), в других же случаях у нас служит суффикс *-ник* (например, *ельник*). Этот суффикс с согласным *к* на конце в основном распространен на юге. На севере же в некоторых говорах этот суффикс выступает с звонким согласным на конце, т. е. имеет форму *-няг: ельня́г, сосня́г, ивня́г* и т. д. Впрочем, наличие звонкого согласного показывают в большинстве случаев лишь косвенные падежи (например, род. п. *ельнягá, соснягá, ивнягá*), поскольку на конце слова в большинстве говоров звонкие согласные оглушаются, вследствие чего в именительном падеже и на севере обычно звучит *ельня́к, сосня́к, ивня́к*.

Лишь в немногих говорах, где звонкость согласных на конце слова сохраняется, звучит *ельня́г, сосня́г, ивня́г*.

Точно так же в суффиксе существительных женского рода *-ика*, употребляющемся в названии ягод (например, *землянйка, чернйка, клубнйка*), на севере часто является *г*, например: *землянйга, чернйга, клубнйга*.

§ 100. Рассматривая различие слов по говорам, особенно таких слов, которые выражают различные предметы материальной культуры (постройки, одежду, орудия труда и т. д.), необходимо строго разграничивать такие случаи, когда речь идет лишь о разных словах, выражающих один и тот же предмет, и такие случаи, когда различны в разных говорах не только слова, но и самые предметы, обозначаемые этими словами. Так, например, *конь* и *лошадь* обозначают один и тот же предмет. Точно так же один и тот же предмет обозначают *петух* и *кочет*. Но, например, *сарафан* и *понева* обозначают различные предметы. Форма старинной женской одежды на севере и на юге разная. *Понева* — это клетчатая верхняя юбка, из-под которой выходит рубаха. *Сарафан* — верхняя женская одежда без рукавов (из-под него выходят рукава рубахи).

Как уже было сказано, в старину пахали в одних местах *сохо́й*, в других — *косулей*. И здесь дело не только в различии слов, но и в различии предметов. Косуля имеет иную форму, иначе устроена, чем соха.

В значительной части северных говоров (например, в вологодских, в архангельских) распространено слово *горбу́ша*, обозначающее орудие для косьбы сена. Но было бы ошибочно думать, что в этих говорах *горбуша* употребляется в том же значении, в каком в более южных говорах *коса*. *Горбуша* имеет особое устройство — это короткая коса с кривой рукояткой, ею надо косить наклонившись (все равно, как жать серпом). В последнее время на севере распространяется и обычная коса. Ее называют *сто́йка* (так как ею можно косить стоя, не нагибаясь).

Широко по говорам распространено слово *ови́н*, обозначающее помещение для сушки снопов. В своем первоначальном значении, большей частью и теперь сохранившемся, *овин* обозначал не всякое помещение, а помещение с печью для сушки. Из этого видно, что слово употреблялось только в более северных районах, где есть необходимость в искусственной просушке снопов. Следует иметь в виду, что в разных местностях *овин* может иметь различное устройство. Наиболее примитивная форма его — помещение без печи, но с ямой, где разводят огонь, с настилом над ней для снопов. Но слово *овин* распространяется (повидимому, в более поздние времена) и в более южные районы, где обозначает также помещение для снопов, но уже без печи. В данном случае наблюдается явление, обратное рассмотренному выше: при одном и том же с л о в е два разных п р е д м е т а. Что касается до *ри́ги*, то это название распространено вперемешку с *ови́ном* и обозначает обычно, хотя и не всегда, помещение для сушки снопов с печью. Есть указания на то,

что *рига* больше распространена на юге (хотя часто это слово встречается и на севере). Но вряд ли на юге *рига* является исконной. На юге она в первую очередь являлась принадлежностью помещичьего обихода. Следует заметить, что слово этого корня встречается также в балтийских и прибалтийско-финских языках (ср. литовск. *rejà*, латышск. *rija*, финск. *riihi*), что указывает на первоначальное распространение слова в районе Балтийского моря и, следовательно, скорее указывает на наши северные, а не южные говоры.

§ 101. Изучение распространения слов и их употребления по разным говорам позволяет во многих случаях не только определить современное положение вещей или, точнее, состояние недавнего прошлого (поскольку в настоящее время, как уже было сказано, многие старые названия забываются), но и дает очень много интересного для раскрытия истории отдельных слов, начало которой теряется в глубокой доисторической древности и которая имеет большое значение для выяснения общих закономерностей развития языка.

Некоторые слова в древности имели иные границы распространения, чем теперь, некоторые же имели в древности иное значение, чем в современном языке.

Как уже было сказано выше, *понёва* в качестве женской одежды распространена на юге, а *сарафан* — на севере. Но есть основания думать, что прежде *понёва* была распространена шире и заходила дальше на север, чем теперь, в некоторых местностях она была вытеснена сарафаном (новая форма одѐжды принесла и новое слово). Но в некоторых северных говорах (именно в новгородских) *понёва*, *по́нька* сохранилось в значении „плохая, старая одежда“ (новая форма одежды считается более совершенной). В некоторых местностях сарафан проник в деревню из города и вытеснил понёву (в старину сарафан носили и в городах).

Как было сказано выше, название *конь* распространено на севере, а *лошадь* — на юге. В настоящее время лошадь проникает и на север, по крайней мере в более южную полосу северных говоров. Есть основания думать, что слово *конь* в древности было распространено и на юге. Это можно сказать хотя бы на основании изучения подзывных, т. е. слов, употребляющихся для подзывания различных домашних животных и птиц. Подзывные вообще весьма разнообразны и представляют большой интерес. Порой в основе их лежат слова междометного характера, но очень часто мы можем вскрыть в них и слова предметного значения, хотя во многих случаях и в более или менее сильно видоизмененной форме. Широко распространен подзыв (*тпрухонь*, *тпрухоня*, *тпруγонь*, *тпрухонь*, *тпруко*, иногда просто *пк*), в составе которого, возможно, содержится в некоторых случаях подвергшееся различным фонетическим изменениям и редукции слово *конь*. Интересно, что этот подзыв широко распространен в настоящее время в разных южных говорах, где вообще употребляется слово *лошадь*, а не *конь*. Возник этот подзыв, вероятно, в те времена, когда здесь вообще было в употреблении слово *конь*. Интересно, что перво-

начальное значение настолько забылось, что подзыв *тпруконь*, *тпруко* в настоящее время в большинстве говоров употребляется для подзыва не лошадей, а коров.

Впрочем, эти подзывные формы допускают и иное объяснение. Возможно, что к первоначальному подзывному слову присоединяется частица *-ко*, а затем уменьшительно-ласкательный суффикс, в результате чего возникают формы типа *тпру-ко, тпру-ко-нька* и т. п., повергающиеся затем различным фонетическим преобразованиям.

В некоторых южных говорах, как уже было сказано, употребляется слово *бирю́к* в значении „волк". Можно думать, что в древности это слово было распространено шире (в географическом отношении). Это слово могло употребляться не только в прямом, но и в переносном значении (как, впрочем, едва ли не любое слово языка). В последнем случае оно обозначало угрюмого, нелюдимого человека (ведь и мы иногда такого человека называем *волком*). Интересно, что в некоторых говорах сохранилось только это переносное значение, но не основное. Ср., например, у Тургенева: „Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый" (примечание автора к рассказу „Бирюк" в „Записках охотника"). Но переносное значение не могло возникнуть само по себе, без того, чтобы в этих говорах не существовало некогда и основное значение.

Наречие *лони́сь* или *лони́* (в последнем случае без элемента *-сь* указательно-местоименного происхождения) — „в прошлом году" распространено в настоящее время в северных говорах. Некогда оно было известно, повидимому, и на юге. На него указывает распространенное в некоторых южных говорах (рязанских, тамбовских и др.) производное существительное *лонча́к* в значении „жеребенок по второму году" (т. е. „родившийся в прошлом году"). В других говорах в этом значении употребляется *стригу́н* или другие слова, производные от этого корня.

Некоторые названия животных, птиц, а также производственных процессов сменили некогда другие, более древние названия в силу существовавших в древности словесных запретов, т. е. запретов на определенные слова. Название животного, играющего большую роль в хозяйственной жизни, в особенности животного, являющегося предметом охоты у охотничьих племен, поскольку слово, по представлениям древних людей теснейшим образом связывается с обозначаемым им предметом, подвергается запрету, его нельзя произносить в определенных условиях (например, готовясь к охоте), а иногда и вообще. Но поскольку существует необходимость называть этот предмет, прибегают к иносказанию, замещают старое название новым словом.

Так, например, у нас на севере в некоторых местах раньше считалось запретным название *медведь*. Вместо этого употреблялось или более общее название *зверь* или иносказательное *хозяин* (имеется в виду, что медведь является хозяином леса). Возможно, что и самое название *медведь*, связанное с *медом* (медведь, как

известно, любит мед), в свою очередь когда-то сменило более раннее название также вследствие словесного запрета и являлось первоначально иносказательным названием. Впоследствии, когда старое слово было совсем забыто, иносказательное название стало основным, и потребовалась новая замена.

Также слово *петух* или *певун*, являясь иносказательным (название птицы по ее деятельности), могло заменить в силу подобного же словесного запрета другое, более древнее название.

Производственный термин *пахать*, распространенный в основном в южных говорах, возможно, тоже является словом в переносном значении, сменившим более древний термин в силу запрета, который у племен земледельческих мог накладываться в древности на термины, связанные с сельскохозяйственным производством. В древнем языке слово *пахати* означало „махать“, „веять“, ср., например: „Из тучи выступиша кровавые облока, а из них *пашуть* синие молньи“ („Слово о Задонщине“). Это слово могло быть использовано в переносном значении для обозначения процесса вспахивания земли.

§ 102. На протяжении многовековой своей истории русский язык сталкивался и скрещивался с многочисленными языками, порой очень далекими от него. При скрещивании двух языков, до победы социализма в мировом масштабе один язык побеждает. „Правда, при этом,— говорит И. В. Сталин,— происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счёт побеждённого языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его“.

„Так было, например,— продолжает И. В. Сталин,— с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счёт словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык“ [1].

Следует заметить, что в различные русские говоры в процессе этих скрещиваний проникали слова из разных языков в различной степени.

В северных говорах мы находим некоторое количество слов, заимствованных из угрофинских языков. В первую очередь это относится к словам, передающим особенности местного ландшафта. Ср., например, приведенные выше: *са́лма* финск. salmi „пролив“, *ла́хта* финск. laahti „залив“, *лу́да* финск. luoto „скала“. Ср. также вологодское *мя́нда* — „сосна, сосновый лес“, финск. mänty.

В южных говорах, напротив, мы встречаем заимствования из тюркских языков. Заимствованным оттуда является, например, характерное для южных говоров *лошадь;* из тюркских же языков идет слово *бирюк* „волк“.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 30.

ОСНОВНЫЕ НАРЕЧИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ГРУППИРОВКА РУССКИХ ГОВОРОВ

§ 103. При всем разнообразии русских говоров можно объединить их на основании общности некоторых черт в немногие основные наречия, а также определить основные группы говоров внутри этих наречий. Но нужно иметь в виду, что принятая в настоящее время в диалектологии группировка, выработанная еще в дореволюционное время, отражает определенный этап в развитии науки и в настоящее время нуждается в серьезной переработке. Диалектологические исследования последнего времени, доставившие более полные сведения о говорах, показывают, что при установлении этой группировки не всегда были приняты во внимание наиболее существенные черты, поскольку многие явления, изученные за последнее время, оказались нарушающими установленные границы. Однако, ввиду того, что обширная работа, предпринятая по составлению диалектологического атласа русских говоров, еще далека от окончания, пока еще преждевременно строить новую группировку. А поскольку в диалектологической литературе постоянно используются термины, связанные со старой группировкой, необходимо с этой группировкой познакомиться.

В основу подразделения русского языка на наречия и группы говоров положены были в первую очередь некоторые фонетические черты, к которым добавлены лишь отдельные (очень немногие) особенности морфологического порядка. Это объясняется, во-первых, тем, что синтаксис и лексика говоров в прошлом, как уже было сказано, были изучены крайне недостаточно, да и теперь еще имеющиеся в этом отношении пробелы далеко не заполнены. Во-вторых, русский язык представляет собой очень тесное единство, говоры русского языка гораздо ближе друг к другу и к литературному языку, по сравнению, например, с говорами любого западноевропейского языка (хотя бы немецкого, французского, итальянского), вследствие чего при изучении различий говоров в первую очередь выступают именно различия фонетического порядка.

Русский язык подразделяется на два основных наречия — с е в е р н о е и ю ж н о е, между которыми довольно узкой полосой с северо-запада на юго-восток тянутся образующие переход между ними среднерусские переходные говоры. Наречия эти принято называть

севернорусским и южнорусским или (и эти термины чаще употребляются в диалектологической литературе) северновеликорусским и южновеликорусским. Эти последние термины приняты для того, чтобы избежать смешения с терминами севернорусское и южнорусское наречия в применении к древнейшей эпохе исторического развития русского языка, поскольку совокупность древневосточнославянских наречий, на основе которых сложился русский язык, образовывала древнерусский язык.

В связи с этим и переходные говоры, т. е. говоры, образующие переход между северновеликорусским и южновеликорусским наречиями, называют обычно средневеликорусские говоры.

В западной части средневеликорусских и южновеликорусских говоров мы находим говоры, содержащие некоторые белорусские черты и образующие как бы переход к белорусскому языку. Такие говоры занимают достаточно обширные районы. По южной границе южновеликорусского наречия встречаются русские говоры, содержащие некоторые украинские черты. Но в отличие от территории, пограничной с белорусским языком, где мы не находим резко прочерченной границы между белорусским и русским языками, граница, отделяющая русский язык от украинского, на большем своем протяжении может быть четко отмечена, и лишь в немногих районах мы встречаем русские говоры, как бы образующие переход к украинскому языку.

Северновеликорусское наречие

§ 104. Северновеликорусское наречие охватывает северные и восточные районы Европейской части СССР и уходит за Урал, в Сибирь. Последняя в диалектологическом отношении изучена пока очень недостаточно. Поскольку русское население Сибири представляет собой потомков выходцев из Европейской России, притом из различных частей ее, мы находим там самые различные говоры как северные, так и южные. Но следует иметь в виду, что первоначальная колонизация Сибири шла из северных областей, поэтому говоры так называемого старожильского населения Сибири в основном северные. Южные говоры там позднейшего происхождения.

Южная граница северновеликорусского наречия вытянута с северо-запада на юго-восток по линии Псковское озеро (сам Псков остается к югу, т. е. за пределами северновеликорусского наречия) — Калинин — Клин, далее проходит немного севернее Москвы (около Загорска), затем идет на восток, проходя немного южнее Мурома Владимирской области, Арзамаса и Сергача Горьковской области, повертывает к югу, проходит немного восточнее Пензы и выходит к Волге севернее Камышина (т. е. к югу от Саратова).

Северновеликорусское наречие определяется в первую очередь тремя основными чертами, общими всем его говорам. Две из этих черт фонетические (одна — в области гласных, одна — в области согласных) и одна морфологическая. В области гласных все северно-

великорусское наречие характеризует *оканье*, т. е. различение гласных *о* и *а* не только под ударением, но и в безударном положении (подробнее об оканье см. выше, § 23). В области согласных все северновеликорусское наречие характеризуется *г* взрывным. В некоторых северных говорах возможно, как было сказано выше, и γ фрикативное, но лишь в определенных условиях (в окончании родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода местоимений и прилагательных или вообще в положении между гласными), вне же этих условий и в этих говорах *г* взрывное (см. § 45).

В морфологическом отношении северновеликорусское наречие характеризуется твердым *-т* в окончании 3-го лица настоящего (простого будущего) времени глаголов. Как уже было сказано, в некоторых северных говорах возможно и *-т'* мягкое, но лишь в 3-м лице множественного числа глаголов I спряжения. Но наряду с ним в других случаях (например, в единственном числе, во множественном числе II спряжения) и здесь представлено *-т* твердое.

К этим основным чертам присоединяют еще некоторые, из которых одни имеют повсеместное распространение, другие же, хотя и не повсеместны, но характеризуют именно северные говоры, а на юге или совсем не встречаются, или встречаются редко.

Так, из фонетических черт повсеместно на севере распространена утрата *j* в положении между гласными и последующее стяжение гласных (см. § 55).

В значительной части северных говоров, хотя и не везде, изменяется *а* в *е* между мягкими согласными (см. § 19).

В большей части северных говоров (но не везде) наблюдается ц о к а н ь е (см. § 48).

Специально на севере, но не повсеместно, встречается изменение твердого *л* в *ў* неслоговое в положении перед согласными и на конце слова (см. § 53).

Специально для северных говоров характерна утрата конечного *-т* в сочетании *-ст* (см. § 59).

В морфологическом отношении все северные говоры характеризуются окончанием *-а* после мягких согласных в родительном, винительном падеже единственного числа местоимений личных и возвратного (см. § 68).

Специально в северных говорах наблюдаются различные формы творительного падежа множественного числа, отступающие от литературного языка (см. § 77).

В синтаксическом отношении специально северной чертой, хотя и не повсеместно распространенной, является употребление именительного падежа единственного числа существительных на *-а* в качестве прямого дополнения при инфинитиве (см. § 91).

Для северных говоров является характерным, хотя также не повсеместно распространенным страдательно-безличный оборот в соответствии по значению с личным оборотом литературного языка и других говоров (см. § 90).

Повсеместно в северных говорах распространено употребление согласуемой постпозитивной частицы (см. § 93).

Северновеликорусское наречие характеризуется также рядом лексических особенностей, наличием ряда слов, которым в южном наречии соответствуют другие слова в том же значении. Но, как мы видели, многие типично южные слова заходят и на север, и, обратно, многие типично северные слова заходят на юг.

Нужно сказать, что и распространение морфологических явлений тоже в некоторых случаях не совпадает с границами двух основных наших наречий. Так, например, деепричастие на *-мшы* *(пимшы, емшы, сделамшы)* вообще характерно для южных говоров. Но оно заходит и на север, во владимирские говоры.

Группировка северных говоров

§ 105. В пределах северновеликорусского наречия имеется много различных говоров. На основании общности некоторых черт, наличных в разных говорах, их можно объединить в несколько основных групп. В основу подразделения северных говоров по группам в диалектологии положен в первую очередь один признак, имеющий отчасти лишь историческое значение, а именно — звуки, являющиеся в тех или иных говорах на месте древнего *ѣ*. Уже это указывает на неудовлетворительность этой классификации. Правда, к этому основному признаку присоединяют и некоторые другие. Но прежде всего отнесение говора к той или иной группе решается именно на основании того, какие звуки в тех или иных условиях являются на месте *ѣ*. Следует сказать, что даже с точки зрения этой черты принятое в диалектологии определение вызывает известные возражения.

Согласно принятому делению все северновеликорусское наречие подразделяется на пять групп говоров. Внутри каждой группы имеется много различных говоров, но обо всех них в элементарном курсе говорить не место. Эти группы носят следующие названия: 1) поморская; 2) олонецкая; 3) западная, или новгородская; 4) восточная, или вологодско-кировская; 5) владимирско-поволжская.

§ 106. Поморская, или северная, группа охватывает крайний север Европейской части СССР. Поморские говоры распространены по побережью Белого моря, на восток от Выгозера и на север от Онежского озера, по нижнему течению Онеги и Северной Двины, а также в пространстве между ними, по нижнему течению Пинеги, а также в бассейне рек Ку́лой, Мезе́нь и Печо́ра.

В фонетическом отношении поморская группа характеризуется наличием закрытого *ê* под ударением на месте старого *ѣ* в положении как перед твердыми, так и перед мягкими согласными, например: *лêс*, *звêр'*. На конце слова на месте *ѣ* обычно наблюдается *и*, например: *на столи́*. Это объясняется, как известно, не фонетическими, а морфологическими причинами.

В положении между мягкими согласными *а* изменяется в *е*, например: *гр'ес'* — „грязь“, *п'ет'* — „пять“, *пр'ен'ик* — „пряник“.

Повсеместно распространено *цоканье*.

Перед согласными и на конце слова *л* твердое сохраняется без изменений.

В морфологическом отношении поморские говоры характеризуются разнообразными окончаниями творительного падежа множественного числа — *-мы*, *-ма*, реже *-м* (т. е. форма, совпадающая с дательным падежом); довольно часто встречается также *-ми*, окончание, соответствующее литературному языку (подробнее о соответствующем окончании см. выше, § 77).

Родительный падеж единственного числа мужского и среднего рода местоимений и прилагательных характеризуется окончанием *-ого* с *г* взрывным, также *-оо* (совсем без согласного), редко *-оγо* с γ фрикативным (см. подробнее § 73).

§ 107. Олонецкая группа охватывает в основном русские говоры на территории Карело-Финской ССР. На севере она граничит с поморской группой, на западе ее граница является в то же время границей русского языка, на юге граница группы идет приблизительно по р. Свири от Ладожского озера до южной оконечности Онежского озера, повертывает после этого на юг, а затем на восток, пересекает р. Вытегру севернее Белоозера, поворачивает на северо-восток, проходит немного западнее г. Каргополя и выходит на р. Онегу к северу от озера Лаче, после чего идет по течению Онеги до границы поморских говоров.

Фонетические особенности говоров олонецкой группы следующие.

На месте старого *ѣ* в части говоров под ударением является *ê*, закрытое как перед твердыми, так и перед мягкими согласными, в части же говоров (именно в восточной — на восток от Онежского озера) перед мягкими согласными является *и*, например: *хлêб*, но *звир'*. В предударном положении на месте *ѣ* обычно является *е* перед твердыми согласными и *ê* закрытое перед мягкими согласными, например: *река́*, но к *рêкé*.

На конце слова, по крайней мере в части олонецких говоров, на месте *ѣ* является *и*, например: *на столи́*, *гди*.

В части олонецких говоров (именно в западной) наблюдается изменение *л* твердого в *ў* неслоговое в положении перед согласными и на конце слова, например: *па́ўка*, *сто́ў*.

В морфологическом отношении в части олонецких говоров (именно в западной — на запад от Онежского озера) наблюдается окончание родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода местоимений и прилагательных с γ фрикативным, т. е. *-оγо*. В восточной части олонецких говоров здесь *г* взрывное, т. е. *-ого*.

Остальные черты в олонецких говорах в основном общие с поморскими.

В отдельных олонецких говорах наблюдаются еще следующие явления.

Фрикативное γ вместо *г* взрывного является вообще в положении между гласными, например: *мно́γо*, *поγо́с* — „погост", но *го́рот* — „город".

Родительный и дательный-предложный падежи единственного числа женского рода прилагательных твердой разновидности имеют окончание *-ей* после твердого согласного, например: *другэ́й, золотэ́й*.

3-е лицо множественного числа глаголов I спряжения оканчивается на *-т'* мягкое (см. выше, § 78).

В говорах Заонежья (так называются мысы на северо-западном побережье Онежского озера), которые представляют собой говоры сравнительно недавно обрусевшего карельского населения, наблюдается передвижение ударения на один слог к началу слова, связанное с дифтонгизацией ставшего в результате этого передвижения ударным гласного, например: *по́ашла* — „пошла́", *н'и́асу* — „несу́". Это явление объясняется наличием постоянного ударения на начальном слоге в карельском и финском языках.

§ 108. Западная, или новгородская, группа охватывает говоры наиболее западной части территории, занятой русским языком, т. е. главным образом говоры Ленинградской и Новгородской областей. Западная граница группы является в то же время границей русского языка (в северной части с финским, в южной — с эстонским и латышским языками). Южная граница является в то же время южной границей северновеликорусского наречия в целом. На севере новгородская группа граничит с олонецкой (эта граница описана выше). Восточная граница идет от соединения с границей олонецких говоров на юго-запад, пересекает р. Тихвинку к востоку от г. Тихвина, повертывает затем к юго-востоку, выходит к р. Мологе, к юго-западу от г. Устюжны, а затем идет почти прямо на юг до границы средневеликорусских говоров.

Основные фонетические особенности этой группы следующие.

На месте старого *ѣ* в любом положении является *и*, например: *с'и́но* — „сено", *л'ис* — „лес", *зв'ир'* — „зверь", *гд'и* — „где", *в го́род'и* — „в городе". Впрочем, встречаются в западной группе и говоры, содержащие *ê* закрытое на месте *ѣ*.

В положении между мягкими согласными *а* обычно сохраняется, например: *гр'ас'* — „грязь".

В части говоров распространено цоканье, в части же говоров *ц* и *ч* различаются. Повидимому, это различение сравнительно недавнего происхождения, на что указывает цокающий характер определенных грамматических форм, именно деепричастие на *-чи*, которое здесь оканчивается на *-цы*, например: *ушо́тцы*.

В морфологическом отношении говоры характеризуются совпадением форм дательного и творительного падежей множественного числа в одной форме с окончанием *-м* (см. выше, § 77).

Родительный падеж единственного числа мужского и среднего рода прилагательных и местоимений оканчивается на *-ово* (*-ево*), например: *кра́сново*, *моево́*.

§ **109.** Восточная, или вологодско-кировская, группа охватывает обширную территорию в центральной части северновеликорусского наречия. Восточную границу ее определить трудно, так как говоры этой группы идут за Урал, в Сибирь, последняя же, как уже было сказано, в диалектологическом отношении изучена недостаточно. На севере восточная группа граничит с поморской, на западе — с олонецкой и западной группами. Южная граница восточной группы начинается у р. Мологи, к юго-западу от г. Устюжны, идет по течению Мологи, местами отступая от нее к югу, до Волги, затем — вниз по течению Волги до Юрьевца Ивановской области, после чего идет, оставляя Волгу к югу, почти по прямой линии на Козьмодемьянск (Марийской АССР), вновь следует на небольшом протяжении по течению Волги, от Чебоксар (Чувашской АССР) идет на восток, оставляя к югу от себя Казань, пересекает Каму у впадения р. Вятки, затем уходит прямо на восток, через Урал, в Сибирь. Во многих пунктах (именно в восточной ее части) эта граница намечена предположительно ввиду отсутствия достаточно точных сведений о говорах соответствующих районов.

Основные фонетические черты, характеризующие говоры восточной группы, следующие.

На месте старого *ѣ* под ударением в положении перед твердыми согласными произносится в одних говорах *е*, большей частью закрытое, т. е. *ê*, в других — дифтонг *и͡е*, перед мягкими же согласными — *и*, на конце слова — *-е*, например *л'êс*, *л'и͡ес*, *хл'êп*, *хл'и͡еп*, но *хл'иб'ец*, *на водé*.

В положении между мягкими согласными *а* в большинстве говоров переходит в *е* (примеры см. выше).

Для говоров восточной группы характерно широкое распространение *о* после мягкого согласного перед твердым как на месте *е*, так и на месте старого *ѣ* в предударном положении, например: *н'осý*, *в'оснá*, *р'окá*. В говорах поморской, олонецкой и западной групп здесь обычно *е*.

В большинстве говоров распространено *цоканье*. Но в части говоров, именно почти повсеместно к югу от линии Грязовец — Буй (Вологодская обл.) — Галич (Костромская обл.) — Макарьев (Горьковская обл.) *ц* и *ч* различаются, кроме треугольника, образуемого течением рек Шексны и Мологи, впадающих в Волгу недалеко друг от друга, где распространено цоканье.

Твердое *л* в значительной части говоров (но не во всех) изменяется в *ў* перед согласными и на конце слова.

В части вологодских говоров *в* в тех же условиях изменяется в *ў*, т. е. говорят *лáўка, дрóў*, что вообще для северных говоров не характерно (см. выше, § 52).

В морфологическом отношении говоры восточной группы характеризуются совпадением форм дательного и творительного падежей множественного числа в одной форме с окончанием *-м*. Иногда (но реже) встречаются формы с окончанием *-ма* (как в поморских и олонецких говорах), но только у прилагательных, а не у существительных.

Родительный падеж единственного числа мужского и среднего рода прилагательных и местоимений характеризуется окончанием *-ово*, *-ова*.

§ 110. Владимирско-поволжская группа охватывает южную часть северновеликорусского наречия. В восточной части своей (именно за Нижней Волгой) говоры этой группы заходят далеко на юг.

В фонетическом отношении говоры этой группы характеризуются следующими чертами.

На месте старого *ѣ* под ударением является *е* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными, как в литературном языке (перед мягкими согласными это *е* носит несколько более закрытый характер, как, впрочем, и *е* на месте старого *е*, что вообще обычно и для литературного языка). Впрочем, исследования последнего времени показали, что на территории владимирско-поволжской группы встречаются и говоры с *ê* закрытым на месте *ѣ*, и говоры с *и* на месте *ѣ* в положении перед мягкими согласными (известны здесь и такие говоры, где *и* на месте *ѣ* является перед мягкими согласными и на месте старого простого *е*, а также старого *ь*, например: *д'ин'* — „день", *арт'ӣл'* — „артель" и т. д.).

В большинстве говоров этой группы в предударном слоге на месте *е* и *ѣ* перед твердыми согласными является *о* после мягкого согласного, например: *н'осу́*, *р'ока́*, *п'оту́х*. Но встречаются здесь и такие говоры, где старое *е* и старое *ѣ* в этих условиях различаются: на месте старого *е* произносят *о*, а на месте старого *ѣ* — *е*, говорят, например: *н'осу́*, но *п'ету́х*.

В части говоров *а* между мягкими согласными изменяется в *е*, в части же говоров сохраняется.

В части говоров распространено цоканье. Но в части говоров *ц* и *ч* различаются, причем твердое *ц* в различных положениях сохраняется без изменения.

В морфологическом отношении в части говоров наблюдается совпадение форм дательного и творительного падежей множественного числа в форме с окончанием *-м*, в части же говоров творительный падеж оканчивается на *-ми*, как в литературном языке.

Родительный падеж единственного числа мужского и среднего рода прилагательных и местоимений оканчивается на *-ово*, *-ова*.

В значительной части владимирско-поволжских говоров наблюдается так называемое неполное оканье, т. е. гласные *о* и *а* отчетливо различаются, помимо ударного положения, лишь в первом предударном слоге, в остальных же слогах в большинстве случаев на месте *о* и *а* является редуцированный гласный. В начале слова во втором предударном слоге (и еще далее от ударения) на месте *о* в этих говорах наблюдается *у*, т. е. говорят *угоро́т* — „огород", *утопри́* — „отопри" и т. д.

Эти говоры в старой диалектологической литературе принято называть говорами с намечающейся переходностью, так как в прежнее время лингвисты считали, что эта редукция

в безударных слогах, кроме первого предударного, проникает в эти говоры под влиянием соседящих с ними с юга акающих переходных говоров (см. ниже, § 119). Но следует иметь в виду, что редуцированные гласные в указанных условиях распространены во владимирско-поволжских говорах на очень обширной территории, притом и в говорах, территориально весьма удаленных от акающих говоров. Редукция могла в них развиться и независимо от воздействия акающих говоров.

Впрочем, по южной границе владимирско-поволжских говоров действительно встречаются говоры, на которых отражается влияние акающих говоров (см. ниже, § 119).

§ 111. Как уже было сказано, группировка северновеликорусских говоров, до настоящего времени принятая в диалектологии и изложенная здесь, вызывает известные возражения. Прежде всего, даже если принять во внимание только судьбу *ѣ*, на которую эта группировка в первую очередь и опирается, пять перечисленных выше групп не всегда достаточно четко отграничиваются друг от друга. Так, олонецкая группа занимает, собственно говоря, промежуточное положение между поморской и восточной группами. Одни говоры ее сближаются с говорами восточной группы, другие — с говорами поморской группы. Своих, четко отграничивающих их от других групп черт олонецкие говоры не имеют.

Владимирско-поволжская группа характеризуется в целом такой же судьбой *ѣ*, как и в литературном языке (т. е. на месте его является *е*). Но в отдельных говорах этой группы отмечено на месте *ѣ* закрытое *ê*, хотя такое же закрытое *ê* наблюдается и в поморской группе, а также в некоторых говорах западной группы.

Южновеликорусское наречие

§ 112. Южновеликорусское наречие охватывает южную часть РСФСР, частью заходя на Северный Кавказ. Северная граница южновеликорусского наречия, начинаясь южнее Зубцова (Калининская обл.), идет к югу, проходит западнее Можайска (Московская обл.), затем повертывает на восток, проходит южнее Подольска (Московская обл., на Курской ж. д.) через Рязань, к востоку от последней повертывает на юго-восток и выходит к Волге немного севернее Камышина (т. е. немного южнее южной границы северновеликорусского наречия). На западе южновеликорусское наречие граничит с белорусским языком, на юге же, в южной своей части (именно в Донецком бассейне и на Северном Кавказе), а также на юго-западе,— с украинским языком. Недалеко от Куйбышева, за Волгой, имеется остров южновеликорусских говоров, окруженный северновеликорусскими говорами. Эти говоры явились там в результате сравнительно недавнего переселения.

Южновеликорусское наречие в целом определяется, подобно северновеликорусскому, в первую очередь тремя основными чертами — двумя фонетическими и одной морфологической, резко отличными от соответствующих черт северновеликорусского наречия.

В фонетическом отношении южновеликорусское наречие характеризуется в области гласных аканьем, т. е. неразличением в безударном положении гласных *о* и *а* (подробнее об аканье см. выше, § 24).

В области согласных все южновеликорусское наречие характеризуется наличием фрикативного γ в любых условиях (подробнее см. выше, § 45).

В морфологическом отношении южновеликорусское наречие характеризуется мягким *-т'* в 3-м лице глаголов (и в единственном, и во множественном числе).

К этим чертам могут быть добавлены еще некоторые.

Так, в фонетическом отношении большинство южных говоров характеризуется отсутствием глухого губного фрикативного согласного *ф* и изменением соответствующего звонкого согласного *в* в *ў* неслоговое в положении перед согласными и на конце слова, а в начале слова перед согласным в обычное слоговое *у* (см. подробнее выше, § 52).

Согласные *ц* и *ч* в большей части южновеликорусских говоров различаются, т. е. цоканья нет. Впрочем, в некоторых рязанских говорах наблюдается цоканье.

В морфологическом отношении личные местоимения единственного числа и возвратное местоимение характеризуются окончанием *-е* в родительном-винительном падеже (см. выше, § 68).

В творительном падеже множественного числа все южновеликорусские говоры характеризуются окончанием *-ми*, т. е. формой, соответствующей и литературным формам.

Как уже было сказано, южновеликорусские говоры сильно отличаются от северновеликорусских и в лексическом отношении.

Группировка южновеликорусских говоров

§ 113. В основу подразделения южновеликорусских говоров положен в первую очередь один фонетический признак, а именно характер изменения гласных первого предударного слога в положении после мягких согласных. Нужно иметь в виду, что всем южновеликорусским говорам свойственно я к а н ь е (о яканье см. выше, § 29 и след.). Но характер яканья в различных говорах, как уже говорилось, может быть различен, и вот в зависимости от различного характера яканья и выделяются в первую очередь основные группы южновеликорусских говоров. Наряду с яканьем принимаются во внимание и некоторые другие черты, в первую очередь изменения согласного *в* в различных условиях.

На основании характера яканья устанавливаются в диалектологии три основные группы южновеликорусских говоров: 1) ю ж н а я, или о р л о в с к а я; 2) с е в е р о - з а п а д н а я, или т у л ь с к а я; 3) в о с т о ч н а я, или р я з а н с к а я.

§ 114. Ю ж н а я, или о р л о в с к а я, группа охватывает говоры двух районов, непосредственно между собою не сообщающихся. Первый из этих районов охватывает западную часть южновелико-

русского наречия, гранича на западе с белорусским языком, а на юге с украинским, причем восточная граница этого западного района проходит несколько западнее Воронежа (к этому району относятся говоры Орловской, Курской, части Брянской, части Воронежской областей). Второй район охватывает говоры самой южной части территории, занятой южновеликорусским наречием (и русским языком вообще), он расположен по нижнему течению Донца и Дона, а также на Северном Кавказе, выходя к Каспийскому морю около устья Кумы. На западе эта южная зона южной группы граничит с украинским языком, северная же граница ее вытянута с юго-запада на северо-восток, пересекает Дон к востоку от станицы Усть-Медведицкой и выходит к Волге немного выше Камышина.

Основным признаком говоров южной группы является диссимилятивное яканье (определение диссимилятивного яканья см. выше, § 32). Согласный *в* в говорах этой группы в положении перед согласными и на конце слова изменяется в *ў* (об этом изменении подробнее см. выше, § 52).

§ 115. Северо-западная, или тульская, группа занимает небольшое пространство в северо-западной части территории южновеликорусского наречия. Северная граница этой группы проходит близко от Москвы, немного южнее Подольска. На крайнем северо-западе территории этой группы находится Гжатск. Эта группа охватывает в основном говоры Тульской и части Калужской областей.

Основной чертой, характеризующей говоры северо-западной группы, является умеренное яканье (определение умеренного яканья см. выше, § 31).

В южной части говоров этой группы *в* изменяется так же, как в говорах южной (орловской) группы. В северной же части их оно, сохраняясь перед гласными и перед звонкими согласными, оглушается, т. е. изменяется в *ф* перед глухими согласными и на конце слова, так же как это имеет место в литературном языке и в подавляющем большинстве северновеликорусских говоров.

Нужно заметить, что вообще северо-западная группа южновеликорусских говоров обнаруживает много точек соприкосновения с северновеликорусскими говорами.

§ 116. Восточная, или рязанская, группа занимает пространство между северо-западной группой и западной зоной южной (орловской) группы, с одной стороны, и южной зоной южной (орловской) группы, с другой. На севере и северо-востоке эта группа граничит с средневеликорусскими переходными говорами, на юге и юго-западе — с украинским языком. Эта группа охватывает в основном говоры Рязанской, Тамбовской, частью Воронежской областей.

Основной чертой, характеризующей восточную группу, является сильное или ассимилятивно-диссимилятивное яканье (определение сильного яканья см. выше, § 30).

Как обычно указывают в диалектологической литературе, *в* сохраняется перед гласными и перед звонкими согласными и оглушается, т. е. переходит в *ф* перед глухими согласными и на конце слова.

§ 117. Из сказанного ясно, что распределение южновеликорусских говоров по трем основным группам дано в очень приблизительном виде, очень многие факты противоречат приведенным выше положениям относительно этого подразделения. Следует иметь в виду, что южновеликорусские говоры представляют очень пеструю картину, отличаются друг от друга зачастую говоры соседних населенных пунктов, а порой даже различные концы одного и того же села. Это объясняется определенными историческими причинами, о которых см. выше (§ 6). Уже по сведениям, которыми располагала старая, дореволюционная диалектология, известно было, что в Воронежской области, в Землянском и Задонском районах, представлен очень сложный тип диссимилятивного яканья. Между тем в целом эта часть Воронежской области относится к территории говоров восточной группы, характеризующейся в основном сильным яканьем.

Распределение говоров по трем группам, правда, проделано старыми диалектологами с целью дать самое общее представление о группировке. Территория той или иной группы определяется лишь на основании того, что *большинство* говоров соответствующего района имеет тот или иной тип яканья. Но мы не можем быть уверены даже в том, что большинство говоров данной территории имеет именно такой-то тип яканья. Так, например, исследования последнего времени (в первую очередь проф. Р. И. Аванесова и его учеников) обнаруживают на территории Рязанской области все большее количество говоров, характеризующихся не сильным, а ассимилятивно-диссимилятивным типом яканья. Эти же исследования показывают, что в рязанских говорах мы нередко имеем дело с изменением *в* в *ў*, а не с оглушением его.

Если же принять во внимание другие стороны языка, помимо фонетики, картина распределения говоров по основным группам будет, вероятно, нарушена еще в большей степени.

Средневеликорусские (переходные) говоры

§ 118. Средневеликорусские переходные говоры, т. е. говоры, образующие как бы переход от северновеликорусского наречия к южновеликорусскому, тянутся узкой полосой с северо-запада на юго-восток. Северная граница их является в то же время южной границей северновеликорусского наречия. В западной части своей средневеликорусские говоры граничат с белорусским языком, на большем же своем протяжении южная граница средневеликорусских говоров является в то же время северной границей южновеликорусского наречия. Из крупных городов на территории, охваченной средневеликорусскими говорами, расположены Псков, Калинин, Москва и Пенза.

Рассматриваемые говоры, как уже было сказано, тянутся довольно узкой полосой, особенно узкой становится она около Москвы (границы их проходят и с севера и с юга совсем недалеко от Москвы).

Далее на восток (точнее на юго-восток), именно в Пензенской области, территория говоров значительно расширяется.

Значительный остров средневеликорусских говоров имеется на территории северновеликорусского наречия — к северо-востоку от Костромы, в районах Чухломы и Солигалича. Этот остров содержит говоры населения, переселившегося сюда из местностей, расположенных поблизости от Москвы, в сравнительно недавнее время (как показывают исторические исследования, в эпоху крестьянской войны начала XVII в.).

Но этот остров характеризуется и некоторыми чертами, общими с окружающими его северновеликорусскими говорами. Так, его говорам свойственно, например, *и* из старого *ѣ* в положении перед мягкими согласными.

Средневеликорусские говоры не имеют своих ярких черт в фонетике и морфологии (если не считать некоторых имеющих второстепенное значение), но частью черт объединяются с северновеликорусскими, а частью черт с южновеликорусскими говорами.

Наиболее яркими чертами, характеризующими все средневеликорусские говоры, считаются а к а н ь е, черта, связывающая их с южновеликорусским наречием, и *г* взрывное, черта, связывающая их с северновеликорусским наречием. Наличие в одном и том же говоре одновременно этих двух черт обычно принимается в диалектологии как критерий для отнесения соответствующего говора к средневеликорусским. Лишь очень немногие говоры (например, некоторые говоры к югу от Пскова, а также некоторые говоры Касимовского района к востоку от Рязани), характеризующиеся аканьем и γ фрикативным, старые диалектологи причисляли не к южновеликорусским, а к средневеликорусским на том основании, что в них отражаются некоторые черты, общие с северными говорами.

Что касается до изменений гласных в безударном положении после мягких согласных, то мы здесь находим разнообразные типы безударного вокализма. Здесь встречается е к а н ь е (определение еканья см. выше, § 27), например, в Коломенском районе Московской области, в Егорьевском районе Рязанской области, в Ардатовском и Арзамасском районах Горьковской области, а также и к а н ь е (определение иканья см. выше, § 28), которое наблюдается в московском говоре, вследствие чего характеризует и орфоэпические нормы литературного языка, а также и в других местах, например, на западе в Демянском и Осташковском районах Калининской области, на востоке около Ульяновска. Следует заметить, что и к а н ь е характерно специально для средневеликорусских говоров. На юге оно распространено островками по городам, по старинным торговым селам, окруженным говорами якающего характера, в города же и торговые села оно проникло, вероятно, уже довольно давно под влиянием Москвы.

Широко распространено в средневеликорусских говорах также я к а н ь е, из различных типов которого здесь наблюдаются у м е р е н н о е я к а н ь е (определение его см. выше, § 31) близ Москвы,

в Можайском, Верейском, Подольском, Бронницком районах, также в Нижнем Поволжье и в других местах, сильное яканье к востоку от Москвы — в Касимовском, Спасском, Сапожковском, Шацком районах Рязанской области и в других местах, ассимилятивное яканье (определение его см. выше, § 37) к западу и северо-западу от Москвы (в Волоколамском и Клинском районах, а также на верхней Волге — в Старицком и Зубцовском районах Калининской области).

Не встречается здесь характерное для основной массы южновеликорусского наречия диссимилятивное яканье.

Характерное для северновеликорусских говоров стяжение гласных в результате утраты *j* в положении между гласными наблюдается и во многих средневеликорусских говорах, главным образом в восточной их части (к востоку от Москвы).

Это является одним из оснований для выделения восточной части средневеликорусских говоров, отличной от западной части их. Этим явлением, а также некоторыми другими остров средневеликорусских говоров к северо-востоку от Костромы сближается с восточной частью их основной массы.

Во многих средневеликорусских говорах распространено цоканье.

В морфологическом отношении трудно указать для средневеликорусских говоров характеризующие их черты. В окончании 3-го лица глаголов в части говоров наблюдается *-т* твердое (как на севере), а в части — *-т'* мягкое (как на юге).

§ 119. Средневеликорусские говоры сложились сравнительно поздно. Они начали складываться лишь после того, как начало формироваться централизованное Русское государство с центром в Москве (этот процесс, как известно, начинается лишь в XIV в.). Между двумя различными совокупностями говоров — северновеликорусских и южновеликорусских, оказавшихся в пределах одного государства с общим политическим центром, являющимся в то же время центром экономического тяготения, — устанавливается тесный контакт, те и другие говоры воздействуют друг на друга, и на стыке между северновеликорусскими и южновеликорусскими наречиями постепенно вырабатываются переходные говоры, содержащие частью северные, частью южные черты. Поскольку Москва, как центр, привлекала к себе выходцев из разных мест Русского государства, поскольку в ней сталкивались представители различных наречий, московский говор окончательно сформировался также как один из переходных.

Процесс образования каждого из переходных говоров в отдельности еще не изучен в достаточной мере. Но, повидимому, мы имеем дело в разных случаях с говорами различного состава. В одних случаях основа говора первоначально была северная, позднее же на нее наслаивались южные черты, в других случаях основа, напротив, была южная, а позднее наслаивались на нее северные черты. Но в большей части случаев мы имеем дело с говорами, где архаический слой северный.

Именно вследствие того, что в большей части случаев мы имеем дело с говорами, первоначально северными, куда лишь позднее проникают южные черты, причем все большее и большее проникновение южных черт шло до совсем недавнего времени, можно провести четкую границу средневеликорусских говоров на юге, на севере же эта граница имеет несколько расплывчатый вид. Средневеликорусские говоры, как уже было сказано, характеризуются прежде всего аканьем и *г* взрывным, в древности же они в большинстве случаев были северными. Речь идет о говорах, издавна характеризующихся взрывным *г*, куда постепенно, на протяжении их истории, проникает аканье. Поскольку, как уже было сказано, редукция гласных безударных, помимо первого предударного слога, наблюдающаяся во многих владимирских говорах, могла сложиться самостоятельно, независимо от южного влияния, постольку речь идет специально о гласных первого предударного слога. На границе северновеликорусского наречия и переходных говоров мы встречаем большое количество говоров, обнаруживающих разные ступени перехода от оканья к аканью. Раньше всего появляется *а* вместо *о* в первом предударном слоге в положении перед ударяемым *а*, т. е. в говоре произносят, например: *пашла́*, но *пошо́л, пошли́* и т. д. Затем *а* вместо *о* является и в других положениях, но не перед ударяемым *о*, где дольше всего сохраняется *о*, т. е. говорят, например, не только *пашла́*, но также и *пашли́*, однако все еще *пошо́л*. Наконец, самая последняя ступень — *а* в первом предударном слоге является и перед ударным *о*, т. е. говорят также и *пашо́л* — говор окончательно перешел в акающие.

Впрочем, как мы видели выше, возможны и иные пути перехода от оканья к аканью.

Проникновение южного безударного вокализма в северные говоры отражается и в других явлениях. Так, в некоторые северные окающие говоры, расположенные по южной границе северновеликорусского наречия, проникает я к а н ь е, т. е. произношение в первом предударном слоге *а* после мягкого согласного на месте *о* или *е*.

Обычно элементы яканья в окающих говорах проявляются непоследовательно и не образуют какого бы то ни было последовательно проведенного типа (из числа рассмотренных выше), в широком объеме представлены колебания, например, формы с *а* наблюдаются наряду с *о* или *е* после мягкого в тех же словах — *н'асу́* наряду с *н'осу́*, *п'ату́х* наряду с *п'оту́х* или *п'ету́х* и т. п. Впрочем, в редких случаях, как мы также видели выше, в говорах, образующих переход от оканья к аканью, наблюдается и более или менее последовательная система яканья.

§ 120. Некоторые лингвисты в последнее время употребляют понятие „средневеликорусские говоры“ в более широком смысле, рассматривая как таковые не только говоры, совмещающие а к а н ь е с *г* взрывным, но также и говоры, в которых наблюдаются любые другие комбинации южных и северных черт. Если встать на эту точку зрения, к средневеликорусским говорам должны быть причислены и многие

говоры северной полосы южновеликорусского наречия. С этой точки зрения средневеликорусскими говорами являются говоры тульской группы, где зависимость гласных первого предударного слога от твердости или мягкости следующего за ними согласного (умеренное яканье) напоминает зависимость гласных от качества последующих согласных в северных говорах (см. § 19). С этой точки зрения средневеликорусскими являются и некоторые рязанские, обычно относимые к южновеликорусскому наречию, поскольку в них наблюдается и аканье и γ фрикативное, но в которых отражаются и некоторые северные черты, например, изменение *а* в *е* под ударением между мягкими согласными (таков, например, говор с. Кидусова Спасского района Рязанской области, где наблюдаются формы типа *стр'ел'е́л'и* наряду с *стр'ал'а́л'и* — „стреляли").

§ 121. В отличие от северновеликорусского и южновеликорусского наречий средневеликорусские говоры никогда не объединяют в *наречие* в силу их переходного характера.

Как северновеликорусское, так и южновеликорусское наречие характеризуются своими специфическими, свойственными им языковыми чертами, характерными для всех говоров данного наречия, тогда как средневеликорусские говоры не имеют ни одной черты (за исключением некоторых второстепенных), которые бы отличали их от указанных выше наречий, но характеризуются лишь комбинацией северных и южных черт.

Русские говоры с белорусскими чертами

§ 122. В западной части территории средневеликорусских говоров и южновеликорусского наречия расположены русские говоры, как бы образующие переход к белорусскому языку и вследствие этого характеризующиеся некоторыми белорусскими чертами.

Южновеликорусские говоры с белорусскими чертами характеризуются д и с с и м и л я т и в н ы м а к а н ь е м (определение его см. выше, § 24), с которым сочетается д и с с и м и л я т и в н о е я к а н ь е ж и з д р и н с к о г о т и п а (определение его см. выше, § 34).

Твердое *л* в этих говорах изменяется в *ў*, но не в тех условиях, в каких это имеет место в северновеликорусских говорах, а лишь там, где это изменение наблюдается в белорусском и украинском языках, т. е. на месте древнего сочетания *ъл* в положении между согласными (например, *во́ўк* — „волк"), а также на конце слова в мужском роде единственного числа прошедшего времени глагола (например, *пашо́ў* — „пошел") — ср. выше, § 53.

На месте сочетаний переднеязычных согласных с *j* в этих говорах являются долгие мягкие согласные (ср. выше, § 10).

Некоторые существительные мужского рода, именительный падеж множественного числа которых в русском языке оканчивается на *-а*, имеют в этой форме в рассматриваемых говорах окончание *-ы*, *-и* (например, *γо́ръды* — „города"). Впрочем, это явление известно не всем этим говорам.

§ 123. Средневеликорусские говоры с белорусскими чертами имеют, повидимому, северную основу.

Эти говоры характеризуются наличием *ы* (*и*) в положении перед *j* в соответствии с *о, е* большинства русских говоров. Там произносят, например, *злый* — „злой", — *шыйа* — „шея". Такое произношение, как известно, свойственно белорусскому и украинскому языкам (см. выше, § 10).

Звук *в* изменяется в *ў* в положении перед согласным и в конце слова (см. выше, § 52). Это явление, характерное для белорусского и украинского языков, широко распространено и в южновеликорусском наречии, в северновеликорусских же говорах встречается редко.

В части рассматриваемых говоров распространено д з е к а н ь е (см. выше, § 12).

Распространены формы именительного падежа множественного числа на *-ы*, *-и* у существительных мужского рода, оканчивающихся в русском языке на *-а*, например: *го́роды*, *ле́сы*, *бе́реги*.

Родительный падеж единственного числа женского рода прилагательных оканчивается на *-ей* с предшествующим твердым согласным, например: *худэ́й, злэ́и, аднэ́й.* Эта черта характерна для белорусского языка, хотя встречается и в некоторых говорах о л о н е ц к о й г р у п п ы (см. выше, § 107).

Остальные черты не представляют особенностей сравнительно с другими средневеликорусскими говорами.

Почти во всех этих говорах распространено с и л ь н о е я к а н ь е. Оно характерно для значительной части белорусских говоров, а также для белорусского литературного языка. Но оно же наблюдается, как уже было сказано, и в части средневеликорусских и южновеликорусских говоров.

Во многих говорах наблюдается ц о к а н ь е.

В части говоров произносят мягкие шепелявые согласные (близкие к шипящим *ш'*, *ж'*), на месте мягких свистящих *с'*, *з'*. Но это явление известно и некоторым другим средневеликорусским говорам.

Возникновение русских говоров, содержащих некоторые белорусские черты, относится к глубокой древности и, повидимому, предшествует эпохе формирования русского и белорусского как особых национальных языков.

Русские говоры с украинскими чертами

§ 124. По южной (а местами западной) границе южновеликорусского наречия небольшими островами (в районе Путивля, между Льговом и Суджей, по нижнему течению Дона — около Ростова на Дону) расположены южновеликорусские говоры, содержащие некоторые украинские черты. Основа этих говоров южновеликорусская. Основной украинской чертой, характеризующей эти говоры, является твердость согласных перед гласными переднего ряда *е, и*.

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Деревенские говоры до и после революции

§ 125. Местные языковые особенности, как уже было сказано, больше сохраняются в деревне. Речь различных слоев городского населения, хотя и отражала в прошлом, а отчасти отражает и теперь в известной мере местные черты (например, в области северновеликорусского наречия не только в деревнях, но и в городах еще и теперь широко распространено оканье), издавна уже в большей степени подвергается нивелирующему влиянию литературного языка. Еще в дореволюционное время это влияние литературного языка, хотя и в различной степени, но в какой-то мере охватило все слои городского населения. Это влияние литературного языка с давних пор через городскую речь проникает и в деревню, и особенно сильно в такие районы, которые более или менее тесно связаны с крупными центрами (в такие районы, где, например, сильно развиты были отхожие промыслы, вследствие чего значительная часть местного населения уходила на заработки в город). Многие исследователи и для дореволюционного времени отмечают интенсивно идущее вытеснение старого я к а н ь я литературным московским и к а н ь е м не только в городах, но и в крупных торговых селах южновеликорусской якающей области.

Распространению влияния городской речи и литературного языка много способствовали отхожие промыслы, особенно в северных губерниях, где эти промыслы широко были развиты. Это влияние в большей степени сказывалось в речи мужского населения, а речь женщин, которые обычно работали дома, содержала больше архаических местных черт.

Проводниками влияния городской речи, а отчасти и языкового влияния, идущего из других районов и также приводившего к языковой нивелировке, к вытеснению из языка местных черт, служили также фабрики, открываемые по мере развития капитализма в России в самых различных местах, часто там, где до того большинство населения кормилось исключительно землей и не уходило на заработки на сторону. Фабрики всегда привлекали большое количество пришлого населения.

Следует сказать, что из городской речи шли в деревню порой наряду с элементами, свойственными и литературному языку, также элементы, свойственные мещанской прослойке городского населения. Именно отсюда идут в деревню, например, такие выражения, державшиеся еще некоторое время и после революции, как *барышня* в значении „девушка" (ср., например: *У него дочь барышня* — в значении „У него дочь не замужем").

Таково было положение при капитализме. В некоторых местах, особенно на севере, где частью издавна не было крепостного права, а частью крестьянство состояло преимущественно на оброке и в большом количестве уходило на заработки в город и до крестьянской реформы, влияние городской речи на местные диалекты распространялось и в более ранние времена.

§ 126. Коренным образом меняются отношения литературного языка и говоров после Великой Октябрьской социалистической революции. Коренные сдвиги в экономике и общественной жизни в деревне, особенно на протяжении предвоенных пятилеток, развитие колхозного строя и связанная с ним ликвидация кулачества как класса, внедрение в деревню новых способов производства — социалистическая реконструкция сельского хозяйства, требующая появления ряда новых специализированных профессий, неизбежно приводят к осуществлению культурной революции в деревне. Партия и Советское правительство с самого начала установления советской власти ведут работу в этом направлении. Еще в резолюции XIII съезда партии было сказано: „Товарищ Ленин многократно говорил в последних своих речах о том, что теперь дальнейшее продвижение по пути к социализму возможно лишь на базе культурного подъема деревни. Политпросветработа в деревне теперь наиболее насущная с точки зрения победы коммунизма" (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, стр. 861). „Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем", — говорил И. В. Сталин на XVIII съезде партии (И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1953, стр. 648). Указания Партии и Советского правительства успешно осуществляются. Гигантскими темпами растет культура деревни.

Расширение школьной сети и введение всеобщего обязательного обучения (сначала в пределах начальной школы, а затем и в пределах среднего образования), проникновение в деревню газеты и книги, радио, звучащего в настоящее время в самых отдаленных уголках нашей страны, повышение политической активности деревенских масс, живое общение колхозного и городского населения — все это ведет к повышению культурного уровня деревни и к уничтожению противоположности между городом и деревней не только в экономическом, но и в культурном отношении. В самые последние годы большое значение для осуществления дальнейшего культурного подъема имело возвращение в деревню по окончании Великой Отечественной войны демобилизованных солдат и офицеров Советской Армии. Получившие в армии большой жизненный опыт, а во многих случаях и специаль-

ность, которую они с успехом могут применить в колхозном сельском хозяйстве, эти люди в большинстве своем являются передовиками сельского хозяйства в борьбе за высокий урожай.

Все это не может не привести к большим изменениям в языке, связанном со всякой деятельностью человека во всех сферах его работы, и к установлению новых, качественно иных, сравнительно с дореволюционным временем, отношений между литературным языком и местными диалектами. Все изложенные выше обстоятельства не могут не способствовать глубокому внедрению литературного языка в самые отдаленные от центра районы.

Воздействие литературного языка на говор быстрей и ярче всего сказывается в лексике, которая вообще изменяется быстрее сравнительно с грамматическим и звуковым строем. Старая лексика, отражающая местные бытовые условия, местные особенности ландшафта и тому подобное, частично сохраняется, но частично выходит из употребления в связи с тем, что выходят из употребления предметы, называемые соответствующими словами. Как уже сказано было выше, забываются термины, относящиеся к прежней, отсталой сельскохозяйственной технике, забываются слова, относящиеся к старой общественной жизни. Наряду с этим в язык проникает огромное количество новых слов, по большей части являющихся терминами общественно-политическими, техническими, а также словами, отражающими условия нового быта. Эти слова, источником своим имеющие литературный язык, получают повсеместное распространение в говорах. Эти слова порой первоначально появляются в говоре в искаженной форме (иногда не без влияния ложной этимологии), например: *тра́хтар* или *тра́хтур* — „трактор" (ср. еще дореволюционное *дохтур* — „доктор"), *матахве́* — „МТФ", *антанаби́ль* — „автомобиль", *гарнизова́ться* — „организоваться", *сехлета́рь* — „секретарь" и т. д. Иногда новые слова выступают в неправильной, не свойственной литературному языку форме (например, существительные, в литературном языке не склоняющиеся, *бюро, кино* и тому подобные имеют косвенные падежи *бюра́, бюру́; кина́, кину́* и т. д.). Но такие отступления от литературных норм быстро изживаются. В настоящее время они если и сохраняются, то свойственны речи главным образом очень старых людей. Основная же масса колхозников, в особенности деревенские активисты, молодежь, окончившая школу, употребляет эти новые слова в их правильной с точки зрения литературного языка форме.

Эти факты говорят о стирании различий между литературным языком и говором, о нивелирующем влиянии литературного языка на все говоры.

Но не следует понимать эту нивелировку как односторонний процесс, как процесс только воздействия, идущего со стороны литературного языка. Литературный язык в свою очередь еще в большей степени, чем это было в прежние времена, сам много черпает из говоров, и бывает, что слова, вошедшие в литературный язык из разных говоров, в говоры же и возвращаются из литературного языка. В результате в одном говоре сосуществуют иногда слова, принадле-

жавшие первоначально различным наречиям. Так, например, в составе сложных терминов *изба-читальня* и *хата-лаборатория* фигурируют слова *изба* и *хата*, принадлежавшие первоначально различным наречиям. Но оба эти слова в настоящее время фигурируют в одном и том же говоре, придя сюда из литературного языка.

§ 127. Воздействию литературного языка подвергается не только словарь, но также и звуковая и грамматическая система говоров; она теряет свои специфические особенности и сближается с литературным языком. Воздействие литературного языка сильней сказывается, пожалуй, в грамматической области, в особенности опять-таки в языке передовой части колхозного населения.

Начинают все больше употребляться грамматические формы, соответствующие нормам литературного языка. Так, например, начинают различаться дательный и творительный падежи множественного числа в тех говорах, где они раньше не различались, начинают различаться дательный и предложный падежи существительных на *-а* от родительного падежа (в тех говорах, где этого различия не было), начинает появляться *-т* твердое в окончании 3-го лица глаголов в тех говорах, где раньше было *-т'* мягкое, и т. д. Синтаксический строй говора приближается к строю литературного языка.

Более упорно держатся фонетические особенности, но и они постепенно уступают место фонетическим явлениям, свойственным литературному языку. При этом, однако, можно заметить, что одни из фонетических черт, свойственных говорам, легко отступают под натиском литературного языка, другие же держатся упорно. Так, например, в области южновеликорусского наречия характер изменения безударных гласных издавна подвергается изменению, сближаясь с литературными нормами (ср. то, что было сказано выше о проникновении в южновеликорусскую область московского иканья), а γ фрикативное, напротив, держится очень упорно. Его можно слышать и у людей, вполне владеющих литературным языком.

Для северновеликорусского наречия следует отметить в первую очередь утрату ц о к а н ь я и установление различия *ц* и *ч*. В настоящее время цоканье в цокающих районах сохраняется в наибольшей степени у самого старшего поколения — у стариков и, особенно, у старух, у детей дошкольного возраста, остающихся дома на попечении старух.

О к а н ь е, вытесняемое а к а н ь е м главным образом в зоне, пограничной с средневеликорусскими говорами, вообще держится упорно. Его, подобно γ фрикативному у представителей южновеликорусского наречия, можно наблюдать у людей, в целом владеющих литературным языком. Только обычно оно принимает форму так называемого н е п о л н о г о о к а н ь я, свойственного, как было сказано выше, южной полосе северновеликорусского наречия, т. е. гласный *о* (как и *а*) отчетливо звучит лишь в первом предударном слоге, в остальных же безударных слогах появляются редуцированные гласные.

Довольно упорно держится и такая северная черта, как стяжение гласных в результате утраты *j* в положении между гласными,

Вытеснению местных фонетических черт много способствует орфография. И напротив, орфография же в некоторых случаях способствует сохранению диалектного произношения. Скорее всего вытесняются обычно именно такие черты, которые не находят себе поддержки в орфографии. Так например, быстро выводится ц о к а н ь е отчасти и по той причине, что орфографически *ц* и *ч* у нас различаются. Напротив, о к а н ь е держится довольно упорно, поскольку наша орфография различает *о* и *а* в безударном положении. Орфографическими причинами объясняется отчасти и упорное сохранение γ фрикативного: в нашей орфографии различие взрывного *г* и фрикативного γ выражено быть не может.

Вытеснение местных фонетических и морфологических черт литературными нормами, как уже было сказано, в различной степени осуществляется у представителей разных групп населения. Раньше осуществляется оно, конечно, у передовой части его.

§ 128. На основании всего сказанного ясно, что местные говоры идут по пути к исчезновению. Конечно, это очень длительный процесс, но современное состояние русских говоров показывает, что недалеко то время, когда говоров не будет и нормы литературного языка распространятся на весь русский язык. К этому ведут те огромные сдвиги, которые произошли на протяжении послереволюционных лет в экономике и общественной жизни нашей страны, в сознании наших людей. Но в силу устойчивости определенных языковых явлений диалектные различия в какой-то мере все же еще держатся. Некоторые диалектные черты, как уже было сказано, отражаются у всех представителей населения соответствующей местности.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ

§ 129. Задачи, которые ставит перед собой исследователь говора, могут быть различны. Во-первых, он может иметь целью всестороннее описание и изучение какого-нибудь одного говора. Во-вторых, этой целью может являться определение взаимоотношений различных говоров, территориальное распространение этих говоров и их классификация. Обе эти цели имеют большое значение для диалектологии. Без разрешения первой задачи (описания и изучения одного отдельного говора) невозможно плодотворно заниматься разрешением второй задачи, так как для определения взаимоотношений различных говоров необходимо иметь точное представление о характере отдельных говоров, находящихся в тех или иных взаимоотношениях.

§ 130. Что касается до первой из указанных задач, то необходимым условием описания и изучения любого говора является получение точной фонетической записи местной речи в различной обстановке, в диалоге и в связных выступлениях, например, на собраниях. Для точной передачи звуковой стороны языка и пользуются фонетической транскрипцией. Существуют, как уже было сказано, различные транскрипционные системы, обладающие разною степенью точности, и даже одна и та же система может применяться с различной степенью точности. Так например, трудно провести на слух разграничение между *j* и *u̯* неслоговым, между γ заднеязычным и *h* фарингальным (см. § 45), между *w* билабиальным и *ў* неслоговым. Поэтому в каждом из этих случаев часто используют один знак для обозначения обоих близких звуков без разграничения их. Часто не делают различия между редуцированными гласными более заднего и более переднего образования, обозначая тот и другой посредством ъ.

Исследователю часто приходится также иметь дело с упрощенной транскрипцией, не во всех отношениях удовлетворяющей требованиям точной записи (см. § 9). Во-первых, точная транскрипция требует большего времени, а поэтому в быстрой записи живой речи приходится пользоваться упрощенной системой обозначений. Во-вторых, лингвисту, исследующему говор, часто приходится пользоваться не только результатами собственных непосредственных наблюдений, но и записями, сделанными не специалистами (для того чтобы составить общее представление о говоре, часто пользуются различными

сборниками фольклорных материалов, собранных в соответствующих местностях, а в таких сборниках обычно используется упрощенная, неточная транскрипция).

Упрощенная транскрипция отличается от точной прежде всего тем, что в большей степени пользуется знаками обычного русского письма, реже вводит дополнительные знаки, а порой обходится и совсем без них. Так, например, мягкость согласных передается не значком мягкости, а написанием после соответствующей согласной буквы *я, ю, е, ь,* например: *нясу́ — н'асу́, лю́ди — л'у́ди, ткёт — тк'от, апе́ть — ап'е́т'*, и т. д. Кроме того, в упрощенной транскрипции обычно не все передается фонетически точно, а только такие явления, на которые специально обращено внимание, во многих же случаях передача следует обычной русской орфографии. Так, например, в записи акающего говора может быть написано *вода*.

Но и на основании анализа неточной, отчасти орфографической записи можно с достаточной ясностью восстановить звуковые особенности говора.

Несомненно, имеют фонетическое значение такие написания, которые явно противоречат орфографии. Так, например, если в записи написано в безударном положении *а* вместо орфографического *о* (например, *адин* вместо *один*), говор, несомненно, акающий, хотя бы во многих случаях приняты были орфографические написания (например, *вода, пошла* и т. д.). Напротив, если встречается написание *о* в безударном положении вместо *а*,— говор окающий. Такие написания (поскольку большей частью безударное *о* совпадает с орфографическим написанием) встречаются главным образом в некоторых определенных категориях, например, в приставке *роз-* (в соответствии с литературным *раз-*): *розбить, розлить* и т. п. Также написание *ц* вместо *ч* или, напротив, *ч* вместо *ц*, хотя бы оно встречалось изредка, свидетельствует о цоканье. Если при этом после *ц* пишутся (опять-таки хотя бы иногда) буквы *я, ю* и т. п.,— значит *ц* в говоре мягкое (например: *цяй, цюлок* и т. д.).

Что касается характера самих образцов транскрибированной речи, по которым ведется изучение говора, то для установления не только фонетической, но также морфологической, а в особенности синтаксической системы говора необходимо иметь более или менее связные записи или хотя бы целые фразы. Для изучения фонетических явлений, впрочем, иногда бывает достаточно пользоваться и записью отдельных слов.

§ 131. Исследуя говор, диалектолог может, во-первых, ставить себе задачу вскрыть историческую основу данного говора, во-вторых,— задачу раскрыть динамику его развития в настоящее время, установить те изменения, которые происходят в говоре в наши дни.

При всестороннем исследовании говора в поле зрения исследователя находятся обычно обе эти задачи. При выполнении той и другой задачи исследователь должен обращать внимание на дифференциацию речи у разных групп населения и соответственно этому

выбирать лиц, за речью которых он будет наблюдать. В дореволюционное время исследователи большей частью мало обращали внимания на эту дифференциацию. Но некоторые исследователи все же и тогда учитывали ее. Говор в дореволюционное время не являлся однородным: в одной и той же деревне говорили несколько по-разному (главным образом в отношении проникновения особенностей литературного языка). При этом и до революции необходимо было обращать внимание также на половой и возрастной состав.

Мужчины, не говоря уже о тех местах, где широко развиты были отхожие промыслы, вообще в меньшей степени, чем женщины, сохранили особенности местного говора, поскольку в большинстве своем служили в армии. И раньше старые особенности местного говора лучше держались у стариков и старух, чем у представителей младшего поколения.

Если мы возьмем современное положение вещей, мы увидим, что очень многое сравнительно с дореволюционным временем изменилось. Но и сейчас, как уже было сказано, разные группы говорят по-разному. Записывая речь представителей различных групп населения, исследователь всегда должен отмечать, у кого записан тот или иной пример. И если он стремится исследовать те изменения, которые происходят в языке в наши дни, он должен обращать внимание в первую очередь на речь именно передовых слоев колхозного населения.

Исследуя говор, приходится пользоваться и записями произведений устного народного творчества — песен, сказок и т. д. Этот материал не может быть поставлен наряду с разговорной речью, поскольку здесь, особенно в песнях, встречается много традиционных архаизмов, порой даже сложившихся не на почве данного говора, но в известной мере и этот материал дает представление о говоре. Впрочем, некоторые виды фольклорных произведений — сказки бытового характера, частушки на современные темы — близки к разговорной речи.

§ 132. Описание говора, необходимое для его изучения, может осуществляться различными методами. В старой диалектологии говор описывался и изучался главным образом с двух точек зрения — с точки зрения отличия его от литературного языка и с точки зрения исторической, т. е. с точки зрения связи явлений современного говора с явлениями древнерусского языка. Оба указанные способа рассмотрения говора (в любой старой работе они обычно переплетаются) не могут считаться вполне удачными. В первом случае (сравнение с литературным языком) рассмотрению подвергается не весь говор в целом, во всей совокупности определяющих его явлений, образующих более или менее стройную систему, а лишь то, что отлично от литературного языка. В результате этого много интересных фактов может ускользнуть от наблюдения. Во втором случае (изучение говора с исторической точки зрения) теряется различие между теми явлениями, которые живы для современного языка, и явлениями, сохранившимися лишь пережиточно.

В современной диалектологии на первый план выдвигается описание и изучение системы данного говора, т. е. изучение всех его особенностей в целом и изучение их в то же время с точки зрения современного состояния языка. Различие современного описания от старого можно проиллюстрировать на конкретных примерах. Так, например, яканье в старых описаниях излагается следующим образом: на месте старых *е*, *ь*, *ѣ* и *а* после мягких согласных в первом предударном слоге произносится *а* после мягкого согласного. С точки же зрения современного языка, если в соответствующем говоре не различаются *е* и *ê* и в то же время *е* изменилось в *о* перед твердым согласным, *а* после мягкого согласного является на месте *е*, *о*, *а*. Что же касается до старого *ь*, то он в любом говоре давно уже изменился в *е* (с возможным последующим изменением этого *е* в *о*).

Конечно, описание всей системы говора с точки зрения ее современного состояния никоим образом не исключает сравнения ни с литературным языком, ни с фактами древнерусского языка. Но такие сравнения должны делаться лишь тогда, когда исследователь уже получил достаточно четкое представление о системе говора.

Нужно иметь в виду, что система говора может быть установлена лишь в некотором более или менее грубом приближении. Многие факты нарушают ее, поскольку любой говор непрерывно подвергается как влиянию литературного языка, так и воздействию соседних говоров. И не следует думать, что эти процессы осуществляются только в наши дни или в сравнительно недавнее время. Даже в прошлом, например, в эпоху феодальной раздробленности, при всей экономической замкнутости отдельных областей, известные воздействия извне могли осуществляться, говор не был отгорожен китайской стеной от других говоров и от литературного языка.

§ 133. Разрешение второй задачи, стоящей перед диалектологом (т. е. определение взаимоотношений говоров, изучение территориального распространения говоров и их классификация), составляет предмет так называемой л и н г в и с т и ч е с к о й г е о г р а ф и и. Результатом работ, ведущихся в этом направлении, являются, между прочим, диалектологические карты, т. е. карты распространения говоров и наречий данного языка, а также карты распространения отдельных диалектных явлений. Для решения этой задачи особое значение имеет изучение границ языковых явлений (например, применительно к русскому языку, границы аканья, границы цоканья, границы *-т* твердого в окончании 3-го лица глаголов, границы совпадения дательного и творительного падежей множественного числа и т. д.). Линии, определяющие границы того или иного языкового явления (фонетического, морфологического, синтаксического, лексического), называются в лингвистике и з о г л о с с ы (ед. ч. и з о г л о с с а — от греческого ísos — „равный" + glṓssa — „язык", „говор"). Любое наречие или говор определяется целым рядом явлений, а между тем границы различных явлений на территории данного языка могут не совпадать. Так, например, граница о к а н ь я, характеризующего северновелико-

русское наречие, не совпадает с границей изменения *а* в *е* между мягкими согласными, характерного также для севера (граница этого явления в целом проходит севернее границы оканья, в отдельных же словах изменение *а* в *е* заходит далеко на юг, выходя даже за границу оканья и вторгаясь в область аканья — подробнее об этом см. § 19).

Каждая изоглосса представляет собой по существу границу каких-то двух противостоящих друг другу явлений, например: граница оканья (по одну сторону этой границы) и аканья (по другую сторону границы), граница цоканья и различения *ц* и *ч*, граница *т* твердого и *т'* мягкого в окончании 3-го лица глаголов, граница распространения в одном и том же значении слова *кочет* и слова *петух* и т. д. При таком методе картографирования составляется отдельная карта на каждое явление, а распространению всех рассматриваемых явлений на территории данного языка посвящается не одна карта, а целое собрание карт, составляющее диалектологический атлас этого языка.

Основываясь на несовпадении границ отдельных явлений, некоторые лингвисты (особенно на западе) утверждают, что отдельные наречия и говоры вообще являются фикцией и что в действительности исследователю приходится иметь дело лишь с изоглоссами отдельных явлений.

Это положение в свое время было воспринято некоторыми советскими диалектологами, в основном принадлежавшими к „школе" Н. Я. Марра, так как оно казалось им подтверждающим положение последнего о скрещенном характере всех языков, об отсутствии „чистых" (не скрещенных, не смешанных) языков. Вместе с тем эти диалектологи утверждали, что в любом говоре звуковые явления и грамматические формы находятся в постоянном колебании, постоянно чередуются явления разнородного характера, вследствие чего для какого бы то ни было говора не может быть установлена более или менее последовательно проведенная звуковая или морфологическая система. Они отрицали, в частности, возможность установления в говорах тех достаточно сложных в отдельных случаях типов яканья, которые были рассмотрены выше. Исследования последних лет показали полную несостоятельность этих утверждений. Несмотря на несовпадение границ отдельных явлений и несмотря на то, что любой говор подвергается в настоящее время сильному воздействию литературного языка, в своем архаическом слое каждый говор представляет собой реальную величину, где различные характеризующие его явления находятся в определенных отношениях друг к другу и образуют живую систему этого говора. Точно так же можно говорить и о наречиях, в которые объединяются на основании наличия некоторых общих черт совокупности говоров, взаимно связанных в процессе их исторического развития.

§ 134. В 1915 г. Московской диалектологической комиссией, состоявшей при Академии наук, была создана диалектологическая карта русского языка с указанием основных наречий как русского, так

и белорусского и украинского языков — в старой, дореволюционной диалектологии белорусский и украинский языки рассматривались как наречия русского языка,— и с подразделением русских наречий на основные группы (об основаниях этого подразделения и о группировке говоров в этой карте см. § 103 и след.). Эта карта представляет серьезный шаг вперед в развитии диалектологии.

Она дает лишь суммарное представление об основных наречиях русского языка, так как на ней не представлены границы отдельных явлений. Кое в чем она в настоящее время устарела, так как составители ее не располагали всеми теми материалами по говорам, какими располагаем мы, вследствие чего некоторые отмеченные на ней границы исследованиями последнего времени не подтвердились, но многие подтверждены и этими исследованиями. Это указывает на то, каким крупным достижением русской науки явилась в свое время эта карта.

Помимо этой карты, как до нее, так и после нее создавались различные диалектологические карты как для отдельных губерний, так и для отдельных явлений.

В настоящее время под руководством Института языкознания Академии наук СССР ведется работа по составлению полных диалектологических атласов русских говоров на территории различных областей. В работе по собиранию материалов для этих атласов принимают участие многочисленные университеты, педагогические и учительские институты нашей страны. По самым методам своим эти атласы существенно отличаются от западных атласов.

Западные атласы, при всей их подробности, зачастую носят бессистемный характер, в них смешиваются на одних и тех же картах явления различного порядка, иногда выдвигается на первый план не существенное для языка. Так, например, какая-нибудь карта показывает распространение различных слов в каком-нибудь значении (например, применительно к французскому языку, распространение различных слов, обозначающих „лошадь“). На одной и той же карте нанесены и слова различных корней с этим значением, и различия в фонетическом облике слов одного и того же корня.

В наших диалектологических атласах картографируются не отдельные разрозненные факты, а определенные явления, на фоне которых тем ярче выступают единичные отступления, причем четко разграничены различные стороны языка. Так, например, для определения изоглоссы *и* на месте *ѣ* в положении перед мягкими согласными дана общая карта распространения этого явления по словам и формам самого различного порядка, а затем особо дается дополнительная карта, где показано *и* на месте старого *ѣ* в определенных немногих словах, где это явление распространено территориально значительно шире, чем в остальных случаях. Такие же карты, общая и частная (дополнительная), даны для изменения *а* в *е* между мягкими согласными. В разделе лексики приводится строгое разграничение между различиями по говорам только в слове и различием в то же время и в предмете, обозначенном соответствующим словом.

Первым опубликованным диалектологическим атласом является атлас русских говоров в районе озера Селигер („Лингвистический атлас района озера Селигер“ составлен М. Д. Мальцевым и Ф. П. Филиным, изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1949). Но этот атлас порочен в своей основе. Составленный представителями марровской теории, он в то же время повторяет наиболее существенные ошибки западных атласов. В нем не разграничиваются явления разного порядка, например, лексические и фонетические, не учтены многие существенные явления, не говоря уже о том, что карты технически выполнены плохо [1].

В настоящее время закончены и сданы в печать атлас говоров центральной части СССР к востоку от Москвы и атлас северозападных говоров (территория между Новгородом и Псковом).

§ 135. В работе над атласами, как уже было сказано выше, принимают участие многочисленные вузы страны. Эта работа осуществляется силами научных работников и студентов, ежегодно совершающих экспедиции в различные районы, прилегающие к городу, где находится данный вуз. Для того чтобы эта работа велась по общему плану, чтобы все участники ее обращали внимание в первую очередь на такие явления, которые необходимо картографировать, и притом охватила все важные явления, Институтом русского языка Академии наук СССР была составлена программа для собирания этих материалов, вышедшая несколькими изданиями. Эта программа содержит ряд вопросов (в целом около 900), посвященных различным сторонам языка. Подобные программы выпускались различными научными учреждениями (а иногда и отдельными учеными) и раньше. Незадолго до Великой Отечественной войны (в 1940 г.) был выпущен так называемый „Вопросник“ ИЯМ (Института языка и мышления АН СССР). Он характеризуется довольно подробной разработкой раздела лексики, но, составленный диалектологами марровского направления, совершенно неудовлетворителен в разделах фонетики и морфологии. На основании ответов на поставленные в нем вопросы нельзя составить ясного представления о звуковой системе и морфологическом строе изучаемого говора. Для дореволюционного времени следует отметить программу, составленную Московской диалектологической комиссией (той самой, которая выпустила карту 1915 г., рассмотренную выше). Собственно МДК было выпущено даже две программы — одна для северновеликорусских и средневеликорусских говоров, другая для южновеликорусских. Такое подразделение основывалось на существовавшей у составителей программы концепции образования русских говоров.

Программа Института русского языка не проводит такого разграничения и предназначена для любых говоров, поскольку некоторые явления, характерные в основном для северных говоров, заходят

---

[1] Подробный разбор этого атласа см. в статье Р. И. Аванесова «„Новое учение“ о языке и лингвистическая география». Сборник „Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании“, ч. 1, изд. АН СССР, М., 1951.

далеко на юг и, наоборот, некоторые явления, характерные для южных говоров, заходят на север. В частности, как уже было сказано выше, в программе Московской диалектологической комиссии лишь для северных говоров был поставлен вопрос относительно употребления деепричастия как сказуемого, вследствие чего в ответах на программу для южных говоров это явление не отмечалось, тогда как в действительности оно распространено и на юге. Программа Института русского языка характеризуется детальной и систематической разработкой фонетики и морфологии. Представлены в ней также и синтаксис, и лексика. Собирание материала по ней показало, что в некоторых частях и она нуждается в дополнении и уточнении. Но в целом она является более полной и систематически разработанной в сравнении со всеми предыдущими программами.

ОБРАЗЦЫ ДИАЛЕКТНЫХ ЗАПИСЕЙ

Записи даны в транскрипции (большей частью приблизительной) тех источников, откуда они взяты.

СЕВЕРНОВЕЛИКОРУССКОЕ НАРЕЧИЕ

1

Кабы жили на заставы богáтыри,
Недалéко от города — за двенадцать верст,
Кабы жили они да тут петнáццеть лет;
Кабы трицеть-то их было да со богатырём;
Не видали не конного, не пешого,
Не прохожего они тут, не проежжого,
Да не серой тут волк не прорыскивал,
Не ясен сокол не пролётывал,
Да не руськой богатырь не проежживал.
Кабы трицет-то было богатырей со богатырём;
Атаманом-то стар казак Илья Муромец,
Илья Муромець да сын Иванович,
Подутóманьём Самсон да Колыбанович,
Да Добрыня-то Микитич жил во писарях,
Да Олеша-то Попович жил во поворах,
Да и Мишка Торопанишко жил во конюхах,
Да и жил тут Василей [1] сын Буслаевич
Да и жил тут Васинька Игнатьевич,
Да и жил тут Дюк да сын Степанович,
Да и жил тут Пермя да сын Васильевич,
Да и жил Родивон да Превысокие [2]
Да и жил тут Микита да Преширокие [2]
Да и жил тут Потанюшка хроменькой,
Затем Потык — Михайло сын Иванович,
Затем жил тут Дунай да сын Иванович,
Да и был тут Чурило блады [3] Пленкович,
Да и был тут Скопин сын Иванович,
Тут и жили два брата два родимые
Да Лука, да Матвей дети Петровые [2].
На зацине-то [4] было светла деницька,
На зори-то тут было да ноньце на утренной,
На восходе-то было да красна солнышка,

Тут ставаёт старой да Илья Муромець,
Илья Муромец ставает да сын Ивановиць,
Умываетсе он да клюцевой водой,
Утираетсе он да белым полотном,
А ставает да он нонь перед господом,
А молитсе он да господу-богу,
А крест-от кладёт да по писáнному,
А поклон-от ведёт да как ведь водитсе...

(Ончуков, Печорские былины.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *е* на месте старого *ь* в положении перед *ц* (в литературном языке это *е* отчетливо проявляется лишь под ударением).

[2] Ритмическое растяжение, в результате чего окончания *-ие* вместо *-ий*, *-ыя* вместо *-ый* и т. п.

[3] Млады — младой (изменение *м* в *б* перед *л* — одно из явлений диссимиляции, довольно редкое).

[4] Зацине — зачине, т. е. начале.

2

Жиў быў купець дóсюль[1], было у нёγо три доцéри[2], задумалось ёму[6] зá морё поторговать съјиздить. Он дочéрям состроиў всим[3] по покою, а двирей на улицю не прорубиў, ходу не сделаў, штобы не ходили никуды. Больша доци[4] отцю говорит: „Надеш (так!)[5] мою рубашку беленьку, если я худо зажыву, то пусь моя рубашка поцерьнеа“[6]. Середня доци скажет: „Батюшко, одень мои портоцьки белы, если худо зажыву, так пусь мои портоцьки поцерьнеют“. Меньша доци скаже: „Батюшко, возьми мой платоцик белый, если худо зажыву, так пусь мой платоцик поцерьнеа“. После этого отець и съехаў.

(Ончуков, Северные сказки, запись А. А. Шахматова, Петрозаводский уезд, ныне район.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дóсюль — прежде, раньше.

[2] Ударение в косвенных падежах этого слова обычное для олонецких говоров.

[3] Форма дат. пад. мн. ч. под влиянием им. п. мн. ч. „вси“, которое является сохранившейся древнерусской формой этого местоимения.

[4] Архаическая форма вместо обычного для русского языка „дочь“ (древняя форма дъчи).

[5] Надеш — наденешь.

[6] Мягкость *р*, обусловленная наличием после него в некоторых древних говорах *ь*, исчезнувшего в слабом положении, выпадение неслогового *ц* между гласными (*почернеет*), редкий случай изменения неударяемого *о* после мягкого согласного (*ц*) в *а*, форма 3-го лица в данном случае является без окончания *-т*.

3

Мужы́к да ба́ба жы́ли о р'еку́, о са́му р'ẽц'ку. Бы́ло у н'и́х дво́йе дит'е́й, сы́н ы до́ц'. Мужы́к был пол'и́с'н'ик [1], пол'е́совал в л'есу́. Увида́л он там д'е́в'ät' розбо́йн'икоф, пото́м пр'ишо́л домо́й да и говор'и́д жоны́, што вот жена́, там д'е́в'ät' розбо́йникоф, каг бу́д'еш фат'е́ру паха́т', см'ет'йо́ф [2] на р'еку́ н'е нос'и́, а то пр'иду́т розбо́йники, зайду́т к т'иб'е́, што́бы н'е узна́ли жыг'йа́. А пото́м, как то́л'ко муш ушо́л, она фат'е́ру опаха́ла и вы́н'есла см'ит'йа́ [2] на р'еку́. Ну вот, пото́м разбо́йн'ик'и и пр'ишл'и́, Приш'ли́ вот у йе́й поноч'ева́л'и. Од'и́н йей пондра́в'ил'се розбо́йн'ик-то. Вот му́ш пото́м прихо́д'ит домо́й из л'ẽсу-то, говор'и́т н'е́й: Бы́л'и л'и разбо́йн'ик'и? Она говор'и́т: н'е́ был'и. Пото́м ста́ла спра́шыват' у му́жа, што ч'е́м ты тако́й сил'н'о́й, так што т'еб'а мо́жет уд'ержа́т'. А он йей н'и сказа́л. Пото́м сказа́л: „Тол'ко м'е^и н'а мо́жет зад'ержа́т' волос'ана́ вир'о́фка, из волосо́ф". Пото́м вот она́ у́тром и забол'ẽла. По у́тру на́оп [3] вы́стр'ит' [4] во́лосы, ко́сын'ку-то запл'ес'т'и́. „Ка́к остр'иг'о́ш, так на сто́поч'ку клад'и́". Ну, вот, пото́м, муш остр'и́к во́лосы, положыл на сто́поч'ку, ушо́л в л'ẽс. Пришло́ к н'е́й д'е́в'ет' розбо́йн'икоф и спл'ел'и́ в'ер'о́фку. Ну, в'е^и р'о́фку с'в'и́л'и из волосо́ф, ис косы́-то из йе́йной. Пото́м, пр'ишо́л из л'е́су му́ш, а у йе́й розбо́йн'ик'и. Так оны́ до му́жа-то с'в'и́л'и в'ир'о́фку, рас он был с'ил'н'е́й д'ив'ит'и́ розбо́йн'икоф. Прив'аза́ли волос'ано́й-то в'ир'о́фкой його́ к столбу́, а са́ми поугош'а́л'ис' и свал'и́л'ис' спат'...

(Дер. Пильмасозеро Пудожского района Карело-Финской ССР. Запись автора, 1937.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пол'и́с'н'ик — человек, занимающийся лесным промыслом, охотой.
[2] См'ит'йа́ (собират.) — мусор, то, что выметено.
[3] На́оп — надобе (надо).
[4] Вы́стр'ит' — выстричь.

4

„Мы чай пьем: присятьте пока", — сказала нам хозяйка и на нашу просьбу принести молока отвечала: „Два рас бигала за молочком ноньче. Молока нит. Вот у суситки и похлёнуть [1] не́чово. Ужо-ко схожу: буде ражжывусъ где". Через пять минут она вернулась со словами: „Бигала, бигала — ни у оново́ нит. Гди гуляли?" — За рекой. — „Вы шли по лавы. Там боhатой [2] нарот, фарсистой" [3]. — Вы сами из какой деревни? — „С Усадишш я брана. Там и природа [4] есь [5]. Теперь один брат помёрши... Нивиска [6] у меня все неможе: и гулять бросила, летом на гуляньё не стала ходить в воскресеньё. Бох ви́дать [7] счово́. Теперь ёна поправля́тца". — Скоро чай? — „Сам знаш, самовар поставлён, думатца сечас топеря".

(Новгородский уезд, ныне район. „Русский филологический вестник", т. 40, стр. 105.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Похлёнуть — похлебнуть, выпадение *б* перед *н*.
[2] γ фрикативное (здесь, повидимому, һ = γ) вместо взрывного *г* в северных говорах широко распространено в некоторых словах, главным образом церковного характера.
[3] Безударное *а* вместо *о* в слове, заимствованном из литературного языка (явление обычное вообще для окающих говоров).
[4] Природа — родня.
[5] Отпадение конечного *т* после *с*.
[6] Нивиска — невестка.
[7] бог знает.

5

Нивéс[1] пора ужо ставать. Лико[2], большуха-та[3] давным давнуо[4] состала, да и за пресничёй[5]. Ой, нивес, колды ты и с умом гу соберёшша. Наштё[6] и последнё-иот[7] дýбас[8] с те свалитчя! Ну, путно ли до экой поры дры́хнуть — Ой, матуш!.. я веть давнуо[4] уж пробудилась, да так вуот[4] всё валéюсь: деньши́на-та[9] седдни[10] не моя, дак циовуо же делать-ту? — Да хоть бы пряла! — Преди́ пожалуй: нет ума-ту! куляш[11] придёт: умчи́т жо. Ну, садится ле хто светьём[12] за прéсничу[5]? — Эх, нивес, нивес! Ладно бáчят[13] молодоиот ум не крепок! Ну, где жо видно штё бы ходили кулеши́ по утрами[14]? Не преди туолько свéчора, тожноля [15], не диви[16], попредёш и на кулеша. А коли[17] петух пропел: какиё же дурныё кулеши́: все згúбли, да пропали; нашо ми́сто[18] свято!

(Образец говоров б. Орловского и Котельнического уездов б. Вятской губ., ныне Кировской обл., по рукописи 50-х годов XIX в., „Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук", т. XIV, № 1.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Нивес — невестка.
[2] Лико — гляди-ко.
[3] Большуха — старшая невестка.
[4] Сочетанием уо в этом месте и далее передается дифтонг уо.
[5] Пресничя — прялка (приведенная здесь форма является вместо „прясница", отражая цоканье и переход *а* в *е* между двумя мягкими согласными.)
[6] Наштё — на что, отчего.
[7] Сочетание слова с постпозитивным членом; перед постпозитивным членом находится *й*, которое правильней было бы отнести к прилагательному.
[8] Дубас — сарафан из грубого синего холста.
[9] Деньши́на — очередь в домоводстве.
[10] Седдни — сегодня.
[11] Куляш — чертёнок.
[12] Светьё — святки.
[13] Бачить — рассказывать.
[14] По утрами — по утрам (наряду с обычным для восточной группы совпадением дат. и твор. п. мн. ч. в форме дат. п. возможно и употребление формы твор. п. вместо дат. п.).
[15] Тожноля — тогда, в таком случае.
[16] Не диви — не удивительно.
[17] Коли — когда.

[18] *и* вместо старого *ѣ*; вообще перед твердым согласным должно бы было быть *ê*, но в этом слове часто наблюдается *и* под влиянием таких форм этого слова, где *ѣ* является перед мягким согласным, например „вмисте“.

6

Образец разговорной речи.

У ево дела-ти маленько позамялись. Ето зятя страмят[1] молодова. Только што за стыдом[2] не поёт. Против бывáлошных (песен) нóнешние плохи. Обедайте, — я не емши пропою. Поёш, так и без придумы знаёш, какая (песня) дальше. А мы, дураки, давай ишшо прытче. Охотникоф для песен софсем нет, — не находится. Песчаная, чяжолая дорога-та. Мы не знам по ихному-ту.

(Балахнинский уезд Нижегородской губ., ныне Горьковской обл., „Живая старина“, 1911, т. I, стр. 38.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вставка *т* в сочетании *ср* обычная для говоров и для древнерусского языка.
[2] З а с т ы д о м — из-за стыда.

7

Раншъ[1] з'имóй гул'äл'и у амбáр'йаф[2], нарóду мнóго сход'йлъс. Нъд'евáл'и шýбн'ики[3] и пълудóлг'и[е], пов'áзывъл'и бол'шéи[4] шáл'и, гул'äл'и. Роб'áтъ[1] ход'йл'и б'éр'енд'еефск'и[5]. Нъд'евáл'и[1] вáтна[6] йýп'к'и. С'ейч'áс, вон, ф штанáх хóд'ут, а тогдá вáтна[6] йýп'к'и нъдéвáл'и. Нъ[1] скам'йáх катáл'ис. Вот скáм'йи бол'шéи[4] зд'éлъйут[1] — а у нас горá. У нас там горá, вот с'в'éрху-ту. На скам'йáх катáл'ис ч'ьлъéк[7] по д'éс'ат' сажáл'и. Вот покáт'имса с'уды́, тут и докáт'имса.

(Дер. Владимировка Лысковского района Горьковской обл., из материалов Диалектологического атласа Института языкознания АН СССР, запись 1949 г. Л. П. Жуковской, Л. Е. Петерс, Е. А. Твердовской, А. М. Кузнецовой.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Редукция заударных гласных, а также предударных, кроме первого предударного, характерная для говоров с неполным оканьем.
[2] „У амбаров“; форма мн. ч. во всех падежах распространена элементом *й*; *ф* вместо *х* в падежном окончании; *а* (а не *ъ*) в конечном закрытом слоге обусловлено положением перед паузой.
[3] Полушубки.
[4] Им. п. мн. ч. прилагательного; форма, повидимому, под влиянием указательного местоимения.
[5] „берендеевские“ (прилагательное, образованное от названия местности); стянутая форма им. п. мн. ч.
[6] *вáтна* из *вáтнаи* (им. п. мн. ч.); *и*, повидимому, утрачено перед последующим *й* (вследствие близости артикуляции; *а* вместо *ы* под влиянием формы ед. ч.).
[7] „человек“, это слово легко подвергается в произношении далеко идущей редукции.

ЮЖНОВЕЛИКОРУССКОЕ НАРЕЧИЕ

1

Землянichкя — я́гатка ва бару ради́лася
Эй, эй ихахо́, эй, эй, уш ты мні́е[1]!
Ва бару́ ради́лася, ва дере́вню за́муш шла́
Эй, эй ихахо́, эй, эй уш ты мні́е!
Ва дере́вню за́муш шла́ за́ ста́рава старика́,
За ста́рава старика́,— за сяду́я бо́раду
Эй, эй ихахо́, эй, эй уш ты мні́е!
А сяда́я барада — гарямышная бяда́
Эй, эй ихахо́, эй, эй уш ты мні́е!

(Народные песни, собранные в северо-западном углу Землянского и Задонского уездов Воронежской губ. Записал Тростянский, „Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук", т. XIV, № 1, стр. 11.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *і̆е* обозначает в этой записи дифтонг *и͡э*, являющийся на месте древнего *ѣ*. Фрикативный характер *г* в записи особо не обозначен.

2

Был у нас станавой, ни тѣм яɣо паминать: типерь уш ён памёр! Любил ён больно денишку. Вот даслыхалси ён, што у аднаɣо баɣатаɣа мужыка была тысича рублёв дених, и давай придумывать, как бы јих палажить у свой карман. Ня до́лɣа ён думал, смикалка-та у ниво здаровая на всѣ прадѣлки. Вялѣл ён сваяму рассыльнаму, такому ш выжаɣи[1], издѣлать чилавѣчью чучилу, замазать јие кровью и падбросить к мужыку на ɣарот. А сам ночью приижжаить у то сяло и кричить: Давайтя мнѣ хватеру!— Идѣ прикажытя, ваша блаɣародья? успрашивая соцкай. — Ну, хоть у такоɣа-та мужыка. Привёл яɣо соцкай на хватеру, и мужык пришол к няму на паклон. Станавой и приказываить соцкаму узять у каɣо-нибудь сѣна зли[2] яɣо лашадей. А хозяин и кажа: зачѣм жа, ваша блаɣародья хадить далёка за сѣнам? мы сами ради служыть вашай миласти — ни у первой вы у мине астанавливаитесь: чѣм баɣаты, тѣм и ради. Узял мужык хванарь и пашол с рассыльным за сѣнам. Рассыльнай как толькя пришол у сарай, и хватил сѣна прямо у том мѣстя, идѣ лижала чучила, и закричал: Ах, батюшки! тут мертвай ляжить чилэк[3]! Мужык как ɣлянул, так и абамлел. Што тут дѣлать? Прибѣх у хату и бух станавому у ноɣи: Батюшка такой-сикой, стань за атца, за матиря! Знать ни знаю и вѣдать ня вѣдаю, аткуля на мине такая напасть! Станавой закричал, залапѣл, вялѣл было ɣрамаду[4] збивать, а даля

збил с мужычка тысичку и паѣхал; и чучилу с сабою узял. Да што казать! ни у в адном сялѣ пабывала ета чучила; пабралси станавой за ние дених.

(Обоянский уезд Курской губ., ныне Курской области. Записи А. С. Машкина в 50-х годах XIX в., „Курский сборник", вып. IV. Материалы по этнографии Курской губ., т. III, 1903.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Выжаγи — выжиге (дат. п. ед. ч.).
2 Зли — для (ослабление артикуляции взрывного перед плавным и переход его вследствие этого в фрикативный).
3 Чилэк — человек.
4 γрамада — сходка.

3

Да Ясйнак[1] щута́йтца[2] двадцать пять вёрст... Койγде́ есьть[3] са̌мавары, у нас не́ была ў Арло́ўи-ты![4] Траўы́ напха́ют, ли́пъвай тьве́т[5] и абварють духави́та̌й тра́ўки и пьють. У као́ самавараў не́т — ти во́ду пьють: проста принясу́ть и пьють нс кало́тца... Наро́т наш бе́днай, сафсем бе́днай, у као́ во́ўцы[6] есь, а ў каўо нету... Слыхала я, нарот наш был γаспо́цкай... дире́ўня была γаспо́цкая — во́т'шетва[7] наша; ну γва̌ть[8], слава боγу, во́ля, γва̌ть[8], вышла!..

(Образцы говора б. Тульской губ., ныне области.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *й* обозначает редуцированный звук, близкий к *и*.
2 Щута́йтца — считается.
3 *ь* после *с* обозначает смягчение *с* перед мягким *т*'.
4 ў Арло́ўи-ты — в Орлове-то (неслоговое ў в этом говоре может являться на месте *в* и перед гласным, а не только перед согласным).
5 Тьве́т — цвет (наличие *т* вместо аффрикаты *ц*, распространенное в этом слове в некоторых говорах, является одним из видов фонетического упрощения).
6 Во́ўцы — овцы; начальное *в* перед *о* широко распространено в говорах.
7 Во́т'шетва — общество (начальное *в* перед *о*).
8 γвать — говорят.

4

Вот я видяла стра́шнай сон-та, испужалась ажно! — Како́й жа́, ну́кысь рыскажи́? — Ох, дѣвушка, ты́ ить зна́jишь на́шу сяду́я каро́ву-та? — Зна́ю. — Ну во́т, бу́тта я с му́жам ѣхыла у γо́рат и вяла́ я е́ту каро́ву прыдава́ть... Удру́х! атьки́да (атькы́да) ни вазьми́сь γыратска́я каро́ва ды́ к на́м; мы jнѣ атаγна́ли ды́ и́ть, ту́т жа и хазя́йкя-та́ идёть; узяла́ ана́ jнѣ ды́ пыγна́ла дамо́й, а на́[1] кы́к патхватица ды́ на кры́шу, а на кры́ши-та́ трава́ расьтёть, а на́ и ста́ла та́м хади́ть. На́ша каро́ва ни бу́дь дурна́ сабѣ за е́й, атарва́лась а́ть тилѣγи, ить бу́тта е́та лѣтам, ды́ на кры́шу х тэ́й каро́вя и ну́ аны́

там кало́ца[2], та́-та здыраве́нныя каро́ва, а и́ть на́ша ты́ зна́ншь плаха́я; та́ на́шу и спихну́ла с кры́ши, на́ша шлё́п ды и ляжы́ть, а ить дво́р та́ уве́сь ка́мням вы́слан, ана́ бу́тта разьби́лась и подняла́сь ды ɣзаку́тя[3] и пыдашла́ и ста́ла тили́ца[4], я испужа́лась! ана́ атили́ла бальшо́ва тилё́нка, кык ён зырнви́ть-та, зырнви́ть! Бу́тта я и атдала́ яво́ Луша́ки[5] дамо́й све́сь, а каро́ву са́ми привизьли́.— Ну, дѣ́вушка, е́та нихырашо́, чаво́ нибу́дь табѣ́ ды риве́ть каро́вай!

(Б. Калужская губ., Мещовский уезд. В. Чернышев, Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда, „Сборник Акад. наук“, т. 70, 1901.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ана́ — а она.
[2] Кало́ца — колоться, т. е. бодаться.
[3] ɣзакутя — к закуте.
[4] Тили́ца — телиться.
[5] Лушаки — Лукерье (уменьшит. имя).

5

У днаво[1] старичькя́ бы́ла троя сынавьёф: два умных, а третий Мялёша — дурак. Вот старик по́мяр, а старуха и пасылаить сваих сынавьёф в горат купить сталоф, лошкаф, тарелкаф и гаршкоф. Братья падумали, шта многа чаво будя им покупать, и сказали: „Давай вазьмём с сабой Мялёшу, он будя лошадь стяречь“; и взяли яво. Ехали, ехали, а на дороги вароны и галки крачют; вот Мялёша и думаить: „Пастойтя, я вам фсем задам, ета[2] ани мине дражнють: „Дурак, да дурак!“ Едуть ани лугам и лесам, а в лясу пяньки стаять; Мялёша апеть думаить: „Беднаи вы, пянёчьки, стаитя вы бяш шапкаф, вам халадно, вот я вас фсех адену“. Пряяжжають ани в горат, накупили ета ани фсяво и гаварять Мялёшки: „Мялёша, ты приметил дарогу, как мы суды ехали, можыш с тялегай ехать?“ „Магу, магу“,— сказал Мялёша и поехал в дяревню.

(Б. Рязанская губ., Е. С. Истрина, Краткое руководство по истории русского языка.)

ПРИМЕЧАНИЯ

г фрикативное особым знаком не обозначено.
[1] Удназо — у одного (поглощение начального *а* после гласного предшествующего слова).
[2] Ета — это.

6

Хаз’а́ин по́мьр уш о̀н[1] јаму́[2] вр’е́м̀’а[3]|ано́ уш и мн’е хът’ вр’е́м̀ä (вопрос члена экспедиции: „А давно помер-то?“). Во́с’ьм л’ᶦ͡ет[4] (вопрос: „А как хворал?“) Хвара́л та? Дъ он про́стъ та́к ⋮ у н’äво[5] уш въспал’е́нйиӗ бы́лъ л’е́х’к’их || Дъ он так и по́м’ьр-дъ[6] | ну вотъ[7] | вы̀ када̀ у м’н͡’е[8] бы́л’и, тъ он п’èр’ĕт ɣо́дъм, по́м’ĕр тъ (вопрос: „А из

дочерей, сыновей кто-нибудь жив?") М'йлъи у м'ьн'е дъч'ир'еи[9] ¦ ч'атыр'а а сынав'јо́ф ни днаво́[10] н'ет | а до́ч'ьр'и ч'атыр'ē[2] | А сыно́ч'к'ъ[11] тъ сроду н'ьв'ида́лă | н'а зна́иу[12] како́и јес'т' || Да ¦ н'а зна́иу[12]... Дъ ъш[13] о́н вът во́с'ь'м' л'иет[4] по́м'ьр | ну н'ь давнуо[14] м'ил | таг давно́ тъ | ит' хто́ ь знъьт'[15] || уш ан'й ¦ ста́рыи ста́л'и то́тъ кому́ л'ет со́рък | каму три́тцът' так вът ан'й (вопрос: „А сейчас дочери бывают у вас?") Дъ ја з двойм'а жыву́ | д'в'ê у мьн'е | ја с н'им'и жыву́ | А бо́л'шы у м'ьн'е ни́каво́ н'êт | Мы фтрајо́м | Вот етъ вну́ч'к'ь тъы | вы у м'ьн'е да́вьчь [ит'] мальн'к'йиъ ¦ мо́жыт' в'йд'ьл'и ан'и у м'еин'е фс'у[16] вр'е́м'ъ[16].

(Дер. Новоселки Рыбновского района Рязанской обл., запись с магнитофона экспедиции под руководством проф. Р. И. Аванесова, 1949 г.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Здесь и дальше ' обозначает ослабленное ударение.

2 *а* после мягкого согласного (иногда несколько более переднее) перед ударным гласным верхнего подъема по нормам ассимилятивно-диссимилятивного яканья; настоящий отрывок для установления типа яканья недостаточен; но полное обследование говора показало, что он характеризуется ассимилятивно-диссимилятивным яканьем.

3 Знак ◡ над буквой здесь и дальше обозначает большую краткость безударного гласного.

4 *ие*, *ê* на месте старого ѣ.

5 *а* после мягкого согласного перед старым *о* по нормам ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

6 Частица *да*, *дъ*, добавляющаяся в некоторых говорах к конечному члену перед паузой.

7 Здесь и дальше маленькая гласная над строкой обозначает очень сильно редуцированный безударный гласный.

8 „У меня"; окончание *е* по нормам южновеликорусских говоров; безударный гласный легко редуцируется до нуля в окружении сонорных согласных (ср. ниже в такой же форме *у м'ьн'е* очень сильная редукция, но не до полного исчезновения).

9 *и* в первом предударном слоге перед ударным *е* по нормам ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

10 Утрата начального гласного после конечного гласного предшествующего слова, характерная для южновеликорусских говоров; *дн* обозначает тесную связь этих согласных в сочетании, выражающуюся в фаукальном характере *д*, произносящегося с открытым проходом в полость носа.

11 Смягчение задненебного *к* после мягкого согласного.

12 *а* после мягкого согласного в первом предударном слоге в положении перед ударным *а* по нормам ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

13 *Дъъш* —„да уж"; сильно редуцированный гласный на месте *у* объясняется характером *уж* как частицы.

14 *уо* на месте старого *о* под восходящим ударением.

15 Сильная редукция гласных в этом выражении ввиду его частой употребительности и частью вводного характера широко распространена в говорах, возможна и в литературном языке.

16 Согласование существительных старого среднего рода по женскому роду, широко распространенное в южновеликорусских говорах.

¦ | || — знаки пауз различной степени (в порядке их возрастания).

СРЕДНЕВЕЛИКОРУССКИЕ ГОВОРЫ

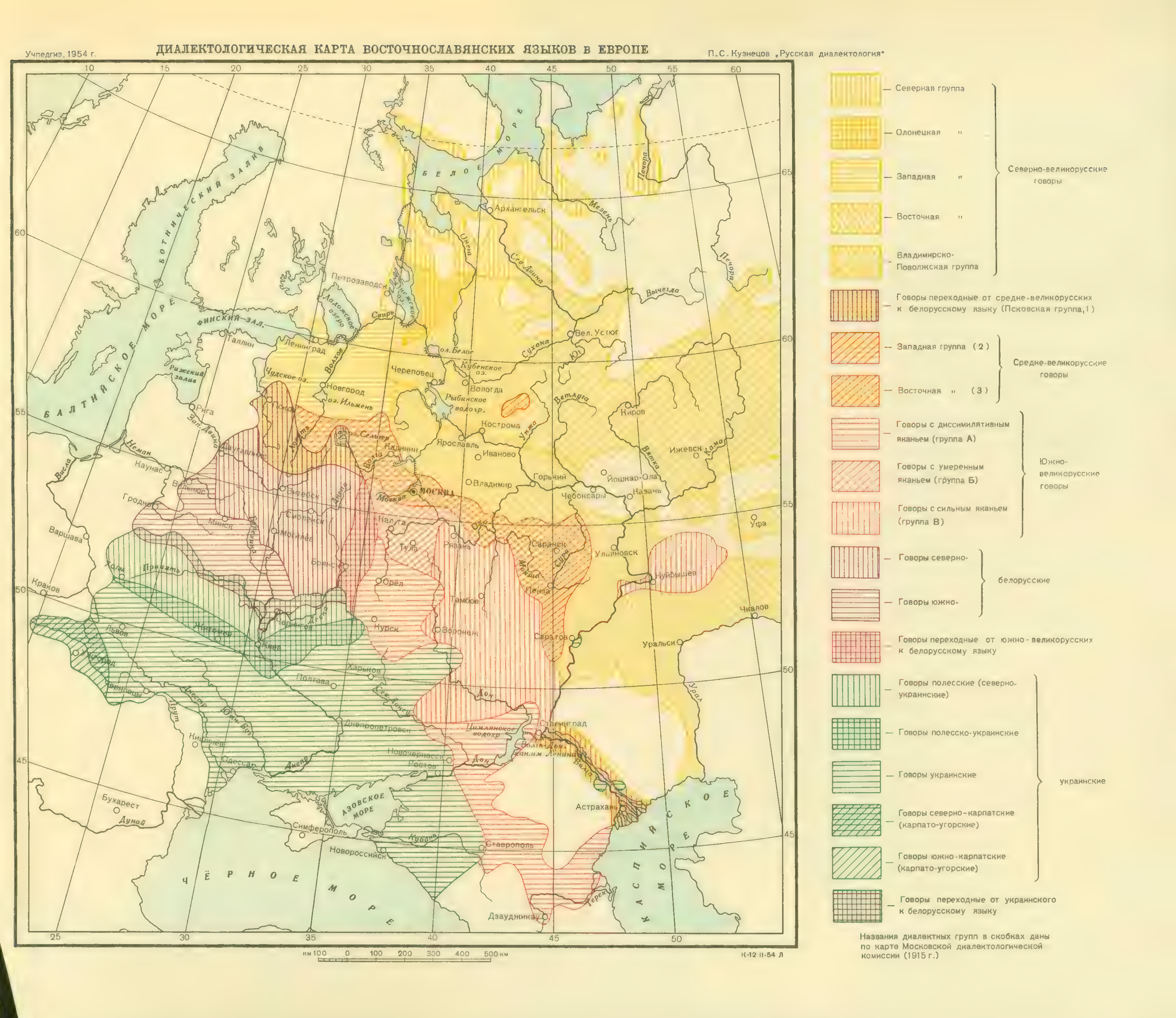
Я на́ горку шла,
Нъ пригорку шла,
Умарилъс, умарилъс,
Умариласа.
Знамъ дела — умарилъс,
Умариласа.
Нъ пригорку шла,
Тижыло нисла,
Умарилъс... и т. д.
Тижыло нисла
В ришыте афса,
В ришыте афса
Пълтара зирна.

Я дамой пришла,
Авёс высыпъла,
Авёс высыпъла,
Печ'ку вытъпила,
Печ'ку вытъпила,
И блиноф напикла,
И сыта ни была,
И к сасетки пашла,
А сасетка дабра,
Ничиво ни дала.
Я дамой пришла,
Мужъ выругъла:
Ах ты, фил'ъ, пръстафил'ъ,
Ты пустайъ гълава.

(Б. Московский уезд. Д. Н. Ушаков
Для просеминария по русскому языку.)

ПРИМЕЧАНИЯ

ъ обозначает и редуцированный гласный более заднего, и редуцированный гласный более переднего образования. Мягкость *ч* обозначена. Ввиду близости говора к литературному произношению более детальные примечания излишни.

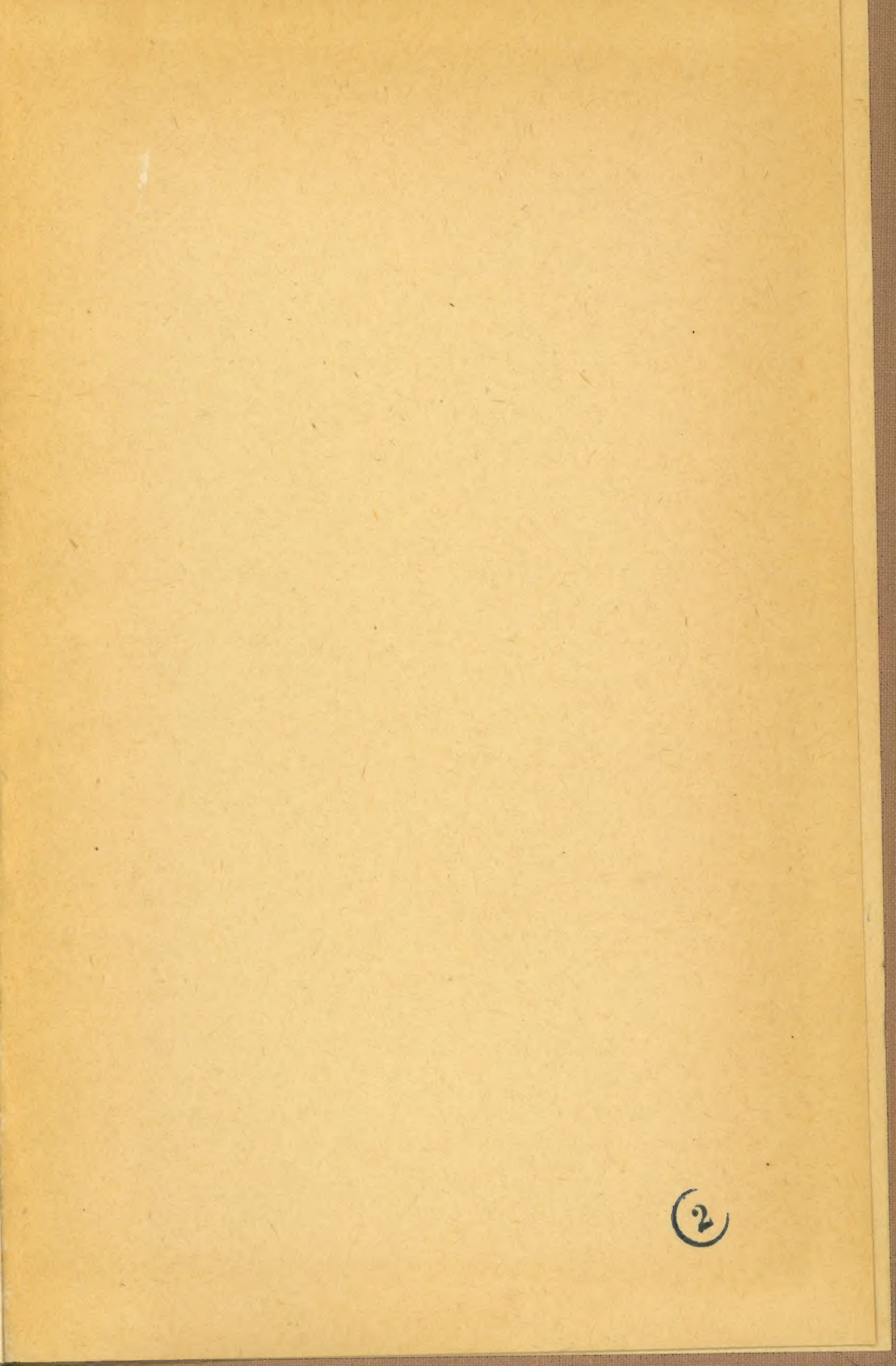

Учпедгиз, 1954 г.
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ в ЕВРОПЕ
П.С. Кузнецов „Русская диалектология"
Северная группа
Олонецкая "
Западная "
Восточная "
Владимирско-Поволжская группа
Северно-великорусские говоры
Говоры переходные от средне-великорусских к белорусскому языку (Псковская группа, 1)
Западная группа (2)
Восточная " (3)
Средне-великорусские говоры
Говоры с диссимилятивным яканьем (группа А)
Говоры с умеренным яканьем (группа Б)
Говоры с сильным яканьем (группа В)
Южно-великорусские говоры
Говоры северно-
Говоры южно-
белорусские
Говоры переходные от южно-великорусских к белорусскому языку
Говоры полесские (северно-украинские)
Говоры полесско-украинские
Говоры украинские
Говоры северно-карпатские (карпато-угорские)
Говоры южно-карпатские (карпато-угорские)
украинские
Говоры переходные от украинского к белорусскому языку
Названия диалектных групп в скобках даны по карте Московской диалектологической комиссии (1915 г.)
БЕЛОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
БОТНИЧЕСКИЙ ЗАЛИВ
ФИНСКИЙ ЗАЛ.
Рижский залив
ЧЁРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Архангельск
Петрозаводск
Ленинград
Таллин
Рига
Новгород
Псков
Череповец
Вологда
Вел. Устюг
Кострома
Ярославль
Иваново
Калинин
Москва
Владимир
Горький
Киров
Ижевск
Йошкар-Ола
Казань
Чебоксары
Уфа
Ульяновск
Куйбышев
Чкалов
Уральск
Саратов
Пенза
Саранск
Рязань
Тула
Калуга
Смоленск
Витебск
Могилёв
Минск
Вильнюс
Каунас
Гродно
Брянск
Орёл
Курск
Воронеж
Тамбов
Харьков
Полтава
Киев
Житомир
Львов
Черновцы
Кишинёв
Одесса
Днепропетровск
Ростов
Новочеркасск
Сталинград
Астрахань
Ставрополь
Новороссийск
Симферополь
Дзауджикау
Варшава
Краков
Бухарест
Цимлянское водохр.
Рыбинское водохр.
Ладожское озеро
Онежское оз.
Чудское оз.
оз. Ильмень
оз. Белое
Кубенское оз.
Волга
Дон
Днепр
Днестр
Кама
Вятка
Сухона
Сев. Двина
Онега
Мезень
Печора
Вычегда
Ветлуга
Унжа
Ока
Сура
Мокша
Урал
Кубань
Терек
Дунай
Прут
Висла
Неман
Зап. Двина
Припять
Десна
Березина
Свирь
Волхов
Сев. Донец
Юж. Буг
Селигер
км 100 0 100 200 300 400 500 км
Н-12 II-54 Л

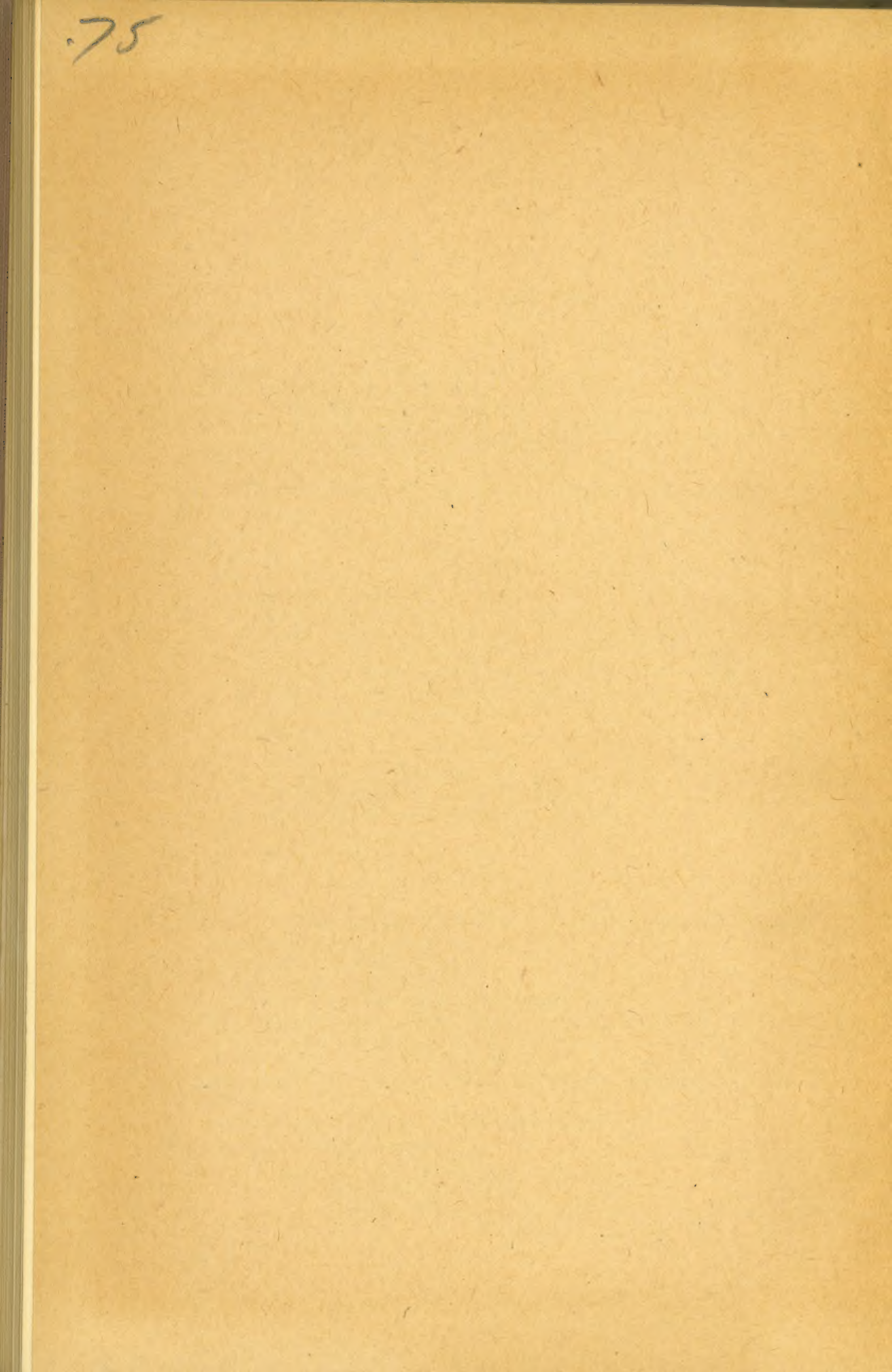
ПРИМЕЧАНИЕ К КАРТЕ

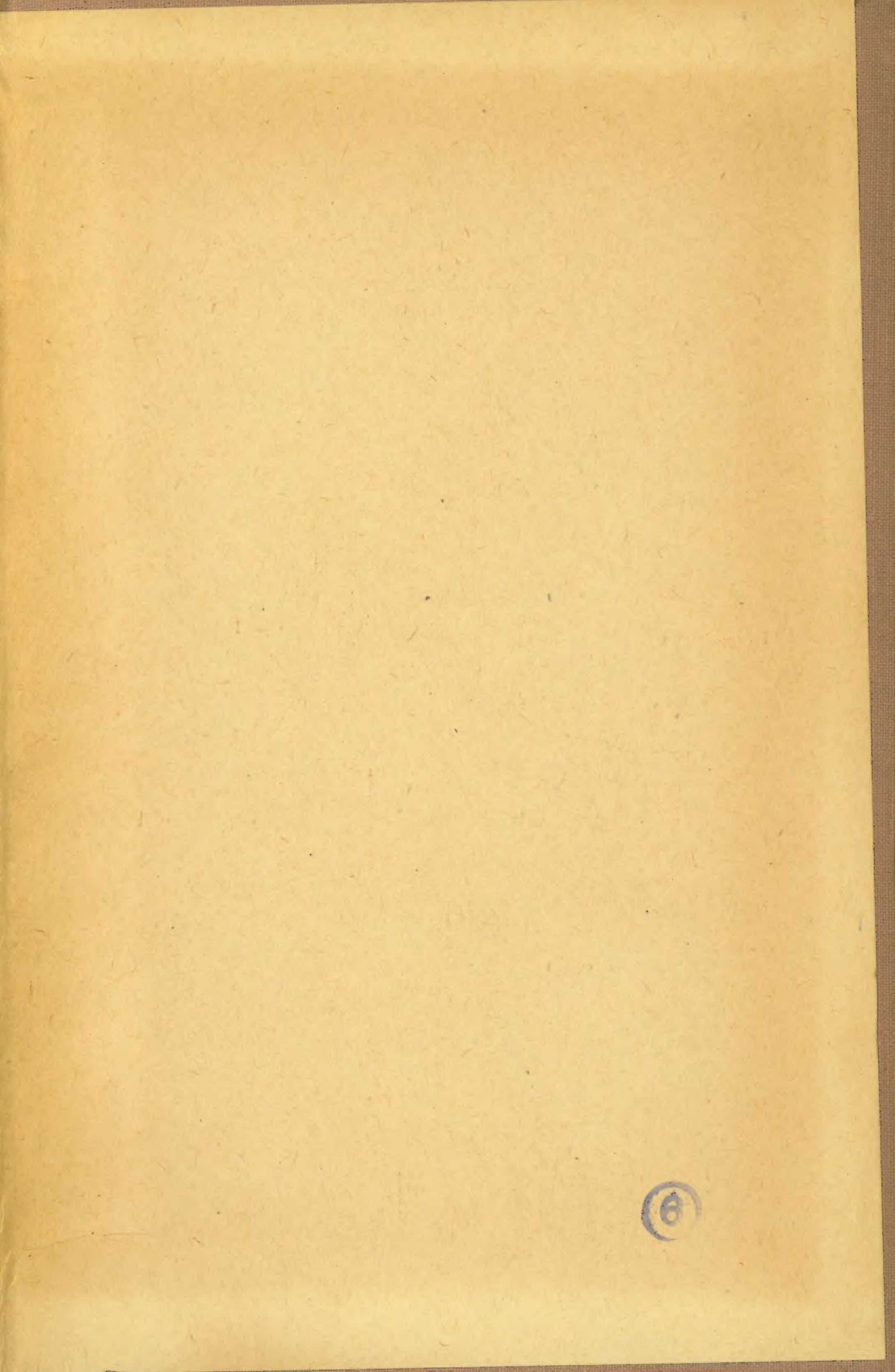
Данная карта воспроизводит карту Московской диалектологической комиссии с видоизменениями, внесенными в книге Н. Дурново „Введение в историю русского языка" (Брно, 1927 г.). Эта карта в настоящее время значительно устарела, но до опубликования диалектологических атласов, подготавливаемых Институтом языкознания Академии наук СССР, ею приходится пользоваться. Некоторые неточности этой карты были отмечены уже ее составителями. Так, полоса средневеликорусских (переходных) говоров на востоке в действительности доходит до берега Волги (на карте она до Волги не доведена). Неточно указаны границы острова южновеликорусских говоров в Заволжье (в действительности они не достигают берега Волги). Не указаны акающие говоры на берегах р. Урала.

На карте не закрашены территории с невосточнославянским населением, а также территории, редко заселенные говорящими на восточнославянских языках или заселенные недавно, притом зачастую выходцами из различных диалектных областей, так как для них трудно установить диалектные границы. Цветными точками на белом фоне показаны говоры восточнославянских языков на территории с преобладающим невосточнославянским населением.

ОГЛАВЛЕНИЕ

2

.75

6

